

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • 2014 • ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию со дня рождения Евгении Давыдовны Хомской (1929–2004)

Глозман Ж. М. Евгения Давыдовна Хомская: краткий очерк жизненного и научного пути	3
Плужников И. В. Ключевые подходы к проблеме личности в нейропсихологии	8
Ковязина М. С. Синдром «расщепленного» мозга и факторы межполушарного взаимодействия	18
Корсакова Н. К. Нейропсихология внимания и задача Струпа ...	26
Агрис А. Р., Ахутина Т. В., Корнеев А. А. Варианты дефицита функций I блока мозга у детей с трудностями обучения	34
Кроткова О. А. Психофизическая проблема и асимметрия полушарий мозга	47

Психология мотивации

Гордеева Т. О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель	63

Экстремальная психология

Магомед-Эминов М. Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности	79

Эмпирические исследования

Кузнецова С. О., Абрамова А. А., Ениколопов С. Н., Разумова А. В. Психологические особенности враждебности у больных с шизофренией, шизоаффективными и аффективными расстройствами	92

Дискуссии, размышления

Носкова О. Г. Общепсихологическая теория деятельности и проблемы психологии труда	104

Некрологи

Памяти Галины Михайловны Андреевой	122
Памяти Евгения Александровича Климова	126

CONTENTS

To the 85th anniversary of Evgenia Davydovna Homs kaya (1929–2004)

Glozman J. M. Evgenia Davydovna Homs kaya: An essay on life and research work	3
Pluzhnikov I. V. Key approaches to the problem of personality in neuropsychology.....	8
Kovyazina M. S. “Split” brain syndrome and factors of hemispheric interaction	18
Korsakova N. K. Neuropsychology of attention and Stroop Task	26
Agris A. R., Akhutina T. V., Korneev A. A. Varieties of Unit I functions deficits in children with the risk of learning disabilities ..	34
Krotkova O. A. Psychophysical problem and the hemispheric asymmetry	47
<i>Psychology of motivation</i>	
Gordeeva T. O. Basic types of motivation of the human activity: Need-based model.....	63
<i>Extreme psychology</i>	
Magomed-Eminov M. Sh. Ontological conceptualization of the phenomenon of extremity	79
<i>Empirical studies</i>	
Kuznetsova S. O., Abramova A. A., Enikolopov S. N., Razumova A. V. Psychological characteristics of hostility in patients with schizophrenia, schizoaffective and affective disorders.....	92
<i>Discussions</i>	
Noskova O. G. General psychological theory of activity and problems of the work-psychology	104
<i>Memories</i>	
In the memory of Galina Mikhaylovna Andreeva	122
In the memory of Evgeny Alexandrovich Klimov.....	126

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИИ ДАВЫДОВНЫ ХОМСКОЙ (1929–2004)

(07.08.1929—06.03.2004)

Ж. М. Глозман

ЕВГЕНИЯ ДАВЫДОВНА ХОМСКАЯ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНЕННОГО И НАУЧНОГО ПУТИ

Семья. Евгения Давыдовна Хомская родилась 7 августа 1929 г. в семье крупного инженера, одного из создателей авиационных заводов в Москве, Таганроге, Казани, Иркутске, Комсомольске-на-Амуре — Давида Моисеевича Хомского (1901—1982). Дед по отцовской линии — ученый-биолог, получивший образование в Германии (в Баварии), — был деканом биологического факультета Саратовского университета, где создал селекционную станцию. Мать, Любовь Михайловна Белякова (1899—1991), происходила из семьи священ-

Глозман Жанна Марковна — докт. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: glozman@mail.ru

ника, работала инженером-химиком в научно-исследовательских институтах и на военных заводах. Родители Евгении Давыдовны познакомились в Саратове, в госпитале, где отец лежал после ранения, а мать работала медсестрой. Молодожены решили переехать в Петербург, оба поступили в Санкт-Петербургский университет, после окончания которого Давид был приглашен на должность главного инженера вновь созданного Московского авиационного завода. Семья получила небольшую квартиру в Москве, где у них и родились двое детей — сын Петр (1925—1999), ставший, как и отец, инженером, и дочь Евгения (1929—2004). Оба кроме обучения в общеобразовательной школе занимались музыкой. В 1940-е гг. Давид Хомский не избежал ареста, год просидел в тюрьме, вышел тяжело больным, но благодаря усилиям жены поправился и вернулся к работе. Известный американский лингвист Ноэм Хомский (1928 г.р.) — троюродный брат Е.Д. Хомской. Его дед эмигрировал из России в США в начале XX в.

Студенческие годы. Евгения Давыдовна окончила среднюю школу с золотой медалью (и даже была упомянута в газете среди лучших учеников Москвы) и в 1947 г. поступила на отделение психологии философского факультета МГУ. В 1952 г. после защиты дипломной работы, посвященной психофизиологическому анализу речевой семантики (научный руководитель А.Н. Соколов), она начала работать старшим лаборантом в санатории для умственно отсталых детей, который был экспериментальной базой лаборатории Института дефектологии АПН СССР (ныне Институт коррекционной педагогики РАО). Этой лабораторией руководил Александр Романович Лурия. Тесное сотрудничество и верная дружба с А.Р. Лурия продолжались в течение 25 лет, до самой его смерти в 1977 г. Александр Романович очень высоко оценивал творческий потенциал Евгении Давыдовны. Сохранилось воспоминание о том, как он, недовольный тем, что ей поручили сугубо техническое задание, воскликнул: «Разве можно золотом гвозди забивать!?»

В 1957 г. Е.Д. Хомская защитила кандидатскую диссертацию «Роль речи в компенсации дефектов условных двигательных реакций у детей», развивающую идеи Лурия о роли речи в регуляции двигательных функций. Она показала эффективность речевого опосредствования у детей с задержкой психического развития в отличие от умственно отсталых детей.

Работа в МГУ. С 1958 г. и до последних дней жизни Евгения Давыдовна работала в Московском университете. В 1971 г. она защитила докторскую диссертацию «Лобные доли мозга и процессы активации», содержание которой вошло в монографию «Мозг и активация» (1972), опубликованную в 1982 г. в США издательством “Pergamon Press”. В этой монографии были изложены результаты

исследования функций лобных долей мозга методами ЭЭГ и доказана роль лобных долей в произвольной регуляции психических функций.

В 1973 г. научная работа Е.Д. Хомской была отмечена Ломоносовской премией. С 1974 г. она занимала должность профессора кафедры нейро- и патопсихологии; с 1968 по 1976 г., когда факультет психологии возглавлял А.Н. Леонтьев, была заместителем декана по научной работе; с 1977 по 1980 г. исполняла обязанности заведующего кафедрой нейро- и патопсихологии. В 1996 г. Евгения Давыдовна была удостоена почетного звания «Заслуженный профессор МГУ».

На факультете психологии Е.Д. Хомская читала курсы «Основы нейропсихологии», «Психофизиология локальных поражений мозга», «Клиническая нейропсихология», «Патология эмоций», «Нейропсихология индивидуальных различий». Под ее руководством было выполнено более 50 кандидатских работ, многие ее ученики защитили докторские диссертации. Она является автором первого в нашей стране учебника «Нейропсихология», выдержавшего несколько изданий (1987, 2002, 2003, 2005, 2011), представляющего собой фундаментальный труд, отражающий современное состояние нейропсихологии, вклад А.Р. Лурия и отечественной нейропсихологической школы в ее формирование как самостоятельной науки.

Нейропсихологическая психофизиология. На протяжении многих лет Евгения Давыдовна работала в Институте нейрохирургии АМН СССР, в лаборатории, которой руководил А.Р. Лурия. Разрабатывала различные проблемы нейропсихологии: проблему речевой регуляции движений, мозговых механизмов зрительного восприятия, ЭЭГ-коррелятов произвольного внимания, памяти, интеллекта. Е.Д. Хомская создала новое направление — нейропсихологическую психофизиологию и предложила новый метод анализа асимметрии кривых ЭЭГ. Ею было показано, что асимметрия больше коррелирует с показателями интеллектуальной деятельности, чем с амплитудой и частотными характеристиками ЭЭГ. Исследования Евгении Давыдовны доказали, что речевая регуляция интеллектуальной деятельности вызывает стойкую активацию мозга в норме и при внелобных поражениях мозга и не вызывает ее у больных с поражениями медио-базальных лобных структур. Тем самым была получена возможность дифференциации лобных и псевдолобных синдромов. Результаты этих исследований вошли в ряд сборников, опубликованных под редакцией Е.Д. Хомской: «Лобные доли и регуляция психических процессов» (1966, совместно с А.Р. Лурия), «Проблемы нейропсихологии» (1977), «Функции лобных долей мозга» (1982).

С 1972 по 1980 г. Евгения Давыдовна также возглавляла лабораторию нейропсихологии Института психологии АН СССР, где с группой своих сотрудников занималась нейропсихологическим и психофизиологическим анализом нарушений высших психических функций. В эти годы была опубликована монография «Процессы экстраполяции в глазодвигательной системе» (1981) и подготовлен ряд сборников: «Функциональные состояния мозга» (1975), «А.Р. Лурия и современная нейропсихология» (1982), «Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии» (1986), «Новые методы нейропсихологического исследования» (1989).

Теоретическая нейропсихология. Е.Д. Хомская внесла важный вклад в разработку теоретических основ нейропсихологии. Ею опубликован ряд статей о связи луриевской нейропсихологии с естественно-научными отечественными традициями, с психологическими идеями Л.С. Выготского, о современном понимании соотношения мозга и психики, о нейропсихологических факторах и др. В последние годы Евгения Давыдовна разрабатывала проблему межполушарной организации психических процессов, изучала нейропсихологические аспекты проблемы индивидуальных различий, создала новое направление — нейропсихологию нормы. Она также исследовала возможности применения нейропсихологических методов при анализе пограничных состояний (в частности, лиц с «чернобыльским синдромом»), разрабатывала новые методы анализа эмоциональных и познавательных процессов с применением компьютерных технологий. Эти исследования Е.Д. Хомской и ее сотрудников обобщены в ряде статей, в монографиях «Мог и эмоции» (1992, 1998), «Нейропсихология индивидуальных различий» (1997), в сборниках «Нейропсихология сегодня» (1995), «Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий» (2000).

Как и ее учитель, Александр Романович Лурия, Евгения Давыдовна всегда сочетала научную работу с практической, регулярно проводя нейропсихологические обследования больных в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко и обучая студентов и молодых коллег методам нейропсихологической диагностики.

Евгения Давыдовна Хомская является автором более 300 научных публикаций (более 80 — в иностранной печати), в том числе 4 монографий. Под ее редакцией опубликовано более 20 сборников по нейропсихологии.

Память об учителе. Е.Д. Хомская много сделала для сохранения и развития научного наследия А.Р. Лурия. После смерти учителя она подготовила к печати его монографии «Язык и сознание» (1979) и «Этапы пройденного пути» (1980). В 1992 г. вышла ее книга «А.Р. Лурия. Научная биография». Евгения Давыдовна была председателем программно комитета I Международной конференции памяти

А.Р. Лурия, проходившей в Москве в 1997 г., и сопредседателем международного президиума конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия (Москва, 2002).

В одной из своих последних статей, посвященных А.Р. Лурия¹, Евгения Давыдовна написала: «Важно, чтобы лурьевская нейропсихология сохранила свое место среди нейронаук. Это зависит не только от общей ситуации в нашей стране, но и, в еще большей степени, от представителей лурьевской школы (сейчас и в будущем), от их преданности науке, энтузиазма, лояльности по отношению к заданным Александром Романовичем направлениям» (Homskaaya, 2004, p. 9).

Продолжая развивать идеи лурьевской нейропсихологической школы, Е.Д. Хомская стала создателем новых направлений нейропсихологической науки, которые актуальны и сегодня.

Евгения Давыдовна была человеком необыкновенно талантливым, эрудированным, страстно увлеченным наукой, с большой научной интуицией. Она имела спокойный и выдержанный характер (никто не помнит, чтобы она когда-нибудь повысила голос), тонкое чувство юмора. Она отличалась великодушием и доброжелательностью, любила детей и животных. Такой она и осталась в нашей памяти.

¹ Homskaaya E.D. The achievements of Lurian neuropsychology in the study of the problem "brain and mind" // A.R. Luria and contemporary psychology: Festschrift celebrating the centennial of his birth / Ed. by T.V. Ahutina, J.M. Glozman, L.I. Moskvich, D. Robbins. N.Y.: Nova Science, 2004. P. 3—12.

И. В. Плужников

КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ В НЕЙРОПСИХОЛОГИИ

В статье представлен обзор основных подходов, концепций и направлений исследования личности в нейропсихологии. Нейропсихиатрический подход основывается на феноменологическом описании нарушений личности у больных с различной локализацией очагов поражения головного мозга. Собственно нейропсихологические исследования личности в школе А.Р. Лурия, представленные преимущественно работами, выполненными под руководством Е.Д. Хомской, предлагают для экспериментального изучения мозговой организации личности структурно-функциональную модель, включающую в себя эмоциональные, мотивационно-регуляторные процессы и самосознание. В афазиологии постулируется, что нарушения личности вторичны по отношению к затруднениям общения, возникающим при патологии речи. Наконец, нейропсихоанализ делает предметом своих исследований церебральные механизмы бессознательных процессов и личностного функционирования на различных патологических моделях. В статье приводятся данные собственного исследования. С использованием нейропсихологического метода синдромного анализа были изучены 50 больных мужского пола с расстройствами патохарактерологического спектра юношеского возраста, разделенных на две группы: шизоидное расстройство личности (30 больных) и шизотипическое расстройство личности (20 больных). Было установлено, что для обеих групп больных характерны специфические когнитивные нарушения, указывающие на дисфункцию фронто-таламо-париетальных связей. Выявлены латеральные различия: нейропсихологическая симптоматика, связанная с дисфункцией левого полушария, характерна для больных с шизотипическим расстройством личности, а нейрокогнитивный дефицит, указывающий на дисфункцию правой гемисферы, — для больных с шизоидным расстройством личности. Обсуждаются перспективы развития нейропсихологии личности.

Ключевые слова: нейропсихология, личность, нейропсихиатрия, афазиология, нейропсихоанализ, расстройства личности, нейрокогнитивный дефицит.

The article presents the overview of the basic approaches, concepts and directions in studying personality in neuropsychology. Neuropsychiatric

Плужников Илья Валерьевич — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* Pluzhnikov.iv@gmail.com

approach is based on phenomenological description of personality disorders in patients with various brain damages. Neuropsychological studies of personality held in A.R. Luria school that are mainly present in works under E.D. Homskaya guidance, in order to experimentally study brain organization of personality suggest using structural-functional model that includes emotional, motivational and executive processes and self-awareness. Aphasiology postulates, that personality disorders are secondary to communication disabilities that occur in speech pathology. Finally, neuropsychanalysis focuses on cerebral mechanisms of unconscious processes and personality functioning in different pathological models. The paper presents the results of the study held. With the use of neuropsychological syndrome analysis method 50 young adult male patients have been studied with pathocharacterological spectrum disorders divided in two groups: schizoid personality disorder (30 patients) and schizotypal personality disorder (20 patients). It has been established that both groups have specific cognitive disturbances that indicate frontal-parietal-thalamic connections. Lateral differences are revealed: neuropsychological symptoms that are associated with left hemisphere dysfunction are specific for schizotypal personality disorder; neurocognitive deficit that is associated with right hemisphere is specific for patients with schizoid personality disorder. Perspectives of personality neuropsychology are discussed.

Key words: neuropsychology, personality, neuropsychiatry, aphasiology, neuropsychanalysis, personality disorders, neurocognitive deficit.

Мозг человека остается удивительным, еще не распознанным нами аппаратом. Разрушая до конца одни стороны нашей внутренней жизни, осколок может оставлять незыблемыми и неповрежденными ее другие стороны, сохраняя со всей полнотой прежние возможности человека.

Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир

Работая мастером строительной бригады на железной дороге в одном из городов штата Вермонт, 25-летний Финеас Гейдж 13 сентября 1848 г. получил травму головы вследствие случайного взрыва во время трамбовки динамита в горной породе. Металлический прут весом в 6 кг вошел в черепную коробку через левую скулу и повредил лобную долю левой гемисферы мозга. Гейдж остался жив, но, судя по описаниям его лечащего врача Дж. Харлоу, вскоре после травмы значительно изменился по характеру: он «почти не проявляет уважения к своим товарищам, раздраженно реагирует на ограничения и советы, если они идут в разрез с его желаниями; он то невыносимо упрям, то капризен и нерешителен; строит многочисленные планы будущих действий, которые так и остаются неосуществленными» (цит. по: Блум и др., 1988, с. 129). Родные и друзья стали говорить: «Это больше не Гейдж!»

По прошествии уже почти 150 лет после публикации Дж. Харлоу в 1868 г. случая Финеаса Гейджа дискуссии о том, что такое личность, каковы ее церебральные основы и как изучать личностные изменения при различных болезненных состояниях мозга, нисколько не утихли, а в последние годы даже возобновились с новой силой. С полной уверенностью можно заявить, что отечественная нейропсихологическая школа значительно продвинулась в решении этих вопросов, и основная заслуга в этом принадлежит *Евгении Давыдовне Хомской* (1929—2004). Опираясь на теорию системной динамической мозговой организации психики А.Р. Лурия, с конца 1970-х и до начала 2000-х гг. Е.Д. Хомская реализовала масштабный цикл исследований эмоционально-личностной сферы в рамках общей, экспериментальной, клинической и дифференциальной нейропсихологии (Ольшанский, 1979; Хомская, 2002, 2003; Хомская, Батова, 1992; Хомская и др., 1997).

Цель настоящей статьи — рассмотреть историю развития нейропсихологии личности и попытаться наметить дальнейшие перспективы этого научного направления.

В XX в. приоритет в изучении нарушений личности при очаговой мозговой патологии оставался за *нейропсихиатрами*, которые, используя клинико-психопатологический метод, описали различные варианты личностных изменений, возникающих при опухолях, травматических и сосудистых поражениях различных отделов головного мозга человека (Абашев-Константиновский, 1973; Белый, 1987; Доброхотова, 1974, 2006; Лещенко, 1971; Розинский, 1948; Шмарьян, 1949). В Международную классификацию болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) включен диагноз «Расстройства личности и поведения, обусловленные болезнью, повреждением или дисфункцией головного мозга» (F07).

Собственно *нейропсихологические исследования личности* начал А.Р. Лурия. Его интерес к эмоционально-личностной сфере можно проследить с ранних работ по «регистрации следов аффекта», однако обращение к личностным ресурсам больных с локальными поражениями мозга стало актуально в годы Великой Отечественной войны в связи с разворачиванием исследований по проблеме восстановления психических функций после военной травмы. Как указывает Е.Д. Хомская, «весьма актуальной для восстановительной работы была проблема повышения поддержания трудоспособности больного. Именно в связи с этой проблемой возникла необходимость изучения активности и ее нарушений, т.е. изучения личности, самосознания, самооценки. В этом контексте впервые в работах А.Р. Лурия и его сотрудников встает проблема функций лобных долей мозга, или “загадки лобных долей”, которой он впоследствии будет заниматься на протяжении многих лет» (Хомская, 1992, с. 47).

В своем выступлении, посвященном отношению нейропсихологии к проблеме личности, на заседании кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского университета 24 ноября 1974 г. А.Р. Лурия подчеркивал, что, во-первых, личность есть образование, которое подчиняется схожим законам, по которым строятся высшие психические функции (Хрестоматия..., 1999). «А.Р. Лурия отмечал, что в целом проблема личности должна решаться в русле тех же идей о системной динамической мозговой организации, прижизненном формировании и опосредованности психических явлений, продуктивность которых уже была доказана в исследованиях высших познавательных и двигательных функций» (Хомская, 2003, с. 313). Во-вторых, для адекватного и продуктивного изучения личности целесообразно изучать ее через когнитивные процессы. В-третьих, личность чаще всего нарушается при поражении «блока программирования» (нарушение произвольной регуляции психической деятельности), «энергетического блока» (в этих случаях в первую очередь наблюдается эмоциональная патология) и правого полушария в целом.

Личность — сложный и многоаспектный гипотетический конструкт, который «рассматривается как относительно устойчивая совокупность психических свойств, как результат включения индивида в пространство межиндивидуальных связей» (Асмолов, Петровский, 2003, с. 264). «Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни. <...> Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. <...> Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека» (Леонтьев, 1975, с. 175—176). Другими словами, «чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно ответственным субъектом» (Гальперин, 2002, с. 200). В отечественной нейропсихологии постлуриевского периода можно выделить два крупных подхода к изучению личности. В каждом из них делается попытка разработать такую «рабочую модель личности», в которой на операциональном уровне можно было бы наиболее эвристично представить важнейшие компоненты психической деятельности человека, в большей мере отражающие степень включенности человека в пространство межиндивидуальных связей.

Согласно Е.Д. Хомской, «нормальная личность характеризуется прежде всего сохранной эмоционально-волевой сферой, адекватной самооценкой и сохранной иерархией мотивов, в то время как отдельные гностические функции (память, восприятие, речь и др.) могут быть нарушены без ущерба для личности в

целом» (Хомская, 1988, с. 20). Именно *эмоции*, иерархия *мотивов* и *самооценка*, согласно данному подходу, отражают значимые отношения человека к социуму. Более того, важно отметить относительную простоту изучения (на методическом уровне) указанных психологических аспектов личности при локальных поражениях мозга. Предположения А.Р. Лурия о том, что наиболее грубые изменения личности наблюдаются при поражении передних отделов коры и подкорковых образований мозга, подтвердились в экспериментальных исследованиях, выполненных под руководством Е.Д. Хомской (Виноградова, 1979; Хомская, 1999, 2002, 2003; Хомская, Батова, 1998).

Другой подход был реализован в рамках отечественной *аффиологии*. Как указывает Л.С. Цветкова, «в условиях тяжелого заболевания, наступающего обычно внезапно и приводящего человека к инвалидизации, иногда полного отсутствия речи и, следовательно, утраты возможности общения с окружающими людьми, способности выразить свое состояние, передать и принять информацию, осмыслить ту жизненную катастрофу, которая с ним произошла, проявится *острая личностная реакция на болезнь в ее инициальном периоде*, <...> в последующем она может послужить катализатором и привести к *острым нарушениям личности, ее структуры, смыслообразующих мотивов поведения, отношения к себе и к окружающим его людям*» (Цветкова, 2002, с. 429). В исследованиях Ж.М. Глозман (2002) это положение было подтверждено экспериментально. Подчеркивается, что «Луриевский нейропсихологический анализ всегда *обращен ... на больного* — на его личный опыт, восприятие болезни и понятие о здоровье, на его копинг-стратегии и установки, самооценку и социальные взаимодействия» (Глозман, 2012, с. 31—32).

Наконец, последним из крупных нейропсихологических подходов к проблеме личности можно назвать такое новое и интенсивно развивающееся научное направление, как *нейропсихоанализ* (Kaplan-Solms, Solms, 2000; Panksepp, Solms, 2012), центральной задачей которого является изучение церебральных механизмов бессознательных процессов (аффекты, влечения, интраперсональные конфликты, механизмы психологической защиты и пр.) и личностного функционирования на моделях различной патологии мозга (от локальных поражений до психических расстройств). В качестве психологической основы исследований используются не только положения З. Фрейда и его последователей, но и современные когнитивно-поведенческие, интегративные и биопсихосоциальные модели. Многие работы посвящены проблеме мозговой организации психических процессов у пациентов с расстройствами личности (диагноз из раздела F6 МКБ-10).

Опираясь на теорию системной динамической локализации А.Р. Лурия, мы попытались изучить *особенности мозговой организации высших психических функций у больных с шизоидным и шизотипическим расстройством личности*. Было обследовано 50 больных юношеского возраста (16—25 лет), находившихся на стационарном лечении в клиническом отделении отдела по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН (директор — акад. РАН А.С. Тиганов). В соответствии с нозологическими диагнозами больные были разделены на две группы: шизоидное расстройство личности (30 больных) и шизотипическое расстройство личности (20 больных). Контрольная группа состояла из 30 условно здоровых лиц. Средний возраст обследованных — 19.2 ± 3.7 года. Все испытуемые были мужского пола и являлись сопоставимыми по социально-демографическим характеристикам.

Диагностика психических расстройств у лиц, вошедших в экспериментальную когорту, осуществлялась с использованием клинико-психопатологического метода и на основании исследовательских критериев DSM-IV-TR. Личность больных первой группы характеризовалась социальной изоляцией, сниженной эмоциональной реактивностью, погруженностью в собственные мысли и фантазии. Для личности пациентов второй группы были характерны такие черты, как эксцентричное поведение, социальная тревога, магическое мышление. Критериями исключения выступили: возраст менее 16 лет и более 25 лет, наличие актуального или перенесенного в прошлом психотического состояния, органической патологии ЦНС, определяющей клиническую картину, тяжелых хронических соматических заболеваний, наркомании и алкоголизма, умственной отсталости. Все испытуемые были праворукими.

Нейропсихологическое обследование испытуемых проводилось по схеме А.Р. Лурия (Схема..., 1973) с использованием специально разработанной качественно-количественной шкалы на первой неделе после поступления в клинику. С помощью 43 нейропсихологических проб (как классических, так и современных) исследовались такие высшие психические функции, как внимание, память в различных модальностях (непосредственное и отсроченное воспроизведение, произвольное и произвольное запоминание, структурированный и неструктурированный по смыслу материал), зрительный, оптико-пространственный, слуховой и тактильный гнозис, произвольные движения и действия (праксис), интеллектуальные процессы¹.

¹ Подробное описание процедуры и количественных результатов исследования представлено в работах: Плужников и др., 2013; Pluzhnikov, Kaleda, 2014.

Коротко остановимся на основных *результатах* исследования. Нейропсихологическую картину, характерную для шизоидного и шизотипического расстройств личности, отличают три особенности.

Первая — значительный удельный вес нарушений функций программирования и контроля в структуре нейропсихологической синдромологии исследованных больных, что коррелирует с классическими данными о первостепенной роли передних отделов больших полушарий в обеспечении глобального личностного функционирования.

Вторая особенность — это наличие у обеих групп пациентов особого, относительно неспецифического (для очень разных заболеваний) нейропсихологического симптомокомплекса. Речь идет о закономерном сочетании нарушений произвольной регуляции деятельности, снижения объема памяти в связи с повышенной тормозимостью следов, а также пространственных расстройств. Этот симптомокомплекс был описан нами ранее (Корсакова, Плужников, 2012) как «нейропсихологический синдром адаптации/дезадаптации» и связан с дисфункцией «конституционально-уязвимой оси» (фронтоталамопариетальных связей). Можно предположить, что он обусловлен актуальным состоянием дезадаптации в форме декомпенсации психопатии. Таким образом, в качестве задачи будущих исследований следует обозначить задачу нейропсихологической концептуализации состояний компенсации/декомпенсации у пациентов с психопатическими и психопатоподобными расстройствами в рамках парадигмы «адаптация/дезадаптация».

Наконец, третья особенность нейропсихологической синдромологии исследованных психических расстройств — это нейрокогнитивные нарушения, относительно типичные для каждой из этих групп. Для больных с *шизоидным расстройством личности* кроме указанных дисфункций, связанных с нарушениями работы конституционально-уязвимой оси, характерно накопление нейропсихологических симптомов, обусловленных «слабостью» задних отделов (вторичных и третичных, «ассоциативных» зон) правой гемисферы головного мозга: нарушения в сфере невербального акустического гнозиса, оптико-пространственного и зрительного предметного восприятия. Как указывает Т.А. Доброхотова, «... при поражении задних отделов [правого] полушария больные расслаблены, демобилизованы, безразличны к своему состоянию, монотонны в эмоциональных переживаниях, где преобладает благодушный фон настроения» (Доброхотова, 1994, с. 104—105). Схожесть описания посттравматических изменений личности при указанной топике очагового поражения мозга с психопатологической картиной шизоидной психопатии очевидна, однако более тонкое изучение дисфункции задних отделов правого полушария в патогенезе расстройств личности — задача будущего.

Пациенты с *шизотипическим расстройством личности*, во-первых, характеризуются значительной выраженностью и глубиной нейрокогнитивных нарушений по сравнению с контрольной группой и больными первой группы. Во-вторых, для данной группы больных свойственна обратная нейропсихологическая картина, отличающая их от пациентов с шизоидным расстройством личности, а именно когнитивная симптоматика, связанная с дефицитом функций задних отделов левого полушария мозга: парафазии, аграмматизмы, номинативные ошибки, трудности понимания сложных логико-грамматических конструкций, феномены, близкие к тактильной агнозии (больше в правой руке). Эти факты полностью согласуются с данными, полученными зарубежными исследователями (Lenzenweger, 2010; Schizotypal personality, 1995), в работах которых утверждается, что дефицит «левополушарных» (преимущественно вербальных) функций может считаться одним из центральных нейрокогнитивных эндофенотипов шизотипии как личностной черты и шизотипического расстройства личности как нозологической единицы. Кроме того, указывается, что данный эндофенотип является важным предиктором высокого риска возникновения психоза (Handbook..., 2011). Дисфункция тактильной сферы обнаруживает себя при расстройствах шизофренического спектра уже в детском возрасте (Зверева, 1998).

Таким образом, в процессе исследования нами было установлено увеличение степени выраженности и глубины когнитивных нарушений с изменением их качественной структуры в континууме от расстройства личности шизоидного круга до невыраженной эндогенно-процессуальной шизотипичности, что, безусловно, должно учитываться при постановке диагноза и выборе терапевтической стратегии. Общность структуры нейропсихологической синдромологии при шизоидном расстройстве личности и шизотипическом расстройстве личности можно объяснить их этиопатогенетическим единством, однако латеральные различия в нейропсихологической картине каждой из рассматриваемых аномалий доказывают относительную независимость шизоидии и шизотипии.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что исследование личности в нейропсихологии — мало разработанное, но в то же время перспективное научное направление. Необходимость изучения специфики нарушений личностного функционирования в связи с церебральной дисфункцией той или иной локализации, а также сохранных звеньев и потенциала личности диктуется как практикой диагностики и восстановления высших психических функций в неврологической и психиатрической клинике, так и теоретическими задачами общей и клинической психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев-Константиновский А.Л. Психопатология при опухолях головного мозга. М.: Медицина, 1973.

Асмолов А.Г., Петровский А.В. Личность // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Евроник, 2003. С. 263—266.

Белый Б.И. Психические нарушения при опухолях лобных долей мозга. М.: Медицина, 1987.

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстендер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Наука, 1988.

Виноградова Т.В. Внутренняя картина болезни при локальных поражениях мозга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 56—60.

Гальперин П.Я. Введение в психологию: Учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2002.

Глоzman Ж.М. Общение и здоровье личности. М.: Академия, 2002.

Глоzman Ж.М. О субъектности луриевской нейропсихологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 31—36.

Доброхотова Т.А. Эмоциональная патология при очаговом поражении мозга. М.: Медицина, 1974

Доброхотова Т.А. Личности изменения посттравматические // Нейротравматология: Справочник / Под ред. А.Н. Коновалова, Л.Б. Лихтермана, А.А. Потапова. М.: ИПЦ Вазар-Ферро, 1994. С. 104—105.

Доброхотова Т.А. Нейропсихиатрия. М.: Бином, 2006.

Зверева Н.В. Комплексное изучение тактильной сферы здоровых и больных шизофренией детей // Сб. докладов I Междунар. конф. памяти А.Р. Лурии / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М.: ф-т психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. С. 358—365.

Корсакова Н.К., Плужников И.В. Нейропсихологический подход к изучению процессов адаптации // Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте: к 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии / Сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. М.: ф-т психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 70—92.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Лещенко А.Г. О неврологии личности // Клинико-психологические исследования личности (в связи с задачами профилактики, диагностики и лечения нервно-психических заболеваний). Мат-лы. симпоз. Л.: Медицина, 1971. С. 268—270.

Ольшанский Д.В. Нейропсихологический анализ нарушений эмоционально-личностной сферы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979.

Плужников И.В., Омельченко М.А., Крылова Е.С., Каледа В.Г. Нейропсихологическая синдромология непсихотических психических расстройств юношеского возраста // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 2013. № 12. С. 19—25.

Розинский Ю.Б. Изменения психики при поражении лобных долей мозга. М.: Медгиз, 1948.

Схема нейропсихологического исследования / Под ред. А.Р. Лурия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Хомская Е.Д. Здоровье как проблема медицинской психологии // Физкультура и здоровье студентов / Под ред. Е.Д. Хомской, М.М. Рыжака. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 55—58.

Хомская Е.Д. Александр Романович Лурия. Научная биография. М.: Воениздат, 1992.

Хомская Е.Д. Сознание как проблема нейропсихологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 4. С. 3—20.

Хомская Е.Д. Нейропсихология эмоций: гипотезы и факты // Вопр. психологии. 2002. № 4. С. 50—62.

Хомская Е.Д. Нейропсихология: Учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.

Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий. М.: Роспедагенство, 1997.

Хрестоматия по нейропсихологии / Отв. ред. Е.Д. Хомская. М.: РПО, 1999.

Цветкова Л.С. Афазиология: современные проблемы и пути их решения. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002.

Шмарьян А.С. Мозговая патология и психиатрия. М.: Медгиз, 1949.

Handbook of schizophrenia spectrum disorders. Vol. II: Phenotypic and endophenotypic presentations / Ed. by M.S. Ritsner. N.Y.: Springer, 2011.

Kaplan-Solms K., Solms M. Clinical studies in neuropsychanalysis: Introduction to a depth neuropsychology. L.: Karnac Books, 2000.

Lenzenweger M.F. Schizotypy and schizophrenia: The view from experimental psychopathology. N.Y.: Guilford Press, 2010.

Panksepp J., Solms M. What is neuropsychanalysis? Clinically relevant studies of the minded brain // Trends in Cognitive Science. 2012. Vol. 16. P. 6—8.

Pluzhnikov I.V., Kaleda V.G. Neuropsychological findings in personality disorders: A.R. Luria's approach // Psychology in Russia: State of the Art. 2014 (in press).

Schizotypal personality / Ed. by A. Raine, T. Lencz, S. Mednick. N.Y.: Cambridge University Press, 1995.

Поступила в редакцию
28.05.14

М. С. Ковязина

СИНДРОМ «РАСЩЕПЛЕННОГО» МОЗГА И ФАКТОРЫ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются результаты проведенного автором комплексного нейропсихологического обследования испытуемых с различной патологией мозолистого тела (МТ). Программа обследования включала также экспериментальную методику для исследования формирования фиксированной установки в гаптической сфере и методику перцептивного прайминга для исследования прайминг-эффектов. Дается характеристика синдрома «расщепленного» мозга, приводится симптоматика нарушений высших психических функций у больных с различной патологией МТ. Описывается первичная симптоматика нарушения межполушарного взаимодействия, вызванного патологией комиссуры. Рассматриваются взгляды отечественных и зарубежных нейрофизиологов и психофизиологов на функциональную роль различных отделов головного мозга в психике и поведении человека. Описывается нейропсихологический интегративный фактор межполушарного взаимодействия, являющийся синдромообразующим при различной по этиологии патологии МТ. Этот фактор — результат взаимодействия двух ассоциативных областей мозга — может быть назван фактором формирования и воспроизведения поведенческих актов, или фактором самодетерминации психики.

Ключевые слова: патология мозолистого тела, функциональная асимметрия мозга, нейропсихологический фактор межполушарного взаимодействия.

The results of complex neuropsychological examination of the subjects with various pathologies of the corpus callosum (CC) conducted by the author are analyzed in the article. In the survey were used method for the study of the formation of fixed installation in haptic sphere and perceptive priming method. The goal of the study was development of one of neuropsychological factors of hemispheric interaction. Split Brain Syndrome characterized as a neuropsychological syndrome and the symptoms of higher mental functions violations in patients with various pathologies of the CC are described. The author describes the primary symptoms of hemispheric interaction violations caused by commissure pathology. Second part of the paper discusses the point of view of domestic and foreign researchers on the functional role of cerebral

Ковязина Мария Станиславовна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* KMS130766@mail.ru

hemispheres, their front and rear parts in the human psyche and behavior. In the third part of the article the author describes neuropsychological factor interhemispheric interaction associated with the CC activity. This factor is a syndrome-forming with the CC pathology of various origins. It is integrative as the result of cooperation of two associative brain areas. It could be determined as the factor of formation and reproduction of behavioral acts or psyche self-determination factor.

Key words: pathology of the corpus callosum, functional brain asymmetry, neuropsychological factor hemispheric interaction.

Синдромы повреждения и различной патологии мозолистого тела

Мозолистое тело (МТ) — малоизученная структура мозга, функциональное значение которой рассматривается как передача нервных импульсов из одного полушария в другое. В этом смысле проблема роли комиссур мозга в психике и поведении человека пока не имеет своей истории. Первые специальные исследования комиссуротомированных больных выявили у них двигательные, сенсорные, речевые и конструктивно-пространственные расстройства (Sperry et al., 1969, Gazzaniga, 1970). Этот комплекс нарушений получил название синдрома «расщепленного» мозга, который до настоящего времени является единственным описанным клинико-психологическим синдромом нарушения межполушарного взаимодействия, вызванного повреждением комиссуры. Поэтому все результаты зарубежных и отечественных исследований нарушений психических функций и поведения человека, наблюдающихся при врожденной или приобретенной патологии МТ, сравниваются именно с этим синдромом.

Правомерность такого сравнения не бесспорна. В отечественной нейропсихологии утвердилось несколько важных характеристик синдрома «расщепленного» мозга, самая важная из которых связана с определением его как закономерного сочетания симптомов, обусловленного нарушением фактора межполушарного взаимодействия (Хомская, 1987). Анализ симптомов синдрома «расщепленного» мозга не позволяет раскрыть качественную специфику нейропсихологического фактора этого синдрома. Тем не менее работы Н.А. Бернштейна и А.Р. Лурия убедительно показывают, что каждая структура мозга имеет свои «собственные функции», которые можно анализировать как на нейроанатомическом уровне, так и на уровне психического отражения действительности.

Комплексное нейропсихологическое обследование испытуемых с различной патологией МТ, дополненное экспериментальными методиками для исследования формирования фиксированной

установки в гаптической сфере и прайминг-эффектов, показали, что патология МТ сопровождается симптомами, характерными для дисфункции: а) глубоких субкортикальных структур мозга (истощаемость, эмоциональная лабильность, модально-неспецифические нарушения памяти); б) передних отделов левого полушария (элементарные персеверации, трудности автоматизации и переключения с одного способа реагирования на другой); в) задних отделов правого полушария головного мозга (ошибки восприятия) (Ковязина, 2014; Ковязина, Балашова, 2009; Ковязина, Кузнецова, 2010, 2012а, б, в, 2013). Методика перцептивного прайминга отчетливо продемонстрировала первичную симптоматику (вызванную патологией именно МТ), проявляющуюся в увеличении времени реакции на предъявляемые стимулы. При нарушениях межполушарного взаимодействия, вызванного патологией МТ, реакции на предъявляемые стимулы начинают носить защитный характер. Ответы становятся «осторожными», как будто испытываемый боится ошибиться. Л.И. Московичюте и коллеги (1982) отмечают, что у некоторых больных с частичным рассечением МТ нарушение межполушарного взаимодействия выявлялось только с помощью индикатора времени и проявлялось в виде запаздывания простой двигательной реакции.

Проанализируем возможный нейропсихологический фактор, стоящий за таким симптомокомплексом.

Функциональная асимметрия передних и задних отделов полушарий головного мозга

Психофизиологическую базу любой ВПФ составляет функциональная система, звенья которой объединены на основе выполнения одной задачи для получения конечного приспособительного эффекта. Согласно П.К. Анохину, все иерархические уровни в структурно-функциональной организации мозга представлены функциональными системами и «...независимо от уровня, системообразующим фактором для всех этих систем является ожидаемый приспособительный результат» (Марютина, 2001, с. 128). Приспособительный эффект лежит в основе адаптации, заключающейся в способности гибко перестраивать свои программы поведения с учетом прошлого опыта при изменении внешних воздействий. А.Р. Лурия писал: «...генезис организованного человеческого поведения идет по пути развития и включения все новых регулятивных систем, которые преодолевают первичные формы поведения и переводят их ко все новым и более совершенным системам организации. ...Организация поведения мыслится нами как функция определенных регулятивных систем, неодинаковых на различных этапах развития поведения» (Лурия, 2002, с. 27, 28).

Привычные условия жизни включают в себя высоковероятные (ожидаемые) события с автоматизированными, хорошо закрепленными программами действий. Нарботка и закрепление этих программ и составляет процесс обучения. Изменяющиеся или новые условия требуют пересмотра привычных или выработки новых способов реагирования. В.П. Леутин и Е.И. Николаева считают, что «...обыденные условия используют меньше ресурсов у человека при выполнении им стереотипных действий, тогда как процесс адаптации требует пересмотра значимости привычных явлений и создания новых способов реагирования. С этой точки зрения роль полушарий в филогенезе и онтогенезе определяется их возможностями варьировать способы решения задач, которые ставятся средой, и сохранять их в памяти» (Леутин, Николаева, 2005, с. 117).

Высоковероятные события контролируются левым полушарием, а оценка неопределенности среды и прогноз маловероятных событий — правым полушарием головного мозга. Впервые гипотеза о связи левого полушария с когнитивной рутинной, а правого — с когнитивной новизной была высказана в работе Э. Голдберга и Л. Косты (Goldberg, Costa, 1981). Эта связь была доказана в нейровизуализационных исследованиях. В своей монографии Э. Голдберг (2003) отмечает, что в ходе обучения «новизна», с которой сталкивается человек, становится «рутинной» («привычностью»). Переход от «новизны» к «привычности» — универсальный цикл психики человека, а сдвиг полушарного контроля — универсальный феномен. Кроме того, этот переход требует постоянной динамики между полушариями, постоянного взаимодействия, обеспечиваемого МТ и другими комиссурами мозга.

Адаптация к новым или изменившимся условиям заключается в формировании и закреплении новых стратегий поведения при участии структур обоих полушарий. В процессе адаптации происходит поочередная активация гемисфер. Новые стимулы первоначально определяются структурами левого полушария. Затем эмоционально значимая и необычная информация «опознается» на основе прошлого опыта преимущественно структурами правого полушария мозга, его задними отделами. Это в свою очередь приводит к усилению межполушарного взаимодействия в новых условиях (в новой ситуации). На основе целостного анализа всей информации, поступающей в мозг, создается и запоминается другая (новая) последовательность действий, которая упрочивается и контролируется передними отделами левого полушария головного мозга. Все это происходит на фоне облегчения межполушарного переноса информации (Леутин, Николаева, 2005).

В постоянно изменяющихся условиях окружающей среды нейробиологические механизмы адаптации человека должны быть

гибкими и обеспечивать быстрый переход к новым способам реагирования в изменившейся ситуации. По мнению Э.А. Костандова (2004), в основе адаптации лежат процессы формирования особых психофизиологических внутренних состояний, которые играют важную регулирующую роль в восприятии и поведении человека. Так, при повторении определенной ситуации в центральной нервной системе формируется особое внутреннее состояние, которое позволяет определить форму реагирования или активности человека, так как создает готовность к восприятию этой самой ситуации. Эти внутренние состояния формируются помимо сознания, но оказывают влияние на сознательную деятельность субъекта.

В 1940—1950-е гг. известный американский нейропсихолог и нейрофизиолог Уоррен Маккалок (Warren McCulloch) с коллегами доказали существование прямых связей постцентральных ассоциативных зон с лобными отделами (Dusser De Barenne, McCulloch, 1938; McCulloch, 1944, 1948). Именно эти связи являются важным звеном в механизме, «...обеспечивающем на основе частичной информации начальную быструю селекцию из памяти представления или понятия определенного класса, которое в наибольшей степени соответствует образу действующего стимула. Этим осуществляется предварительный анализ и интерпретация поступающей информации в высших речевых и когнитивных центрах фронтальных и префронтальных областей уже на самых ранних стадиях процесса восприятия и создается возможность быстрой передачи результатов обработки информации в нижележащие корковые структуры, принимающие участие в опознании словесного или несловесного стимула» (Костандов, 2004, с. 141—142). То есть передние лобные отделы коры участвуют в оценке семантического значения стимулов.

В 1990-е гг. была предложена нейрофизиологическая модель интеграции восходящих и нисходящих процессов, объясняющая формирование особых внутренних состояний. Эта модель была предложена на основе результатов нейроанатомических и электрофизиологических исследований и исследований с помощью современных методов картирования мозга (Костандов, 2004). Согласно этой модели, существуют транскортикальные связи, обеспечивающие передачу «восходящих» нервных импульсов с постцентральных воспринимающих корковых зон к лобным областям.

Фактор межполушарного взаимодействия

Во фронтальных и префронтальных отделах восходящая сенсорная информация каждый раз сравнивается и интерпретируется в зависимости от контекста, в котором действуют новые стимулы, и от прежних внутренних состояний (установок), которые сформировались в прошлом опыте. Если происходит рассогласование

поступающей новой информации с той, что хранилась в памяти, то начинается «нисходящее» усиление селективной активации тех участков коры, где происходит обработка информации. Такая усиленная локальная активация происходит при действии новых стимулов до тех пор, пока прежнее внутреннее состояние не сменится новым, соответствующим новой стимульной ситуации. Если преобладает нисходящая активация, то при рассогласовании восходящей сенсорной информации о новой стимуляции с прежним (сложившимся в прошлом опыте и хранящимся в памяти) внутренним состоянием может происходить искажение восприятия новых стимулов.

Таким образом, передние отделы коры левого полушария являются источником нисходящей селективной активации постцентральных участков коры, в которых и осуществляется обработка новой информации. В изменившихся условиях, с целью лучшей адаптации к ним, усиливается (облегчается) межполушарное взаимодействие. В результате вырабатывается новый способ реагирования (новая последовательность поведенческих реакций), за которым устанавливается контроль со стороны левого полушария. Можно предположить, что основная функция МТ заключается в обеспечении интеграции двух (нисходящего и восходящего) потоков нервных импульсов, с деятельностью которых связан процесс образования особых внутренних состояний (например, установок), оказывающих регулирующее влияние на поведение и когнитивную деятельность человека. Причем эта интеграция происходит не на межмодальном, а на надмодальном уровне интеграции различных сенсорных процессов.

Следовательно, МТ обеспечивает связи не столько между гомотопическими областями и зонами левого и правого полушарий, сколько между ассоциативными зонами коры головного мозга. Результаты экспериментальных исследований (Ковязина, 2014; Ковязина, Кузнецова, 2010, 2012а, б, в, 2013) доказывают, что МТ вносит свой вклад в сложный процесс «формирования и воспроизведения поведенческих актов». Именно этот процесс, названный Э.А. Костандовым (2004) процессом «самодетерминации», и является фактором межполушарного взаимодействия, обеспечиваемым функционированием МТ. Во-первых, в этом факторе отражается активность субъекта, так как будущие реакции и поведенческие акты определяются прошлым жизненным опытом. Во-вторых, «поломка» этого фактора сопровождается симптомами, носящими защитный характер, и особым сочетанием полушарных симптомов нарушений психических процессов, т.е. этот фактор является синдромообразующим. В-третьих, формирование и воспроизведение поведенческих актов требует взаимодействия всех психических

процессов, а значит, опирается на работу всего мозга в целом. Более того, этот фактор нельзя отнести к факторам одного из полушарий мозга, так как за ним «закреплена» интегративная функция.

Таким образом, нейропсихологический фактор межполушарного взаимодействия, связанный с МТ, является интегративным и может быть назван фактором формирования и воспроизведения поведенческих актов или фактором самодетерминации психики. При сохранности этого фактора становится возможным формирование особых внутренних состояний, определяющих активность субъекта в конкретных ситуациях. Этот фактор можно назвать функцией МТ, обеспечивающей взаимодействие как минимум двух отделов полушарий мозга — задних отделов правого полушария и передних отделов левого полушария.

Полученные в исследованиях результаты могут служить доказательством существования нейропсихологического синдрома различной патологии МТ, отличающегося от так называемого синдрома «расщепленного» мозга. Синдромообразующим мозговым механизмом является процесс, обеспечивающий формирование особых внутренних состояний, определяющих активность субъекта в конкретных ситуациях за счет интеграции в работе как минимум двух ассоциативных зон мозга (передних отделов левого полушария и задних отделов правого полушария).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. М.: Смысл, 2003.

Ковязина М.С. Синдром «расщепленного» мозга и нарушения межполушарного взаимодействия при различной патологии мозолистого тела // *Вопр. психологии.* 2014. № 3. (в печати)

Ковязина М.С., Балашова Е.Ю. Особенности высших психических функций при патологии мозолистого тела // *Вестн. Томского гос. ун-та.* 2009. № 113. С. 193—200.

Ковязина М.С., Кузнецова Д.А. Нейропсихологический анализ межполушарного взаимодействия в произвольных мнестических процессах // *Вопр. психологии.* 2010. № 6. С. 126—132.

Ковязина М.С., Кузнецова Д.А. Регуляторные механизмы фиксированной установки при нарушениях межполушарного взаимодействия // *Вопр. психологии.* 2012а. № 4. С. 138—146.

Ковязина М.С., Кузнецова Д.А. Мнестические механизмы фиксированной установки при нарушениях межполушарного взаимодействия // *Вопр. психологии.* 2012б. № 5. С. 153—161.

Ковязина М.С., Кузнецова Д.А. Особенности синдрома нарушения межполушарного взаимодействия при патологии мозолистого тела // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2012в. № 2. С. 16—22.

Ковязина М.С., Кузнецова Д.А. Прайминг при исследовании межполушарной организации произвольной памяти // *Вопр. психологии*. 2013. № 2. С. 143—151.

Костандов Э.А. Психофизиология сознательного и бессознательного. СПб.: Питер, 2004.

Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. СПб.: Речь, 2005.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В.И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2002 (сер. «Классики психологии»).

Марютина Т.М. Созревание головного мозга и психическое развитие // *Психология развития: учебник для вузов* / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Академия, 2001. С. 124—139.

Москвичюте Л.И., Симерницкая Э.Г., Смирнов Н.А., Филатов Ю.Ф. О роли мозолистого тела в организации высших психических функций // А.Р. Лурия и современная психология: Сб. статей памяти А.Р. Лурии / Под ред. Е.Д. Хомской, Л.С. Цветковой, Б.В. Зейгарник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 143—150.

Хомская Е.Д. Нейропсихология. М.: УМК «Психология», 1987.

Dusser De Barenne J.G., McCulloch W.S. Functional organization in the sensory cortex of the monkey (*Macaca Mulatta*) // *Journal of Neurophysiology*. 1938. Vol. 1. P. 69—85.

Gazzaniga M.S. The bisected brain. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.

Goldberg E., Costa L.D. Hemisphere differences in the acquisition and use of descriptive systems // *Brain and Language*. 1981. Vol. 14. N 1. P. 144—173.

McCulloch W.S. Cortico-cortical connections // *The precentral motor cortex* / Ed. by P.C. Bucey. Urbana, IL: Univ. of Illinois Press, 1944. P. 211—242.

McCulloch W.S. Some connections in the frontal lobe established by physiological neuronography // *Research Publications — Association for Research in Nervous and Mental Diseases*. 1948. Vol. 27. P. 95—105.

Sperry R.W., Gazzaniga M.S., Bogen J.E. Interhemispheric relationships: The neocortical commissures, syndromes of disconnection // *Handbook of Clinical Neurology* / Ed. by J.J. Vinken, G.W. Bruyn. Amsterdam: Elsevier, 1969. Vol. 4. P. 273—290.

Поступила в редакцию
21.05.14

Н. К. Корсакова

НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНИЯ И ЗАДАЧА СТРУПА

Связывая интеллектуальное внимание с активностью лобных долей мозга, Е.Д. Хомская подчеркивала важность применения при его исследовании специальных клинико-экспериментальных психологических процедур, которые характеризуются сенсibilизированной когнитивной нагрузкой и обращены одновременно к вниманию и памяти. В данной работе в качестве такой процедуры использован вариант задачи Струпа в модификации Р.С. Шилко. Испытуемые — 50 мужчин в возрасте от 18 до 24 лет: 20 здоровых и 30 пациентов клиники НЦПЗ РАМН с диагнозом «шизофрения, начавшаяся в юношеском возрасте; приступообразная форма»; все с высшим или незаконченным высшим образованием. Межгрупповое сравнение полученных результатов на основе анализа ошибок, допускаемых испытуемыми обеих групп, показало особенности памяти и внимания, специфические для когорты больных. В отличие от здоровых испытуемых у больных наблюдались типы ошибок, которые в соответствии с принятой системой их нейропсихологической квалификации (по А.Р. Лурия) характерны для нарушения функций контроля и избирательности на различных этапах выполнения деятельности и уровнях регуляции внимания. Установлена высокая чувствительность методики исследования к диагностике дисфункций лобных долей мозга и к выявлению различных параметров интеллектуального внимания.

Ключевые слова: внимание, память, интеллектуальное внимание, лобные доли, гипофронтальность, шизофрения, нейропсихологическая квалификация ошибок, когнитивная нагрузка.

An established link between the intellectual attention and the activity of frontal lobes in studies of E.D. Homskaaya brings forward the application of special experimental psychological procedures. The latter are characterized by sensitized cognitive load and address both attention and memory. A modified version of the Stroop Task (Shilko R.S.) was employed in the present study of intellectual attention. 50 men ranging in age from 18 to 24 years with higher or incomplete higher education took part in the study. Among the participants there were 20 healthy subjects and 30 patients with schizophrenia in a paroxysmal form, developed in adolescence. The patients were under medical treatment in the Mental Health Research Center of RAMS. Comparison of intergroup results,

Корсакова Наталия Константиновна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* korsakova.natalya@gmail.com

based on the analysis of errors that were made by subjects in both groups, revealed the features of memory and attention, specific for the cohort of patients. Unlike the healthy subjects, schizophrenia patients revealed the types of errors which in accordance with the system of neuropsychological qualification of errors are typical for disturbances of functions of control and selectivity on different stages of activity and levels of attention regulation (A.R. Luria's qualitative assessment scheme). There was ascertained a high sensitivity of the technique to study of the dysfunctions of the frontal lobes and identification of various parameters of intellectual attention.

Key words: attention, memory, intellectual attention, frontal lobes, hypofrontality, schizophrenia, neuropsychological qualification of errors, cognitive load.

Изучение нарушений внимания (его разных форм и уровней) у больных с локальными поражениями мозга не только составляет самостоятельный раздел нейропсихологии, но и открывает широкие возможности для разработки общепсихологических аспектов проблемы внимания.

Е.Д. Хомская

Накопленные данные о структурно-динамических особенностях внимания, его свойствах, а также о симптомах нарушений при церебральной патологии давно требовали систематизации, опирающейся на интегрированные теоретические и эмпирические основания. Не будет преувеличением сказать, что этому требованию в наибольшей степени соответствуют обобщенные представления Е.Д. Хомской, подкрепленные ее многолетним интересом к проблеме внимания и собственными исследованиями в этой области (Барановская, Хомская, 1966; Лазарев и др., 1977; Хомская, 1972, 2002).

Опираясь на результаты общепсихологических и клинико-экспериментальных исследований, Е.Д. Хомская построила классификацию форм внимания с учетом различных уровней его регуляции, подтвердив обоснованность этой классификации описанием вариантов расстройств внимания, дифференцированно проявляющихся в зависимости от локализации патологического процесса в структурах мозга (Хомская, 2002). Одновременно ею были определены и наиболее слабые места в подходе к исследованию мозговой организации внимания. Использование либо психофизиологических методов и методик, либо простых (конвенциональных) заданий, включенных в диагностическое нейропсихологическое обследование, ограничивает доступ к изучению *интеллектуального внимания*, связанного с работой преимущественно лобных отделов мозга. Кроме того, ссылаясь на А.Р. Лурия, Е.Д. Хомская подчеркнула, что сопряженность этой формы внимания с мнестической функцией проявляется в их сочетанном нарушении при поражении глубоких

и медико-базальных структур мозга (Лурия, 1974; Хомская, 2002). Дальнейшее исследование интеллектуального внимания предполагало поиск новых инструментов, а именно когнитивно сложных, неконвенциональных задач, которые обеспечат раздельный анализ внимания и памяти. К числу таких инструментов относится задача Струпа (Stroop, 1935), которая является «золотым стандартом исследования внимания» (McLeod, 1991).

Задача Струпа

В соответствии с классической схемой в качестве стимульного материала испытуемому последовательно предъявляются слова, обозначающие названия цвета. При этом цвет шрифта, которым набрано слово, может совпадать («совпадающая» серия) или не совпадать («конфликтная» серия) со значением слова. В третьей («нейтральной») серии вместо слова используется небольшой по объему монохромный набор знаков (например, XXXXX), цвет которого также может варьироваться (Stroop, 1935). Действия испытуемого зависят от цели исследования, что послужило основой для создания множества вариантов задачи Струпа. Чаще всего испытуемых просят называть цвет шрифта, игнорируя значение слова. Полагают, что при этом возникают два противоречивых процесса: актуализация навыка прочтения слова и менее упроченного в индивидуальном опыте выбора цвета наименования. Большинство исследователей считают, что эти два процесса протекают параллельно и речь идет о контролирующей и направляющей функции внимания, а конфликтные условия предъявляют особые требования к избирательной регуляции внимания при выборе направления когнитивной переработки информации (McLeod, McDonald, 2000).

В соответствии с классификацией форм внимания (по Е.Д. Хомской) можно полагать, что неконвенциональность и когнитивная нагруженность задачи Струпа позволяет говорить о ее обращенности к интеллектуальному вниманию.

Следует отметить, что эффекты, заложенные в задаче Струпа, можно видеть при переработке стимулов, представленных в разных сенсорных модальностях и в разнообразном (предметном или символическом) оформлении (*ibid.*). Это дает возможность создания модифицированных вариантов методики, что немаловажно для нейропсихологического исследования.

Немногочисленные данные о применении задачи Струпа в нейропсихологии показали ее валидность как сенсibilизированной пробы при оценке вклада различных отделов лобных долей мозга в обеспечение специфических составляющих внимания. Было установлено, что больные с поражением лобных отделов в целом выполняют задание медленнее пациентов с очаговой патологией в

других церебральных структурах. В случае локализации патологического процесса в *передних отделах левой лобной доли* на фоне общей замедленности появляется большое количество ошибок, что свидетельствует о снижении контроля за избирательностью требуемого реагирования (Stuss et al., 2001). При расположении очага в *верхне-медиальных структурах лобного региона* наблюдается иная картина — крайне выраженная замедленность реагирования именно в конфликтных условиях. Авторы объясняют это снижением энергетического потенциала мозга, проявляющимся на доклиническом уровне (ibid.). Можно полагать, что речь идет о сенсibilизированной нагрузке на распределение внимания между двумя параллельно протекающими и противоречивыми процессами. Сказанное дает основания для введения задачи Струпа в число методик, направленных одновременно и на оценку состояния лобных долей мозга, и на нейропсихологический анализ внимания.

В целях определения возможностей применения рассматриваемой методики в качестве сенсibilизированной пробы на интеллектуальное внимание нами было выполнено **сравнительное исследование**. Испытуемыми были 50 мужчин в возрасте 18—24 лет с высшим или незаконченным высшим образованием: 20 здоровых и 30 пациентов НЦПЗ РАМН с диагнозом «шизофрения, начавшаяся в юношеском возрасте; приступообразная форма».

Выбор в качестве группы сравнения когорты больных шизофренией обусловлен тем, что, несмотря на большой разброс сведений о морфологических и функциональных особенностях мозга этих пациентов, большинство исследователей в полном согласии говорят о наличии при этом заболевании феномена гипофронтальности (Корсакова, Магомедова, 2002; Ткаченко, Бочаров, 1991; Andreasen et al., 1996; Cohen et al., 1995; Dazzan et al., 2004). С гипофронтальностью связывают и дефицит избирательности в познавательной сфере (Barch, 2005) в виде неустойчивости фокуса внимания при одновременных трудностях его переключения (Савина, Орлова, 2003; Савина, Серебрякова, 1985; Chan et al., 2004; Liu et al., 2002). Таким образом, у больных шизофренией следовало ожидать, с одной стороны, симптомов, обусловленных на ранних стадиях болезни мягкой дисфункцией лобных отделов мозга, с другой — симптомов дефицита внимания при сенсibilизированной когнитивной нагрузке, которые можно было бы нейропсихологически квалифицировать.

В исследовании применялась компьютерная версия модификации задачи Струпа, где в традиционную экспериментальную ситуацию дополнительно включалась инструкция на запоминание и воспроизведение цвета всех элементов стимульного ряда (Дормашев и др., 2003; Шилко, 2003).

Нельзя не отметить один важный факт, полученный Р.С. Шилко¹ при создании и валидации этой методики. В конфликтных условиях, где когнитивная нагрузка резко возрастает в связи с задачей фильтровать нерелевантную информацию на высоком уровне произвольного внимания, объем памяти значительно снижается. В действие вступает механизм «обкрадывания» функции памяти в пользу повышенной активности внимания (Шилко, 2003). Это указывает на относительную самостоятельность памяти и внимания, несмотря на их сопряженность.

Исследование включало три условия: совпадающее (значение слова, обозначающего цвет, совпадало с цветом шрифта); нейтральное (вместо слова предъявлялись цветные знаки XXXXXXXX); конфликтное (значение слова, обозначающего цвет, не совпадало с цветом шрифта). От испытуемого, не осведомленного о количестве стимульных элементов, требовалось запомнить последовательность стимулов и воспроизвести ее после звукового сигнала, сообщавшего об окончании стимульного ряда. При определении длины последовательности экспериментатором использовался прием *up-and-down* (Шилко, 2003), т.е. испытуемый постоянно получал обратную связь о продуктивности своей работы.

Обработка. Для каждого испытуемого вычислялся средний объем памяти по всем условиям эксперимента; результаты сопоставлялись с помощью статистических критериев Вилкоксона и Манна—Уитни. Значимыми считались различия на уровне $p \leq 0.5$. Протоколы экспериментов анализировались с целью выявления и качественной спецификации ошибок и вариантов субъективных стратегий, направленных на оптимизацию выполнения заданий².

Анализ и обсуждение результатов

При межгрупповом сравнении данных были установлены статистически значимые ($p < 0.01$) различия в объеме памяти, который у больных шизофренией был существенно ниже, чем у здоровых испытуемых (таблица). Очевидно, что запоминание цветовых последовательностей не является действием, закрепленным в прошлом опыте, и может быть рассмотрено как неконвенциональная когнитивная задача. Тем более что и здоровые испытуемые не всегда достигают даже в нейтральной серии оптимального для зрительной памяти объема в 5 элементов.

¹ Автор пользуется случаем поблагодарить Р.С. Шилко за предоставленный компьютерный вариант методики.

² Анализ стратегий требует большого специального описания. Важно, что и здоровые, и больные использовали различные способы, опосредствующие запоминание, что свидетельствует об их адекватной мотивации.

**Средние значения объема памяти в группах нормы
и больных шизофренией в трех сериях задачи Струпа**

Серия	Группа	
	Норма	Шизофрения
Конфликтная	4.0	2.6
Нейтральная	4.4	2.9
Совпадающая	5.0	3.8

Общий анализ позволил выделить следующие варианты ошибок: *пропуски*; *перестановки* в порядке следования стимулов; *ошибки вторжения* в конфликтной серии (вместо цвета шрифта называется цветное значение слова); *побочные вpletения* (называние цвета, которого не было); *персеверации*. Эти виды ошибок наблюдались в обеих группах, но если по рейтингу встречаемости пропуски, перестановки и ошибки вторжения не имели существенных межгрупповых различий, то побочные включения и особенно персеверации значительно чаще повторялись у больных шизофренией.

Вместе с тем у больных наблюдались специфические ошибки, не встречавшиеся в группе нормы. К ним относились *контаминации* (привнесение элементов из предыдущей последовательности); *искажение структуры* стимульного ряда (воспроизводились лишние стимулы сверх заданного объема); *подмена задачи* (воспроизведение цветов, которых вообще не было в программе); *смешение программ* (соединение при воспроизведении как цветовых значений слов, так и цвета шрифта).

Рассматривая все варианты ошибок, можно уверенно говорить о связи пропусков с мнестической составляющей: наблюдалось снижение продуктивности запоминания, особенно в «конфликтной» серии, что подтверждает приведенное выше предположение Р.С. Шилко (2002) о перераспределении ресурса активности в направлении регуляции внимания за счет «обкрадывания» мнестической деятельности. Таким образом, наличие данной категории ошибок позволяет оценить состояние функции памяти как самостоятельной составляющей в общей структуре деятельности.

Другие виды ошибок можно отнести к ошибкам внимания и описать в традиции нейропсихологического подхода А.Р. Лурия как снижение контроля за деятельностью и нарушение избирательности. Частично это наблюдалось и у здоровых испытуемых. И все же специфический набор ошибок, выпуклость их качественных особенностей у больных шизофренией позволяет рассматривать их как патологические феномены, корреспондирующие с функциональным состоянием лобных долей, обозначенным выше как гипоперфронтальность.

Важно при этом, что ошибки, допускаемые больными шизофренией, могут быть отнесены к различным уровням регуляции внимания. Так, контаминация и персеверации в большей степени обусловлены неотторжимаемой (по А.Р. Лурия) зависимостью пациента от «внутреннего поля» актуальных действий и имеют нейродинамическую природу (импульсивность и инертность), скорее всего, на этапе окончания действия. А такие ошибки, как смешение программ и подмена задачи, указывают на дефицит произвольного избирательного контроля за деятельностью при ее инициации и текущей реализации (потеря программы).

Таким образом, задача Струпа в варианте Р.С. Шилко позволяет увидеть широкий спектр феноменов в виде ошибок, относящихся к памяти и особенно к вниманию. Большинство из них принадлежит согласно и отечественной и зарубежной нейропсихологии к кругу симптомов, возникающих при нарушении функции лобных долей и их связей с ретикулярным комплексом (Голдберг, 2003). Тогда описываемая методика действительно становится инструментом, обращенным к интеллектуальному вниманию, поскольку именно его Е.Д. Хомская связывает с работой лобного региона мозга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барановская О.Л., Хомская Е.Д. Особенности частотного спектра ЭЭГ при действии индифферентных и сигнальных раздражителей в норме и при поражении лобных долей мозга // Лобные доли и регуляция психических процессов / Под ред. А.Р. Лурии, Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 254—276.

Голдберг Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация. М.: Смысл, 2003.

Дормашев Ю.Б., Романов В.Я., Шилко Р.С. Взаимодействие внимания и кратковременного запоминания: новая методика исследования // Психол. журн. 2003. Т. 00. № 3. С. 72—79.

Корсакова Н.К., Магомедова М.В. Метод синдромного анализа в изучении нейрокогнитивных расстройств у больных шизофренией // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2002. № 4. С. 61—67.

Лазарев В.В., Свидерская Н.Е., Хомская Е.Д. Пространственная синхронизация корковых биопотенциалов при интеллектуальном напряжении в норме и у больных с локальными поражениями мозга // Проблемы нейропсихологии: психофизиологические исследования / Под ред. Е.Д. Хомской, А.Р. Лурии. М.: Наука, 1977. С. 78—81.

Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. Т. 1. М.: Педагогика, 1974.

Савина Т.Д., Орлова В.А. Генетическая детерминация признаков психической активности в семьях больных шизофренией // Генетика: журнал РАН. 2003. Т. 38. № 1. С. 93—102.

Савина Т.Д., Серебрякова Т.В. К вопросу об особенностях нарушения психической активности у больных шизофренией // Журн. неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1985. Вып. 12. С. 1819—1824.

Ткаченко С.В., Бочаров А.В. Нейропсихологический анализ дефекта при шизофрении и аффективных психозах // Шизофренический дефект. Диагностика, патогенез, лечение / Под ред. Р.Я. Вовина. СПб.: Изд-во Психоневрол. ин-та им. В.М. Бехтерева, 1991. С. 95—124.

Хомская Е.Д. Мозг и активация. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Хомская Е.Д. Нейропсихология. 2-е изд., доп. М.: УМК «Психология», 2002.

Шилко Р.С. Взаимодействие памяти и внимания человека: проблемы и перспективы исследования // Уч. зап. кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 350—364.

Шилко Р.С. Динамика внимания при кратковременном запоминании: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Andreasen N.C., O'Leary D.S., Cizadlo T. et al. Schizophrenia and cognitive dysmetria: a positron-emission tomography study of dysfunctional prefrontal-thalamic-cerebellar circuitry // Proceedings of the National Academy of Science USA. 1996. Vol. 93. N 18. P. 9985—9990.

Barch D.M. The cognitive neuroscience of schizophrenia // Annual Review of Clinical Psychology. 2005. N 1. P. 321—353.

Chan M.W.C., Yip J.T.H., Lee T.M.C. Differential impairment on measures of attention in patients with paranoid and non-paranoid schizophrenia // Journal of Psychiatric Research. 2004. Vol. 38. N 2. P. 145—152.

Cohen J.D., Ganguli R., Carter C. et al. Hypofrontality and working memory dysfunction in schizophrenia // Biological Psychiatry. 1995. Vol. 37. N 9. P. 633.

Dazzan P., Morgan K., Orr K.G. et al. The structural brain correlates of neurological soft signs in ESOP first-episode psychoses study // Brain. 2004. Vol. 127. N 1. P. 143—153.

Liu S.K., Chiu C.H., Chang C-J. et al. Deficits in sustained attention in schizophrenia and affective disorders: stable versus state-dependent markers? // Amer. Journal of Psychiatry. 2002. Vol. 159. P. 975—982.

MacLeod C.M. Half a century of research on the Stroop effect: An integrative review // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109. N 2. P. 163—203.

MacLeod C.M., McDonald P.M. Interdimensional interference in the Stroop effect: Uncovering the cognitive and neuronal anatomy of attention // Trends in Cognitive Sciences. 2000. N 4 (10). P. 383—391.

Stroop J.R. Studies in interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology. 1935. Vol. 18. P. 643—662.

Stuss D.T., Floden B., Alexander M.P. et al. Stroop performance in focal lesion patients: dissociation of processes and frontal lobe lesion location // Neuropsychologia, 2001. Vol. 39. N 8. P. 771—786.

Поступила в редакцию

21.05.14

А. Р. Агрис, Т. В. Ахутина, А. А. Корнеев

ВАРИАНТЫ ДЕФИЦИТА ФУНКЦИЙ I БЛОКА МОЗГА У ДЕТЕЙ С ТРУДНОСТЯМИ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены данные нейропсихологического исследования процессов регуляции активности (функций I блока мозга) у 64 первоклассников с различной успешностью в обучении. На основании нейропсихологического обследования были выделены три группы детей, различающихся по параметру состояния функций I блока мозга — без признаков дефицита I блока (норма), с преобладанием замедленности-утомляемости («замедленные») и с преобладанием гиперактивности-импульсивности (гиперактивные). Показана тесная связь обоих вариантов дефицита I блока со снижением академической успеваемости и с ухудшением большинства показателей работы II и III блоков мозга. Для гиперактивных детей в большей степени характерна слабость процессов программирования и контроля и переработки зрительно-пространственной информации, тогда как «замедленные» дети демонстрируют больший в сравнении с другими группами дефицит переработки слухоречевой и кинестетической информации. В компьютерных методиках «Точки» и «Таблицы Шульце—Горбова» для детей с дефицитом I блока в целом характерно снижение продуктивности и ухудшение темповых характеристик выполнения проб. Гиперактивные дети демонстрируют преобладание трудностей в наиболее сложных заданиях, предъявляющих повышенные требования к процессам программирования и контроля, а также показывают наиболее нестабильный характер выполнения проб. «Замедленные» дети ухудшают продуктивность и заметно снижают скорость выполнения в заданиях средней и высокой сложности и к концу выполнения длительной серии проб. Полученные данные вносят вклад в представления о различных вариантах энергетического дефицита и их связи с проблемами обучения в начальной школе.

Агрис Анастасия Романовна — педагог-психолог ГБОУ лицей № 1524 (Москва), аспирантка ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* agris.anastasia@gmail.com

Ахутина Татьяна Васильевна — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* akhutina@mail.ru

Корнеев Алексей Андреевич — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр. лаборатории нейрофизиологии когнитивной деятельности Института возрастной физиологии РАО. *E-mail:* korneeff@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-00341)

Ключевые слова: процессы регуляции активности, нейродинамика, функции I блока мозга, синдром дефицита внимания и гиперактивности, трудности обучения, детская нейропсихология, компьютеризированные методы исследования.

The paper presents results of the neuropsychological assessment of processes involved in the maintenance of activation (Luria's Unit I functions) in 64 first-graders who demonstrated various levels of academic success. On the basis of this assessment, the children were divided into three groups: (i) the children without any deficit in the Unit I functions (CONTROL children), (ii) those predominantly showing slowness/fatigue (SLOW children), and (iii) those who can be considered as predominantly hyperactive-impulsive (HYPERACTIVE children). It is shown that, relative to controls, both SLOW and HYPERACTIVE children show reduced academic scores and the decrease of most indices that characterize functions of the Units II and III. The weakness of executive and visuo-spatial functions are predominantly observed in HYPERACTIVE children, whereas SLOW children usually show some deficit in processing of kinesthetic (proprioceptive) and audio-verbal information. Children with functional weakness of the Unit I functions show an overall reduction in performance and its speed in the computerized versions of the "DOTS" and "SCHULTE—GORBOV tables" tests. In HYPERACTIVE children, deficits are observed in the most difficult tasks (those probing mostly into planning and control functions), and their performance is the most unstable. In SLOW children, the performance rate is noticeably decreased for the moderate-to-difficult tasks. Overall, the data reported contribute to the understanding of the diversity of Unit I functions deficits and their relation to the learning difficulties experienced by children in the primary school.

Key words: neurodynamic (activational) components of activity, processing speed, processes of regulation of brain activation, attention-deficit hyperactivity disorder, learning disabilities, developmental neuropsychology, computerized methods.

1. Введение

Данная работа посвящена изучению нейродинамических компонентов деятельности у детей. Пионером в исследовании этого вопроса является Е.Д. Хомская, которая еще в своей кандидатской диссертации (Хомская, 1957) показала различия в нейродинамике речевых и двигательных процессов у детей группы нормы, с церебро-астеническим синдромом и умственной отсталостью. И сейчас актуальным вопросом современной детской нейропсихологии является выяснение места слабости нейродинамических компонентов деятельности в механизме различных трудностей освоения школьных навыков (Ахутина, Пылаева, 2008; McGrath et al., 2011; Pennington, 2006; Waber, 2010; Weiler et al., 2000, 2002). Дефицит нейродинамических (активационных, энергетических) компонентов

ВПФ (функций I блока мозга по А.Р. Лурия (1973)) представляет собой наиболее частый нейропсихологический симптом у детей с трудностями освоения программы массовой школы (Глозман и др., 2007; Пылаева, 1998). Показано, что дефицит функций I блока мозга характерен в той или иной степени для всех детей с трудностями обучения (Ахутина, Матвеева, Романова, 2012). Как правило, при дисфункции I блока мозга у детей наблюдаются и другие нарушения: в литературе приведены данные о сочетании дефицита I блока со слабостью компонентов процессов переработки информации (II блок мозга) и функций программирования и контроля деятельности (III блок мозга). Нередко такие дети имеют диагноз «Синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВ(Г)) (Ахутина, Пылаева, 2008; Горячева, Султанова, 2005; Осипова, Панкратова, 1997; Семенович, 2008). В современном обзоре 17 различных исследований связи СДВ(Г) и трудностей обучения коморбидность данных расстройств оценивается показателем 45.1% (DuPaul et al., 2013). До 70% всех детей с СДВ(Г) полностью соответствуют критериям хотя бы одного из трех основных расстройств освоения школьных навыков — дислексии, дисграфии или дискалькулии (Brown, 2005).

Поскольку функции I блока мозга (возможность поддерживать оптимальное для психической деятельности функциональное состояние) лежат в основе всех психических процессов, нарушение их протекания возможно как за счет неблагоприятного онтогенеза в условиях энергетического дефицита (механизм «обкрадывания»), так и по причине актуального энергетического дисбаланса в условиях конкретного задания (Семенович, 2008). В настоящее время активно изучается связь трудностей обучения и сниженной скорости переработки информации (*processing speed*) (Compton et al., 2012; McGrath et al., 2011; Richards et al., 1990; Shanahan et al., 2006), которая часто приводит к проблемам автоматизации школьных навыков (Waber, 2010; Waber et al., 2000). До настоящего момента актуальной исследовательской задачей является прояснение тех звеньев психических процессов, которые наиболее чувствительны к активационному дефициту, актуален вопрос выделения вариантов слабости функций самого I блока.

В 1-м классе общеобразовательной школы на ребенка ложится серьезная нагрузка, требующая хорошего состояния функций I блока мозга: дети осваивают новые навыки письма, чтения, счета, которые пока не автоматизированы и потому энергоемки. Задача внимательно слушать учителя, длительно и стабильно поддерживать требуемый системой обучения уровень продуктивности и темп работы достаточно сложна даже для хорошо подготовленных к школе учеников, а для детей с недостаточной психофизической подготовкой превращается в один из наиболее тяжело преодо-

леваемых факторов их дезадаптации (Ахутина, Пылаева, 2008; Akhutina, Pylaeva, 2012). В этой связи **целью** настоящего исследования является анализ вариантов дефицита функций I блока мозга у первоклассников с риском трудностей обучения, а также оценка взаимосвязи дефицита функций I блока с другими компонентами психической деятельности.

Традиционно состояние нейродинамических компонентов деятельности ребенка оценивают через наблюдение за выполнением всех нейропсихологических проб, при этом уделяется внимание таким симптомам, как истощение, колебания внимания, трудности вхождения в задание, микро- и макрография, гипо- и гипертонус в моторных пробах (Ахутина и др., 2008). Кроме того, используются адаптированные для детей таблицы Шульте (там же), а также корректурные пробы для детей 4—7 лет и традиционные таблицы Шульте для детей от 9 лет (Глозман, 2012). Более точно оценить динамику таких показателей, как продуктивность и темп работы, позволяют компьютеризированные методы, широко распространенные в зарубежной детской нейропсихологии. Большую известность получили нейропсихологические батареи: *Cambridge Neuropsychological Test Automated Battery (CANTAB)* (Fray et al., 1996; Luciana, 2003; Luciana, Nelson, 2002), *Computerized Neuropsychological Test Battery (CNTB)* (Veroff et al., 1990), а также батареи *FePsy* (Vermeulen et al., 1994), *Test of Attentional Performance (TAP)* (Lejeune et al., 2013; Zimmermann, Fimm, 2002) и другие (см. обзоры: Letz, 2003; Schatz, Brown dyke, 2002; Witt et al., 2013). В отечественной нейропсихологии подобные разработки практически не применяются. Настоящее исследование сочетает в себе оба описанных приема — классическое нейропсихологическое обследование и такие компьютеризированные методы, как модифицированный вариант компьютерной методики «Точки» (“*Dots*” — Davidson et al., 2006) и компьютеризированная версия широко известного теста оценки динамики работоспособности и произвольного внимания — таблицы Шульте—Горбова (Горбов, 1971).

Выборку исследования составили 64 ученика 1-го класса СОШ г. Москвы (30 девочек, 34 мальчика; средний возраст 7.9 ± 0.4 года). По данным, полученным от педагогов и родителей, а также по результатам анализа тетрадей и следящей диагностики в условиях школы у 25 детей отмечались трудности в освоении школьных навыков; у остальных 39 детей таких трудностей не наблюдалось.

2. Методы исследования

2.1. Нейропсихологическое обследование

Все испытуемые были проведены через нейропсихологическое обследование, адаптированное для детей 5—9 лет (Ахутина и др., 1996, 2008; Полонская, 2007). В обследование вошло 20 проб, направ-

ленных на оценку различных компонентов высших психических функций (ВПФ). Выполнение этих проб анализировалось по 225 параметрам, включавшим в себя различные виды продуктивности выполнения, а также допускаемых ошибок.

Так как основной целью данной работы является исследование влияния нейродинамических компонентов ВПФ на деятельность ребенка, мы на основании теоретических предположений, результатов предшествующих исследований и опыта нейропсихологического обследования выделили 5 новых показателей состояния функций энергетического блока у детей: утомляемость, темп выполнения проб, гиперактивность, импульсивность, инертность. По каждому из перечисленных параметров испытуемому выставлялись баллы по шкале от 0 до 3, где 0 — минимальная выраженность особенности выполнения проб, а 3 — максимальная.

2.2. Компьютерный тест «Точки»

Тест “Dots” («Точки»), разработанный канадским нейропсихологом А. Даймонд (A. Diamond) с соавторами (Davidson et al., 2006), ориентирован на исследование управляющих функций (*executive functions*), которые в отечественной терминологии традиционно носят название процессов программирования, регуляции и контроля (Лурия, 1973).

Процедура теста: на экране компьютера, на белом фоне предъ-является фиксационный крестик, после чего справа или слева от него на 750 мс появляется стимул — красное сердечко или синий цветок (фиксационный крестик при этом остается на экране). Испытуемый должен как можно быстрее отреагировать на стимул в соответствии с инструкциями к пробам. В 1-й (конгруэнтной) пробе надо нажать на одну из клавиш на клавиатуре компьютера, расположенную справа (активные клавиши отмечены яркой наклейкой), если стимул (сердечко) появляется справа от крестика, и на клавишу, расположенную слева, если сердечко слева. Во 2-й (неконгруэнтной) пробе, наоборот, надо нажимать на левую клавишу, если стимул (цветок) появляется справа от крестика, и на правую, если цветок слева. В 3-й (смешанной, наиболее сложной) пробе в квазислучайном порядке предъ-являлись и сердечко, и цветок, и ребенок должен был отвечать, учитывая два правила и постоянно переключаясь с одной программы на другую. Ответ на стимул регистрировался с момента его предъ-явления. Количество целевых стимулов в каждой серии — 20. Если в течение 3000 мс после момента подачи стимула ребенок не давал ответа, целевой стимул считался пропущенным, и начиналось предъ-явление следующего стимула. Компьютерная версия методики была реализована с помощью бесплатной, свободно распространяемой программы для организации психологических

экспериментов Affect 4.0 (Spruyt et al., 2010). Качество выполнения проб оценивалось по количеству правильных ответов (продуктивности) и скорости ответа в миллисекундах.

Таким образом, методика «Точки» позволяла оценить возможности ребенка в усвоении и удержании инструкции (1-я проба), переключении на новую (противоположную первой) инструкцию и отторжении наиболее простого, «естественного» (конгруэнтного) ответа (2-я проба), удерживании двух инструкций и осуществлении операции переключения между двумя программами действий (3-я проба).

2.3. Компьютерный тест «Таблицы Шульте—Горбова»

В данном исследовании использован модифицированный для детей вариант таблиц Шульте—Горбова. Процедура: испытуемому предъявляется таблица из 20 ячеек (5×4), в которых в случайном порядке расположены красные и черные числа от 1 до 10 (10 красных и 10 черных). Методика состоит из 5 проб. В каждой пробе надо как можно быстрее найти и указать числа в соответствии с инструкцией: проба 1 — черные в порядке возрастания (1→10ч); проба 2 — красные в порядке возрастания (1→10к); проба 3 — черные в порядке убывания (10→1ч); проба 4 — черные и красные в порядке возрастания (параллельные ряды): «1» черное → «1» красное → «2» черное → «2» красное и т.д.; проба 5 — красные в порядке убывания (10→1к).

Такая последовательность заданий позволяет оценить способность испытуемого усваивать простую, более сложную и «параллельную» программы, переключаться с одной программы на другую, отторгать нерелевантный стимульный материал. Также методика дает возможность оценить состояние процессов регуляции активности за счет достаточно большой продолжительности заданий, требующих длительного и стабильного поддержания внимания.

Тест проводился с помощью специально разработанной программы на планшетном компьютере с чувствительным к прикосновениям экраном. В качестве основных оцениваемых параметров использовались скорость ответа (в мс, отдельно для каждой пробы) и суммарное количество ошибок (пропуски, персеверации, сбои в программе).

3. Результаты

3.1. Результаты нейропсихологического обследования

По результатам нейропсихологического обследования были рассчитаны интегральные показатели, отражающие состояние следующих компонентов ВПФ: функции программирования и контроля деятельности, функции серийной организации движений и

действий, переработка кинестетической информации, переработка слуховой информации, переработка зрительной информации, переработка зрительно-пространственной информации (Ахутина, Матвеева, Романова, 2012; Воронова и др., 2013). Так как основной целью данной работы является исследование влияния нейродинамических компонентов ВПФ на деятельность ребенка, мы использовали пять новых показателей состояния функций энергетического блока у детей и провели анализ их соотношения. Эксплораторный факторный анализ этих параметров позволил выделить 2 фактора, объясняющие 81% дисперсии исходных данных. В первый фактор с большими факторными нагрузками вошли показатели замедленности, утомляемости и инертности, что позволяет назвать его *фактором замедленности* (показатели называются в порядке снижения их веса). Во второй фактор вошли показатели гиперактивности, импульсивности и инертности. Этот фактор можно назвать *фактором гиперактивности*. При этом показатель инертности оказался неспецифическим ни для одного из факторов и поэтому был исключен при расчете двух дифференцирующих индексов, но использовался при вычислении интегрального (суммарного) показателя состояния активационных компонентов ВПФ. Таким образом, в индекс для оценки общего снижения активности (гипоактивности) были включены оценки темповых характеристик выполнения заданий и степени утомляемости, а в индекс для общей оценки гиперактивности вошли параметры импульсивности и гиперактивности. Оба индекса организованы по принципу штрафных баллов: чем больше значение, тем более выражены проблемы, связанные с дефицитом активационных компонентов. На основании этих двух индексов были выделены три группы испытуемых (названия групп даны по максимально нагруженным в факторе параметрам).

Норма по I блоку (Н-группа) — дети с хорошим состоянием активационных компонентов ВПФ, т.е. те, у которых оба индекса не превышали средний по группе больше, чем на 0.5 (7 мальчиков, 21 девочка).

Гиперактивные (Г-группа) — дети с относительно сильно выраженными признаками дефицита функций I блока в виде гиперактивности/импульсивности, т.е. те, у которых хотя бы один параметр оказался хуже среднего по выборке больше чем на 0.5, при этом индекс гиперактивности был выше (хуже) индекса замедленного темпа (15 мальчиков, 3 девочки). Заметим, что у этих детей не было диагноза СДВ(Г), потому что одним из условий его выставления является наблюдение врача-невролога или психиатра и оценка состояния ребенка в течение 6 месяцев, а последнее не могло быть реализовано применительно к первоклассникам в середине учебного года. Однако постановка этого диагноза для данной группы детей в будущем высо-

ко вероятно, особенно при сильной степени выраженности признаков гиперактивности-импульсивности, поскольку это соответствует критериям выставления диагноза «СДВ(Г)» по МКБ-10.

«Замедленные» (З-группа) — дети с относительно сильно выраженными признаками дефицита функций I блока в виде замедленной переработки информации и утомляемости, т.е. те, у которых хотя бы один параметр оказался хуже среднего по выборке больше чем на 0.5, при этом индекс темпа был выше (хуже) индекса гиперактивности (12 мальчиков, 6 девочек).

Соотношение средних значений различных компонентов ВПФ, связанных с функциями серийной организации, программирования и контроля деятельности (III блок мозга) и переработкой информации различного типа (II блок мозга) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение средних значений различных компонентов ВПФ, связанных с функциями III и II блоков мозга, в группах нормы (Н), гиперактивных (Г) и «замедленных» (З) детей

Функции	Группа	Среднее	Ст. отклонение	Значимость различий по результатам однофакторного дисперсионного анализа
Функции программирования и контроля	Н	-2.00	2.32	F(61, 2)=12.046, p<0.001
	Г	2.47	3.82	
	З	0.81	3.41	
Функции серийной организации движений и действий	Н	-0.44	2.77	F(61, 2)=0.864, p=0.428
	Г	0.66	2.58	
	З	0.06	2.92	
Функции переработки кинестетической информации	Н	-1.89	3.74	F(61, 2)=7.176, p=0.002
	Г	0.67	3.94	
	З	2.40	3.89	
Функции переработки слуховой информации	Н	-2.13	3.34	F(61, 2)=4.101, p=0.022
	Г	0.97	5.26	
	З	1.63	6.06	
Функции переработки зрительной информации	Н	-2.17	5.40	F(61, 2)=2.472, p=0.093
	Г	1.37	7.29	
	З	1.59	6.51	
Функции переработки зрительно-пространственной информации	Н	-1.31	3.65	F(61, 2)=3.438, p=0.039
	Г	1.44	3.71	
	З	0.59	3.45	

Примечание. Жирным шрифтом выделены показатели, значимо отличающиеся от показателей нормы.

Попарное множественное сравнение с поправкой Шеффе выявило следующее.

1. По показателям функций *программирования и контроля* Н-группа отличается от групп Г и З на уровне $p < 0.05$, в то время как группы Г и З между собой различаются незначимо (показатели, значимо отличающиеся от показателей нормы, выделены в табл. 1 жирным шрифтом).

2. По показателям *переработки кинестетической информации* Н-группа значимо ($p = 0.002$) отличается от З-группы и субзначимо ($p = 0.096$) — от Г-группы. При этом группы З и Г по этому параметру не различаются.

3. Показатели функций *переработки слуховой информации* значимо различаются только при сравнении Н-группы с З-группой ($p = 0.043$).

4. Показатели функций *переработки зрительно-пространственной информации* субзначимо различаются при сравнении Н-группы с Г-группой ($p = 0.051$).

Оценка связи состояния функций I блока с успешностью в обучении показала следующее. Большинство детей Н-группы (24 из 28) не испытывает трудностей в освоении базовых школьных навыков счета, чтения и письма, по данным академической успеваемости, опроса учителей и родителей, и только 4 ребенка (14%) имеют такие трудности. В Г-группе 12 испытуемых (67%) испытывают трудности обучения, а нормально успевают 6 испытуемых (33%). Наконец, в З-группе число детей с риском трудностей обучения и нормально успевающих составило 11 и 7 (61 и 39% соответственно). В целом из 36 детей со слабостью функций I блока 64% демонстрируют проблемы в обучении, при этом у гиперактивных и у «замедленных» детей доли отстающих в обучении практически одинаковы.

3.2. Результаты компьютерного теста «Точки»

Средние значения продуктивности выполнения и времени ответов трех групп детей в тесте «Точки» представлены на рис. 1.

Для статистической обработки данных использовался дисперсионный анализ ANOVA с факторами повторных измерений. С его помощью оценивался эффект группы (независимый фактор ГРУППА с 3 уровнями — дети без выраженного дефицита функций I блока, дети с преобладанием гиперактивности и дети с преобладанием замедленности). Фактором повторных измерений был ТИП ЗАДАНИЯ (3 уровня — от самого простого к более сложному). В качестве зависимых переменных рассматривались продуктивность выполнения и время ответа на целевой стимул.

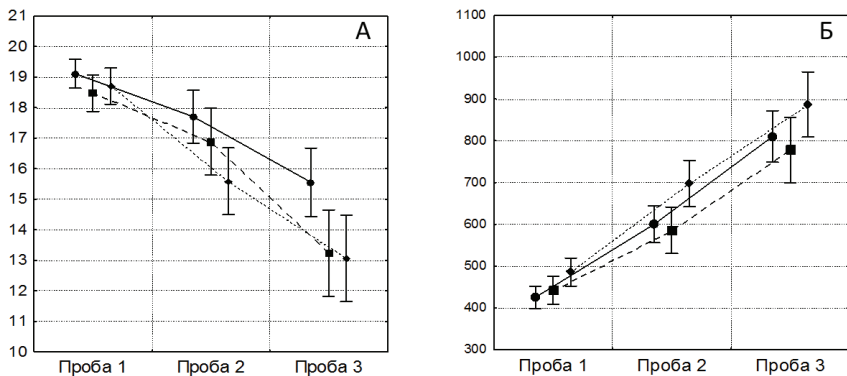

Рис. 1. Средние значения продуктивности выполнения (А) и времени ответов (Б) в тесте «Точки». условные обозначения: Н-группа — сплошная линия, Г-группа — штриховая, З-группа — пунктир

Было обнаружено, что на *продуктивность выполнения* значимо влияют факторы ГРУППА ($F(2, 58)=6.594, p=0.003$) и ТИП ЗАДАНИЯ ($F(2, 116)=92.345, p<0.001$), а также взаимодействие факторов ГРУППА и ТИП ЗАДАНИЯ ($F(4, 116)=2.543, p=0.043$). На *время ответов* испытуемых значимо влияют факторы ГРУППА ($F(2, 58)=5.593, p=0.006$) и ТИП ЗАДАНИЯ ($F(2, 116)=192.36, p<0.001$), а влияние взаимодействия этих факторов незначимо ($F(4, 116)=0.682, p=0.606$).

Попарное сравнение *продуктивности* групп в отдельных пробах показало, что в 1-й пробе группы Н, Г и З не различаются. Во 2-й пробе Н-группа значимо отличается от З-группы ($p=0.003$), а в 3-й пробе — от групп Г и З ($p=0.012$ и $p=0.007$ соответственно). Аналогичное попарное сравнение *времени ответа* показало, что в 1-й пробе З-группа значимо отличается от Н-группы ($p=0.006$) и субзначимо — от Г-группы ($p=0.07$); во 2-й пробе — от групп Н и Г ($p=0.007$ и $p=0.006$ соответственно); в 3-й пробе — от Г-группы (субзначимо, $p=0.051$). Г-группа не обнаруживает значимых отличий от Н-группы во всех трех пробах.

Таким образом, полученные результаты говорят о том, что при большой когнитивной нагрузке (в 3-й пробе) гиперактивные-импульсивные дети начинают ошибаться так же часто, как замедленные-утомляемые, но в скорости ответа не отстают, а, наоборот, опережают всех, даже норму (хоть и незначимо). Плановое сравнение, направленное на анализ динамики оцениваемых параметров выполнения теста «Точки», показало, что снижение продуктивности и увеличение времени ответа от 1-й ко 2-й и от 2-й к 3-й пробе значимо во всех трех группах детей (на уровне $p<0.05$ во всех случаях).

3.3. Результаты компьютерного теста «Таблицы Шульте—Горбова»

Средние данные о количестве ошибок и времени ответов в трех группах детей при выполнении теста «Таблицы Шульте—Горбова» помещены в табл. 2. Как и при анализе результатов теста «Точки», в данном случае использовался дисперсионный анализ ANOVA с факторами повторных измерений, с межгрупповым фактором ГРУППА (3 уровня) и фактором повторных измерений ПРОБА (5 уровней). В качестве зависимых переменных оценивались количество ошибок и время ответа на целевой стимул. Опишем полученные результаты.

(1) Влияние фактора ПРОБА на количество ошибок значимо ($F(4, 200)=11.059, p<0.001$), а влияние фактора ГРУППА субзначимо ($F(2, 50)=2.983, p=0.06$). Влияния факторов ГРУППА и ПРОБА на время ответа значимы ($F(2, 50)=4.389, p=0.0175$ и $F(4, 200)=23.692, p<0.001$ соответственно), а влияние взаимодействия этих факторов и на количество ошибок, и на время ответа незначимо.

(2) При попарном сравнении групп в отдельных пробах по количеству ошибок были обнаружены субзначимые различия между Н-группой и З-группой ($p=0.062$), а также между группами З и Г ($p=0.053$) в пробе 2 (1→10к). В пробе 3 (10→1ч) субзначимые различия ($p=0.054$) обнаружены только между группами Н и З. В пробе 4 (параллельные ряды) Н-группа значимо отличается от Г-группы ($p=0.005$). Других различий между группами не обнаружено.

(3) Попарное сравнение групп по времени ответа показало: а) значимые различия между группами Н и З пробах 2 (1→10к), 4

Таблица 2

Результаты выполнения пробы «Таблицы Шульте—Горбова» в группах нормы (Н), гиперактивных (Г) и «замедленных» (З) детей

Группа	Проба 1	Проба 2	Проба 3	Проба 4	Проба 5
Среднее количество допущенных ошибок					
Н	1.20 (1.68)	0.14 (0.34)	0.12 (0.44)	0.73 (0.67)	0.24 (0.66)
Г	1.04 (1.81)	0.08 (0.29)	0.42 (0.67)	2.15 (2.08)	0.54 (0.78)
З	1.22 (1.78)	0.38 (0.50)	0.53 (0.88)	1.41 (1.54)	0.75 (1.44)
Среднее время ответа (мс)					
Н	1635 (545)	1593 (429)	1760 (633)	2279 (602)	2033 (655)
Г	1959 (694)	1990 (654)	2356 (1420)	2807 (920)	2625 (920)
З	1974 (657)	2110 (936)	2304 (1146)	3119 (930)	2786 (1464)

Примечание. В скобках указаны стандартные отклонения.

(параллельные ряды) и 5 (10→1к) ($p=0.02$, $p=0.002$ и $p=0.024$ соответственно) и субзначимые ($p=0.09$) — в пробе 1 (1→10ч); 6) субзначимые различия между группами Н и Г в пробах 2 ($p=0.09$) и 4 ($p=0.06$). При этом в целом гиперактивные дети близки по темпу к «замедленным», их отставание от нормы часто не дает значимых различий в связи с большими колебаниями по времени ответа и соответственно с большими стандартными отклонениями.

(4) Специальное исследование *стабильности ответов* показало, что в пробах 3, 4 и 5 в группах З и Г наблюдается значимо большее стандартное отклонение *количества ошибок*, чем в Н-группе ($p<0.05$ по критерию Ливиня во всех трех случаях). Это значит, что дети с дефицитом функций I блока выполняют пробы более разнородно, чем в норме; среди них встречаются как допустившие совсем мало, так и сделавшие крайне много ошибок, причем эта тенденция снижения устойчивости результатов усиливается к последним пробам. Такая межиндивидуальная нестабильность, в частности, может быть связана с большой внутрииндивидуальной вариативностью времен реакции, характерной для детей с СДВ(Г) (Russell et al., 2006).

Для более подробного и точного анализа этой вариативности был введен дополнительный параметр, направленный на оценку стабильности ритма выполнения пробы. Этот параметр рассчитывался как стандартное отклонение времени ответов внутри каждой из проб. При этом мы исходили из того, что если темп равномерен, то стандартное отклонение времени ответов будет минимально, и параметр будет сокращаться. Если темп нестабилен, то параметр будет повышаться (Корнеев и др., 2013). Средние показатели этого параметра в трех экспериментальных группах представлены на рис. 2.

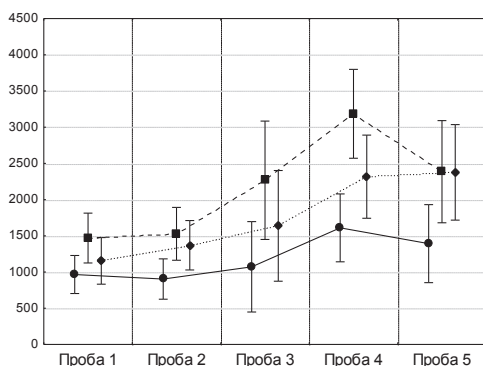

Рис. 2. Средние значения стабильности ритма в трех группах при выполнении теста «Таблицы Шульте—Горбова»

Дисперсионный анализ показал, что в данном случае фактор ТИП ЗАДАНИЯ оказывает значимое влияние на стабильность ритма выполнения заданий ($F(4, 204)=19.227, p<0.001$) — она снижается от первой к четвертой и немного повышается в пятой пробе. Также значимым оказывается влияние фактора ГРУППА ($F(2, 51)=6.40, p=0.003$): в целом дети из Н-группы выполняют задания наиболее стабильно, у детей З-группы стабильность снижена, и максимальная нестабильность характерна для Г-группы. Эти различия менее заметны в пробах 1 (1→10ч) и 2 (1→10к), затем они увеличиваются и становятся наибольшими в самой сложной пробе 4 (параллельные ряды). Эти данные могут говорить о тесной связи сложности задания с вариативностью его выполнения. Но интересно, что в пробе 5 (10→1к) группы З и Г перестают различаться. Это может быть связано с тем, что гиперактивные дети в соответствии с меньшей сложностью этого задания, уменьшают вариативность выполнения, а у замедленных детей этого не происходит, высокая вариативность сохраняется, что может быть объяснено большей утомляемостью замедленных детей по сравнению с гиперактивными.

(5) Для анализа динамики выполнения проб в трех группах было проведено плановое сравнение показателей в «соседних» пробах.

Анализ динамики количества ошибок обнаружил, что при переходе от пробы 1 к пробе 2 Н-группа значительно улучшает свои показатели ($p=0.005$), а группы Г и З — нет ($p>0.05$ в обоих случаях); при переходе к пробе 3 показатели меняются незначимо во всех трех группах; при переходе к пробе 4 количество ошибок в Н-группе меняется субзначимо ($p=0.08$), а в группах Г и З значительно растет ($p=0.001$ и $p=0.04$ соответственно). Наконец, в пробе 5 количество ошибок незначимо снижается в группах Н ($p=0.12$) и З ($p=0.13$) и значимо — в Г-группе ($p=0.002$).

Аналогичный анализ времени ответа показал, что в трех первых пробах скорость ответа меняется незначимо во всех трех группах. В пробе 4 (параллельные ряды) время ответа возрастает в группах Н и З значимо ($p=0.006$ и $p<0.001$), а в Г-группе — субзначимо ($p=0.09$). Наконец, в пробе 5 оно уменьшается — значимо в группах Н ($p=0.12$) и Г ($p=0.44$) и субзначимо в З-группе ($p=0.09$).

(Окончание статьи и список литературы см. в следующем номере журнала)

Поступила в редакцию
05.02.14

О. А. Кроткова

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И АСИММЕТРИЯ ПОЛУШАРИЙ МОЗГА

В статье анализируются данные о структурной и нейрохимической асимметрии полушарий мозга, которые в совокупности с результатами нейропсихологических исследований позволяют по-новому рассматривать проблему мозговой реализации психических явлений. Современные исследования клеточных и молекулярных процессов в нервной системе показывают, что эндогенная активность нейронов и способ их самоорганизации во многом определяются составом экстраклеточной среды. Усложнение мозга в филогенезе сопровождалось нарастанием асимметрии нервной системы, при этом формировались биологические предпосылки для дифференциации обобщенных «значений» приобретаемого опыта и связанных с индивидуальными состояниями «смыслов» пережитых впечатлений. Асимметричное опосредование психических явлений клеточными и нейрогуморальными составляющими работы мозга обеспечило возможность появления языка и выраженных субъективных переживаний у человека.

Ключевые слова: психофизическая проблема, асимметрия полушарий мозга, память.

The data is analyzed in the article about structural and neurochemical brain hemispheric asymmetry, which, together with results of neuropsychological investigations, allow considering in a new way the problem of realization of psychic events. Modern investigations of cellular and molecular processes in neural system show, that the endogenous neural activity and the ways of neural self-organization are in many respects defined by the composition of extracellular environment. The complication of brain during phylogenies was accompanied by increasing asymmetry of neural system at the same time the biological prerequisites for differentiation of general “meanings” and one’s personal “sense” of the acquired experience were forming. The asymmetric mediation of psychic events by cellular and neurohumoral components of brain processing provided the opportunity for appearing language and distinct subjective experiences in human.

Key words: psychophysical problem, the hemispheric asymmetry, memory.

Кроткова Ольга Андреевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. отделения нейрореабилитации ФГБУ «НИИ нейрохирургии им. акад. Н.Н. Бурденко» РАМН.
E-mail: okrotkova@nsi.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-04-12061 ОФИ-М).

Вопросы межполушарной асимметрии мозга исследовались Евгенией Давыдовной Хомской на протяжении нескольких десятилетий. Они интересовали ее и в рамках клинической нейропсихологии, и при изучении последствий Чернобыльской катастрофы, и при разработке нейропсихологии нормы — направления, у истоков которого она стояла. В своих трудах Е.Д. Хомская не только проводила классические подходы, но с энтузиазмом поддерживала новые гипотезы и приемы исследований. Вокруг нее всегда были молодые, начинающие ученые, свободно генерирующие часто самые неожиданные идеи, которые она никогда «не гасила», а, напротив, стремилась отыскать рациональное зерно и подсказать пути адекватного воплощения.

Методологические положения работ А.Р. Лурия и Е.Д. Хомской составили основу для обсуждения самого острого вопроса естествознания — соотношения психики и мозга (Лурия, Хомская, 1976). Настоящая статья является попыткой на основе междисциплинарного анализа современных открытий сделать еще один шаг в этом направлении.

Клеточные и нейрогуморальные механизмы принятия решений у модельных животных

Изучение работы мозга в последнем десятилетии характеризовалось пересмотром ранее сложившихся представлений. Синаптическая парадигма сменилась парадигмой «объемной нейротрансмиссии» (*volume transmission*). Сигнальные молекулы, находящиеся в межклеточном пространстве, действуют на всей поверхности нейрона, а не только в области синапса. Адресная рецепция обеспечивается специфичностью нейроактивных молекул и разным химическим фенотипом нейронов (Сахаров, 1990; Угрюмов, 2010; Agnati et al., 2010; Hobert et al., 2010).

Межклеточное пространство занимает 20—30% объема мозга в зависимости от области нервной системы (Syková, Nicholson, 2008). Оно содержит гормоны, нейротрансмиттеры, метаболиты. Сообщества взаимодействующих нейронов не имеют ничего общего с электрической сетью. В осуществлении поведенческих актов участвуют нейронные ансамбли, состоящие из клеток с разной нейротрансмиттерной специализацией. Изменяя состав среды, омывающей ансамбль, можно перестроить взаимодействие между нейронами. Межклеточная среда определяет характер эндогенной активности нейронов и способ их самоорганизации (Балабан и др., 2013; Дьяконова, 2012; Сахаров, 2012).

Большая серия исследований показывает, как меняется экстраклеточная среда в зависимости от состояния животного. Голодное

оно или сытое, находилось в покое или интенсивно двигалось, живет изолированно или находится в плотной среде своей особи своего вида, победило в схватке с соперником или оказалось побежденным. Во всех этих ситуациях экспериментально регистрируется изменение химического состава межклеточной среды. Более того, определенное поведение животного можно вызвать экспериментально. Например, производя аппликацию октопамина, имитировать чувство голода у сытого животного (вызвать соответствующее голоду поведение), инъекциями серотонина сделать более выраженной поведенческую агрессию, а сигнальными молекулами андрогена, аргинин-вазотоцина, соматостатина, глутамата модулировать социальный статус особи в группе. Жизненный опыт животного, его предшествующие состояния кодируются в биохимии экстраклеточного пространства (Дьяконова, 2007, 2012; Cattaert et al., 2010; Stevenson et al., 2005).

Пожалуй, самым сложным аспектом психофизической проблемы является вопрос о том, как принимается решение, как работает «командный пункт» мозга. Например, если пиявку, сидящую на стенке аквариума, ткнуть палочкой, она может обидеться и удалиться. Причем удалиться она может двумя способами – шагая по стенке аквариума и вплавь. Ни по каким признакам нельзя заранее угадать, какой способ передвижения выберет данная конкретная пиявка. Осуществляя одновременную фоторегистрацию сотен нейронов, выявили тот, который раньше других «знает», пойдут пиявка или поплывет. Однако почему нейрон это «знает»? Ответ был найден в составе экстраклеточной среды. Выбор пиявки между двумя способами локомоции, принятие ею решения уплыть или зашагать от неприятности зависит от баланса между серотониновым и дофаминовым тономусом ее экстраклеточной среды (сдвиг в сторону дофамина вызывает шагание). Предсказуемый паттерн ансамбля можно вызывать, добавляя в раствор с изолированным препаратом нервной системы молекулы одного из нейротрансмиттеров (Балабан и др., 2013; Puhl, Mesce, 2008).

«Командный нейрон», который можно обнаружить при осуществлении простых двигательных реакций, не является обязательным условием в сложных поведенческих актах. В системе, состоящей из большого числа элементов и зависящей от множества переменных, жесткая детерминированность невозможна. Здесь начинает действовать теория «упорядоченного хаоса». Система функционирует вероятностным образом, интегрируя воздействия множества разных сигналов и их распределение во времени. Самого верхнего уровня управления не существует (Балабан и др., 2013).

Единая природа модуляторных подстроек в живых организмах

Принципиальной позицией является обсуждение психофизической проблемы в контексте эволюционного процесса. И у растений, и у одноклеточных организмов, и у высших животных обнаружено удивительное подобие молекулярных механизмов, обеспечивающих адаптивные реакции (Анохин, 2010). «Возникшая на самых ранних этапах эволюционного процесса и у самых примитивных одноклеточных организмов система химической регуляции и сигнализации никуда не исчезла, а оказалась полностью востребованной в появившейся позже нервной системе» (Островский, 2010, с. 8). Развитие новой коры в филогенезе шло по пути количественного наращивания мозговых образований, а не путем возникновения новых типов нейронов или новых химических соединений. Мозг человека знаменует один из этапов эволюционного процесса, ассимилирующий «приобретения» предыдущих стадий.

В работе Г. Гельбард-Сагив с коллегами больным с эпилепсией с терапевтическими целями вживлялись глубинные электроды. Больные просматривали аудиовизуальные клипы, а затем в свободном порядке вспоминали эпизоды, которые они видели. Требовалось назвать эпизод сразу же, как только он «приходил в голову». Во время просмотра клипов у каждого испытуемого определялись нейроны с повышенной избирательной активностью по отношению к какому-то конкретному клипу. Например, у одного из испытуемых в правом гиппокампе был обнаружен нейрон, который устойчиво активировался каждый раз, когда этому испытуемому демонстрировался эпизод из сериала «Симпсоны». Во время свободного припоминания наблюдалась селективная активация тех же специфичных для каждого клипа нейронов. И эта активация начинала регистрироваться до того, как испытуемые сообщали о вспоминании клипа (Gelbard-Sagiv et al., 2008).

Внутренне порождаемый нейронный коррелят спонтанно возникающих воспоминаний предшествовал возможности вербально обозначить субъективное переживание. Встраивание речевых зон мозга в обеспечение поведенческого эпизода — это лишь этап непрерывной мозговой реализации психических явлений. Нейрональное обеспечение вербализованных и невербализованных эпизодов поведения различается по составу функционально активных зон мозга, непрерывно перестраивающихся в своем взаимодействии.

Мы, пожалуй, можем «ощутить» описанные явления, если проанализируем течение собственных мыслей при решении какой-то задачи. Мысли плавно сменяют друг друга, но не всегда идут в нужном направлении. Иногда мы осознаем, что неожиданно начали

обдумывать совсем другой вопрос, как правило, более эмоционально значимый в данный момент времени. Возвращение к исходной задаче требует некоторых усилий и подстройки нашего состояния. Когда очертания искомого решения становятся очевидными, возникает желание «поймать, не дать исчезнуть», соединить со словами и закрепить в памяти. Решение проблемы (озарение, инсайт) возникает внезапно и часто неожиданно.

Механизмы «подстроек» в нервной системе до конца не ясны. Адаптивное поведение живых существ в первую очередь регулируется задачами избегания опасностей, питания, продолжения рода. Все системы жизнеобеспечения организма (дыхание, пищеварение, кровоснабжение) направлены на решение задач адаптивного поведения. Нервная система не только регулирует физиологические процессы «своего» организма, но и функционально зависит от их текущего состояния. Скорее всего, самоорганизация нейронных ансамблей осуществляется («одобряется», «усиливается», «закрепляется») на уровне всего организма, в направлении максимальных эффектов адаптивного поведения. Например, классический нейротрансмиттер ацетилхолин продуцируется и секретируется не только в нервной системе, но и во многих типах клеток млекопитающих вне нервной системы. Так, в дыхательных путях слизистая оболочка использует холинергическую сигнализацию, чтобы справиться с проблемами загрязнений, инфекций, дегидратации (Krasteva, Kummer, 2012).

Проблемы асимметрии полушарий мозга

В некоторых гипотезах искажение симметрии неживой природы предлагается в качестве «сквозного» фактора, опосредующего зарождение жизни на Земле. Асимметрия живых организмов возникает с непредсказуемостью, а ее формирование характеризуется элементами нерациональности (Афанасьева, Амон, 2006). В нейронных ансамблях простейших беспозвоночных животных выявляются клетки с асимметричной анатомией и асимметричные паттерны экспрессии нейрон-специфических генов. Асимметрия на уровне нейрохимической организации имеет определяющее значение для работы клеточных ансамблей, обеспечивающих целостное поведение животных (Захаров, 2012).

У высших животных обнаруживается более тесная связь правого полушария с афферентными потоками от внутренних органов и нейрогуморальными перестройками. Клинические исследования доказывают бóльшую чувствительность функций правого полушария к вмешательствам в метаболизм мозга: действию алкоголя, наркотиков, химических интоксикаций на вредных производствах (Костандов, 1983). Прием ноотропных препаратов больными,

перенесшими тяжелую черепно-мозговую травму, сопровождается однонаправленной (неспецифической) динамикой левополушарных симптомов, в то время как симптоматика поражения правого полушария изменяется выборочно, обнаруживая неоднородность нейрохимических процессов, лежащих в ее основе (Кроткова, Найдин, 1992). Появляются все новые экспериментальные факты о более обширной, характеризующейся большим числом синаптических контактов нейрональной сети в левом полушарии по сравнению с правым (Новосёлова, Сапронов, 2012).

Однако и структурная, и нейрохимическая асимметрии полушарий однозначно не связаны с асимметриями моторными. У высших животных чаще всего обнаруживают некоторый процент особей с признаками «амбидекстрии» и примерно одинаковое количество «правшей» и «левшей». Явное преобладание правшей в выборках *Homo sapiens* свидетельствует о генетическом накоплении фактора правшества у этого биологического вида (Бианки, 1989).

Ключевая группа фактов связана с понятиями «диффузности» и «фокальности» полушарий. Пожалуй, первый, кто обратил внимание на относительную «диффузность» функционирования правого полушария и на сравнительно «фокальный» характер деятельности левого полушария, был И.Р. Тарханов. При электрическом раздражении моторной коры у новорожденных собак и кроликов он обнаружил, что стимуляция правого полушария вызывает более слабые, но одновременно генерализованные движения в контрлатеральных конечностях по сравнению со стимуляцией левого полушария, где при той же величине раздражителя наблюдаются более сильные, но одновременно изолированные движения определенных мышечных групп (Тарханов, 1961).

В клинике очаговых поражений мозга эти латерализационные различия анализировались Дж. Семмесом. Сравнивая клинические проявления поражения сенсомоторной коры левого и правого полушарий, автор заметил, что очаг в левом полушарии приводит к более выраженным, но вместе с тем более четко очерченным двигательным и чувствительным дефицитам. Поражение симметричных отделов правого полушария у больных сопровождалось более «размытой» неврологической симптоматикой (Semmes, 1968).

В исследованиях А.Р. Лурия и Е.Д. Хомской неоднократно отмечались факты неоднозначного топического соответствия лево- и правосторонних синдромов. При поражении левого полушария нейропсихологические синдромы дифференцируются в зависимости от локализации очага. При поражении правого полушария нейропсихологическая симптоматика, в целом очень ярко отличающаяся от симптоматики поражения левого полушария, соотносится со структурами внутри правого полушария не так однозначно. На-

пример, игнорирование левой части пространства, которое часто сочетается с игнорированием левого уха в методике дихотического прослушивания и игнорированием левой руки при одновременных двусторонних тактильных раздражениях, наблюдается только при поражении правого полушария у правой (аналогичная симптоматика при поражении левого полушария по отношению к правой стороне тела и пространства отмечается очень редко). Однако симптоматика «левостороннего игнорирования» обнаруживается и у больных с поражением отделов правого полушария — и височных, и затылочных, и теменных. Будет ли «левостороннее игнорирование» иметь генерализованный характер или ограничится какой-то одной модальностью, зависит не столько от локализации, сколько от общей тяжести поражения правого полушария мозга (Жорсакова, Московичюте, 2003; Лурия, 1969; Хомская, 1987).

Доказательства более выраженной топической опосредованности психических явлений мозговыми структурами левого полушария содержатся и в электрофизиологических исследованиях. Так, в период предстимульного внимания у здоровых взрослых испытуемых в левом полушарии на ЭЭГ регистрируется функциональное объединение областей, связанных с модальностью ожидаемого сигнала. В то же время в правом полушарии характер внутримушарной интеграции в момент предстимульного внимания совершенно не зависит от того, тактильный или слуховой сигнал готовится различать испытуемый (Мачинская, Семенова, 2009).

Нарастание морфологической и нейрохимической асимметрии нервной системы в филогенезе — это путь постепенной дифференциации качества реализуемых психических процессов.

Два механизма забывания

Наши воспоминания никогда не бывают точной копией того, что мы когда-либо увидели или услышали. Любая воспринимаемая информация соотносится с накопленным ранее опытом, «встраивается» в него, обрастает ассоциативными связями, получает определенную эмоциональную окраску, «личностное звучание» и смысл. Пожалуй, все эти явления можно было бы обозначить термином «забывание», имея при этом в виду постоянный процесс преобразования в памяти информации, приобретаемой человеком на протяжении жизни. Клинические наблюдения и экспериментальные нейропсихологические исследования больных с очаговыми поражениями мозга привели нас к мысли о том, что «забывание» можно сделать ключевым словом в обсуждении психофизической проблемы.

Изучая слухоречевую память, А.Р. Лурия и сотрудники его лаборатории обнаружили интересный факт. Если попросить больного

прослушать и запомнить в порядке предъявления ряд слов, например рыба, печать, дрова, рука, дым, ком, то больной с поражением левого полушария вспомнит их примерно таким образом: *«рыба, еще какие-то слова были, я их не помню, в конце — дым, ком»*. А больно́й с поражением правого полушария уверенно воспроизведет примерно такую последовательность: *«печать, лес, рыба, ком, рыба»*, т.е. забудет порядок предъявления слов, воспроизведет какое-нибудь лишнее слово, не заметит, что одно и то же слово повторил два раза (Корсакова, Московичюте, 2003; Лурия, 1976).

Еще более демонстративным это явление становится при исследовании зрительной памяти. Предъявляя больному ряд трудновербализуемых графических фигурок, мы заметили, что, воспроизводя его по памяти, больно́й с поражением левого полушария допускает ошибки, которые свидетельствуют как бы об «угасании и обтаивании» образа (забываются детали фигурок, правильно воспроизводится лишь общая структура, схема ряда). А у больно́го с поражением правого полушария, наоборот, воспроизведение насыщено деталями, однако это «осколки» образца, случайные соединения разных элементов. Вся структура ряда трансформируется в памяти.

Если предъявить для запоминания цветную сюжетную картинку, то через некоторое время образ у больно́го с поражением левого полушария становится неотчетливым, он как бы видит картинку сквозь мутное стекло и сообщает о ней лишь самые общие сведения («дело было летом, кто-то собирал грибы»). А у больно́го с поражением правого полушария яркость образа не снижается, однако происходит его трансформация. Изменяется местоположение объектов, крупные элементы картинки называются повторно, как бы удваиваясь в памяти, больно́й называет много деталей, как правильных, так и ложных («здесь стоял охотник с ружьем» — на самом деле такой персонаж отсутствовал) (Кроткова, Семенович, 1994).

Нечеткий образ при поражении левого полушария сопровождается ощущением ошибки. Голос больно́го звучит неуверенно, допускаются альтернативные варианты ответов. Трансформировавшийся образ при поражении правого полушария не теряет своей яркости и не сопровождается ощущением ошибки. Больно́й отчетливо «видит» перед собой тестовый материал, он уверен в правильности своих ответов. Еще раз подчеркнем, что отсутствие ощущения ошибки у больно́х с поражением правого полушария не является чертой их поведения. В наших исследованиях участвовали пациенты, которые могли удерживать программы сложных заданий, не проявляли выраженных признаков нарушения планирования и контроля деятельности. Отсутствие ощущения ошибки при вспоминании являлось свойством их мнестических образов, которые,

распадаясь и трансформируясь, не теряли своей субъективной яркости (Кроткова, 2010).

Мы проводили варьирование задач запоминания, условий мнестической деятельности, самого экспериментального материала и каждый раз наблюдали описанные латеральные различия в забывании. Например, при прослушивании короткого рассказа-басни Л.Н. Толстого с инструкцией воспроизвести потом текст по памяти больной с поражением левого полушария, как правило, воспроизводил общую фабулу повествования, но упускал отдельные эпизоды. А больной с поражением правого полушария мог включить в свой рассказ фрагменты, не содержащиеся в тексте, и исказить саму суть басни.

Если нарушения памяти были выраженными, то обнаружить два механизма забывания можно было и без какого-либо специального эксперимента. Достаточно было спросить больного: «что вы делали вчера?» Больной с поражением левого полушария отвечал примерно следующее: «точно не помню, были какие-то лечебные процедуры». А больной с поражением правого полушария уверенно описывал события прошедшего дня, и в его описании наряду с правильными фактами оказывались и события давно минувших дней, и вообще не имевшие места факты. Выраженные нарушения памяти, протекающие по типу трансформаций, приводят больного к конфабуляциям (Кроткова, 2010).

Оба механизма забывания присутствуют и в норме. «Угасание» образов памяти мы все ощущаем и хорошо осознаем, когда говорим, что не можем воспроизвести то, что ранее было таким отчетливым и ясным, воспоминанию не хватает яркости, четкости, полноты деталей, присутствует лишь знакомость информации, ее обобщенная структурная характеристика. По сути дела, вся классическая экспериментальная психология памяти, начиная с работ Германа Эббингауза, связана с исследованием закономерностей этого механизма забывания.

А вот примеров трансформации наших воспоминаний мы приведем не так уж и много. Трансформации не сопровождаются снижением отчетливости образа, не сопровождаются ощущением ошибки, они практически не осознаются нами. Даже когда окружающие приводят нам неоспоримые доказательства того, что мы ошибаемся, налет недоверия к их словам остается, ведь мы это помним совершенно ясно и отчетливо.

В 1920-е гг. Фредерик Ч. Бартлетт изучал особенности припоминания событий, которые разыгрывались ассистентами прямо во время лекции. Он обнаружил, что воспроизведение всегда сопровождается изменениями исходного материала, и эти изменения включают не только пропуски, но и качественные модификации и даже

введение совершенно новых фрагментов, на которых испытуемые настаивают и не признают ошибочными (Bartlett, 1932).

В работе Ульриха Найсера сообщается, что людей иногда посещают яркие воспоминания («воспоминания-вспышки»), которые, по мнению испытуемых, для них настолько значимы, что «врезались в память» на всю оставшуюся жизнь. Однако экспериментальная проверка показала, что примерно треть информации в этих воспоминаниях оказалась полностью неверной (Найсер, Хаймен, 2005).

Примерами трансформаций наших воспоминаний могут также служить следующие публикации. Многостороннее исследование неосознаваемых неточностей, искажений, обманов восприятия, внимания, памяти (Шабри, Саймонс, 2011). Искажения в автобиографической памяти, продемонстрировавшие отсутствие связи между уверенностью воспоминаний и действительной точностью воспроизводимых фактов (Нуркова, 2000).

Итак, забывание связано с угасанием и трансформацией впечатлений. Это две стороны одного и того же явления, которое в норме обеспечивается непрерывным процессом взаимодействия полушарий мозга. Забывание — естественный процесс, и сбалансированность угасания и трансформации впечатлений у здоровых испытуемых обусловлена нормальными межполушарными отношениями.

Любое поражение мозга упрощает, огрубляет и искажает связанные с пораженной областью процессы. Система с меньшим числом элементов имеет меньшую гибкость, меньшее число степеней свободы, допускает больше погрешностей в переработке поступающей информации. При поражении левого полушария наблюдается патологически быстрое угасание образов памяти, а при поражении правого полушария патологически утрированными становятся процессы трансформации образов.

Значение и личностный смысл «забываемой» информации

Итак, мы описали два механизма забывания одной и той же информации, связанные с работой левого и правого полушарий мозга. Пожалуй, возможно с определенной долей условности охарактеризовать происходящие изменения в терминах А.Н. Леонтьева (1972).

Угасание информации сопровождается обтаиванием деталей. В памяти остается лишь наиболее общая схема впечатления, его значение. Если впечатление повторяется в разных контекстах, исчезают случайные, малозначимые элементы сходных ситуаций. Процесс переработки информации является последовательным,

при этом как бы высвечивается «удельный вес» различных элементов. Например, маленький ребенок слышит слово «мама» одновременно со многими другими словами и в самых разных обстоятельствах. Кристаллизация значения слова будет определяться частотой ситуаций и адекватностью использования слова окружающими.

Личностный смысл формируется симультанно и однозначно, вне зависимости от составных элементов впечатления и вероятностных характеристик их встречаемости в опыте индивида. Преобразование информации может быть описано, например, в терминах «это мне приятно» или «это мне неприятно». Обобщение личностного смысла происходит по принципу «на вкус и цвет товарищей нет». Звуки, составляющие слово «мама», для данного конкретного ребенка соотносятся с конкретным человеком, который находится рядом с ним, и приобретают личностный смысл.

Многочисленные клинические наблюдения показывают, что поражение одних и тех же зон мозга у детей и у взрослых приводит к разным нарушениям. Так, поражение «речевых зон» левого полушария у взрослых вызывает стойкие афатические дефекты, а у детей — лишь мягкие и быстро проходящие расстройства речи. Вместе с тем нарушения речи, напоминающие афазии, у детей часто возникают при поражении правого полушария. Объяснение этих фактов приводится в работах Э.Г. Симерницкой. Дело в том, что речь ребенка, в отличие от речи взрослого человека, подчиняется закономерностям не логического, а непосредственно чувственного восприятия, она менее осознанна и произвольна по сравнению с речью взрослого. В речи ребенка смысл слов преобладает над их значениями. Разное психологическое строение речевых функций взрослого и ребенка обеспечивается разными мозговыми системами. Этим и объясняется отсутствие афазий в детском возрасте при поражении левого полушария. В последующем, по мере онтогенетического развития, происходит изменение не только строения психических функций, но и их мозгового обеспечения. При поражении левого полушария начинают возникать афазии, а при поражении правого наблюдаются нарушения просодической стороны речи, утрачивается тонкость ее интонационной модуляции, нарушается ритмический и мелодический рисунок речи. При восприятии обращенной речи поражение правого полушария приводит к непониманию контекста, переносного смысла и юмора. Не распознается эмоциональное состояние говорящего (Симерницкая, 1985).

Итак, механизм угасания обеспечивает суммацию и обобщение впечатлений. Отсюда «произрастает» предметное восприятие, система значений слов, абстрактное мышление. При поражении левого полушария мы часто наблюдаем затруднения в заданиях, связанных

с оперированием значениями предметов («Четвертый лишний», «Классификация», «Висконсинский тест сортировки карточек» и др.). В поведении больных иногда наблюдается феномен, который можно было бы обозначить как «трудность вхождения в задание». Больной не может понять значения стандартной инструкции к заданию. Ситуация не узнается с точки зрения привычных схем действия и начинает трактоваться как нечто совершенно уникальное (Кроткова, Величковский, 2008).

За счет механизма трансформации впечатлений формируются личностный смысл и субъективность восприятия, складывается система эмоционального реагирования. Мы проводили экспериментальное исследование, в котором предъявляли больным картины, изображающие сцены напряженного эмоционального взаимодействия персонажей. Больные с поражением левого полушария давали адекватную трактовку этих картин, а больные с поражением правого полушария испытывали значительные затруднения. Они не могли сказать, о чем говорят, какие чувства испытывают герои полотен.

То же наблюдалось и в отношении фотографий из семейного альбома. Больной с поражением правого полушария мог сказать, кто запечатлен на снимке, когда и при каких обстоятельствах он сделан, но не мог вспомнить свои ощущения и настроение в этот момент, не мог представить, придумать, «оживить» в виде прямой речи ни одного диалога между людьми на фотографии. В памяти сохранились формальные биографические сведения, но больной не может вспомнить, как он переживал те или иные события. В повседневной жизни больной перестает правильно понимать состояния и поступки окружающих, не расшифровывает их смысловой контекст.

Разрушается и собственная система эмоционального реагирования. При поражении правого полушария превалирующим фоном становится состояние нейтрального благодушия, иногда с реакциями раздражения и агрессии, но почти никогда не наблюдаются яркая радость, тревога или страх. Смех вызывает лишь грубый юмор типа «торт в лицо».

Описанный круг проблем у больных с поражением правого полушария диссоциирует с сохранностью у них формально-логических операций, с успешным выполнением заданий на оперирование значениями предметов.

Все психические процессы человека имеют двустороннее представительство. В ходе «забывания» формируется система значений (в каком-то отношении «надындивидуальная») и смысловая составляющая индивидуального опыта. Вклад левого и правого полушарий в осуществление одного и того же процесса, в переработку

одной и той же информации различен. Те явления, те процессы, те особенности работы полушарий мозга, которые мы обозначили терминами «значение» и «личностный смысл», представляют собой две взаимодополняющие грани, две стороны реализации всех психических процессов.

Ребенок, появляясь на свет, испытывает ощущения. Внешняя энергия (световые лучи, звуковые волны, механические воздействия) трансформируется в нейрофизиологические процессы. Полиmodalность ситуаций с первых минут жизни стимулирует бурное образование межанализаторных связей.

Выберем в качестве примера самую приятную для ребенка ситуацию. Первое кормление. Материнская грудь — зрительные, тактильные, вкусовые, обонятельные ощущения. Сигналы от интерорецепторов, регулирующие начало и конец сосания. Миллионы нейронов контактируют друг с другом, обеспечивая эту активность. Но вот кормление закончено, и ситуация начинает «забываться». То количество новых впечатлений, которые получил ребенок за эти 10 минут бодрствования, по всей вероятности, сопоставимо с сутками, проведенными взрослым человеком в каком-то новом для него месте. Длительный сон младенца является охранительным режимом работы его мозга.

Однако через 3 часа чувство голода заставляет ребенка снова проснуться. Наступает момент второго в его жизни кормления. Ситуация второго кормления не повторяет полностью ситуацию первого — немного другие условия, другие внутренние ощущения, другой опыт младенца. Происходит «забывание» — обобщение опыта и его трансформация субъективными переживаниями. Любая мать скажет, что от раза к разу поведение ребенка во время кормления меняется: он быстрее начинает «брать грудь», он может начать сосательные движения при одном ее виде и т.д.

Не будет чрезмерным допущением предположить, что в один из первых дней жизни нашего младенца у него возникнет комплекс ощущений, связанных с кормлением, вне ситуации кормления. Это явление может быть вызвано и способностью нейронного ансамбля к генерации спонтанных разрядов, и, например, сигналами от интерорецепторов. Образ раздражителя в его отсутствие — это, по сути дела, воспоминание. Оно никогда не будет точной копией реально прожитой ситуации. В нем будет что-то от предыдущих ситуаций, как бы усредняющее и обобщающее их. И в нем будет компонент субъективности — вспомнится то, что именно *для данного* младенца было приятным или неприятным во время кормления на его пока еще очень коротком жизненном пути, вспомнится *его состояние* в какой-то из моментов кормления.

Перед нами первый образ-воспоминание. Он полиmodalен. Он возник произвольно. На его примере мы обозначили подход к решению психофизической проблемы.

Современные данные о биологии мозга, клеточных и нейрогуморальных механизмах реализации поведенческих актов позволяют выдвинуть гипотезу о неэквивалентных связях психических процессов с разными составляющими мозговой активности. За характеристиками угасания, «обтаивания» и обобщения информации при «забывании», скорее всего, стоит превалирование структурного способа кодирования. Исходное впечатление и воспоминание о нем будут различаться по нейрональному составу — «обтают» случайные, однократные, малозначимые элементы. В трансформациях воспоминаний, в опосредовании впечатлений эмоциональным опытом можно предполагать превалирование биохимического способа кодирования. Нейрогуморальная составляющая мозговой активности приведет к перестройкам, основанным не на частотности события, а на связанных с ним субъективных переживаниях.

Нейропсихологические исследования позволили вычлениить два принципиально различных механизма переработки информации. Функционирование левого и правого полушарий, реализующее эти явления в ходе приобретаемого опыта, формирует систему значений и личностных смыслов индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин К.В. Мозг и память: биология следов прошедшего времени // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы / Под ред. акад. А.И. Григорьева. М.: Наука, 2010. С. 93—102.

Афанасьева М.С., Амон Э.О. Радиолярии. Москва: ПИН РАН, 2006.

Балабан П.М., Воронцов Д.Д., Дьяконова В.Е. и др. Центральные генераторы паттерна // Журн. высш. нерв. деят. им. И.П. Павлова. 2013. Т. 63. № 5. С. 520—541.

Бианки В.Л. Механизмы парного мозга. Л.: Наука, 1989.

Дьяконова В.Е. Поведенческие функции серотонина и октопамина: некоторые парадоксы сравнительной физиологии // Успехи физиол. наук. 2007. Т. 38. № 3. С. 3—20.

Дьяконова В.Е. Нейротрансмиттерные механизмы контекстзависимого поведения // Журн. высш. нерв. деят. им. И.П. Павлова. 2012. Т. 62. № 6. С. 664—680.

Захаров И.С. Анатомическая и функциональная латерализация у некоторых беспозвоночных: возможные молекулярные и онтогенетические механизмы // Тез. докл. конференции «Морфогенез в индивидуальном и историческом развитии: симметрия и асимметрия» (Москва, 14—16 ноября 2012 г.). М.: Палеонтол. ин-т им. А.А. Борисяка РАН, 2012. С. 16.

Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. М.: Наука, 1983.

Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Клиническая нейропсихология: Учеб. пособие М.: Академия, 2003.

Кроткова О.А. Как мы забываем? // Мат-лы 4-й Междунар. конф. по когнитивной науке (Томск, 22—26 июня 2010 г.). Томск: ТГУ, 2010. С. 356—358.

Кроткова О.А., Величковский Б.М. Межполушарные различия мышления при поражениях высших гностических отделов мозга // Компьютеры, мозг, познание. Успехи когнитивных наук / Под ред. Б.М. Величковского, В.Д. Соловьёва. М.: Наука, 2008. С. 107—132.

Кроткова О.А., Найдин В.Л. Перспективы использования нейропсихологического метода А.Р. Лурии в изучении биохимического обеспечения высших психических функций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 2. С. 62—66.

Кроткова О.А., Семенович А.В. Некоторые особенности мозговой организации образов зрительной памяти человека и механизм возникновения конфабуляций // Психол. журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 97—108.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Лурия А.Р. Нейропсихология памяти: В 2 т. М.: Педагогика, 1976.

Лурия А.Р., Хомская Е.Д. О некоторых теоретических вопросах проблемы «принятия решения» в свете нейропсихологии // Проблемы принятия решения / Под ред. П.К. Анохина, В.Ф. Рубахина, В.Б. Швыркова. М.: Наука, 1976. С. 146—157.

Мачинская Р.И., Семенова О.А. Функциональная организация внимания и произвольная регуляция деятельности // Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка / Под ред. Д.А. Фарбер, М.М. Безруких. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2009. С. 161—224.

Найсер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти. 2-е изд. М.: Олма-Пресс, 2005.

Новосёлова Н.Ю., Сапронов Н.С. Межполушарная асимметрия содержания фосфолипидов синапсом мозга крыс // Журнал «Асимметрия». 2012. Т. 6. № 3. С. 23—30. URL: <http://j-asymmetry.com/>

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во ун-та РАО, 2000.

Островский М.А. Актуальные направления современной науки о мозге // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы / Под ред. акад. А.И. Григорьева. М.: Наука, 2010. С. 6—28.

Сахаров Д.А. Множественность нейротрансмиттеров: функциональное значение // Журн. эволюц. биохимии и физиологии. 1990. Т. 26 № 5. С. 733—741.

Сахаров Д.А. Биологический субстрат генерации поведенческих актов // Журн. общ. биологии. 2012. Т. 73. № 5. С. 334—348.

Симерницкая Э.Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Тарханов И.Р. О психомоторных центрах и развитии их у человека и животных (1879) // Тарханов И.Р. Избр. соч. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1961. С. 120—181.

Урюмов М.В. Регуляторные функции мозга: от генома до поведения // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы / Под ред. акад. А.И. Григорьева. М.: Наука, 2010. С. 29—49.

Хомская Е.Д. Нейропсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Шабри К., Саймонс Д. Невидимая горилла, или история о том, как обманчива наша интуиция. М.: Карьера Пресс, 2011.

Agnati L.F., Guidolin D., Guescini M. et al. Understanding wiring and volume transmission // Brain Reserch Review. 2010. Vol. 64 (1). P. 137—159.

Bartlett F. Remembering: An experimental and social study. Cambridge Univ. Press, 1932.

Cattaert D., Delbecque J.P., Edwards D.H., Issa F.A. Social interactions determine postural network sensitivity to 5-HT // Journal of Neuroscience. 2010. Vol. 30. N 16. P. 5603—5616.

Gelbard-Sagiv H., Mukamel R., Harel M. et al. Internally generated reactivation of single neurons in human hippocampus during free recall // Science. 2008. Vol. 322. P. 96—101.

Hobert O., Carrera I., Stefanakis N. The molecular and gene regulatory signature of a neuron // Trends Neuroscience. 2010. Vol. 33. N 10. P. 435—445.

Krasteva G., Kummer W. “Tasting” the airway lining fluid // Histochemistry and Cell Biology. 2012. Vol. 138. N 3. P. 365—383.

Puhl J.G., Mesce K.A. Dopamine activates the motor pattern for crawling in the medicinal leech // Journal of Neuroscience. 2008. Vol. 28. N 16. P. 4192—4200.

Semmes J. Hemispheric specialization: A possible clue to mechanism // Neuropsychologia. 1968. Vol. 6. P. 11—26.

Stevenson P.A., Dyakonova V.E., Rillich J., Schildberger K. Octopamine and experience-dependent modulation of aggression in crickets // Journal of Neuroscience. 2005. Vol. 25. N 6. P. 1431—1441.

Syková E., Nicholson C. Diffusion in brain extracellular space // Physiological Review. 2008. Vol. 88. N 4. P. 1277—1340.

Поступила в редакцию
05.06.14

ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ

Т. О. Гордеева

БАЗОВЫЕ ТИПЫ МОТИВАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОТРЕБНОСТНАЯ МОДЕЛЬ

В статье анализируется современное состояние проблемы внутренней и внешней мотивации деятельности. Рассматривается вклад отечественных авторов в ее решение, а также подход к выделению типов внутренней и внешней мотивации, предлагаемый в рамках теории самодетерминации (Э. Диси и Р. Райан). Предлагается новая концептуализация внутренней и разных типов внешней мотивации, основанная на представлениях о базовых психологических потребностях и позволяющая охарактеризовать основные типы мотивации деятельности, различающиеся по содержанию и происхождению. Внутренняя мотивация определяется как задаваемая базовыми потребностями человека в достижении, саморазвитии и познании (на примере внутренней мотивации учебной деятельности), отличающимися ненасыщаемостью. Функционирование внешней мотивации обеспечивается фрустрацией или удовлетворением потребностей в автономии, уважении и принятии. Внутри внешней мотивации выделяются автономный и контролируемый типы мотивации деятельности, отличающиеся по содержательной направленности, вкладу в эффективность деятельности и связи с психологическим благополучием. Автономная внешняя мотивация не препятствует академическим и профессиональным достижениям и субъективному благополучию субъекта деятельности. Доминирование контролируемой мотивации связано со сниженным субъективным благополучием и не способствует академическим и профессиональным достижениям.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя мотивация, базовые потребности, теория самодетерминации, автономная мотивация, контролируемая мотивация, мотивация учебной деятельности, мотивация трудовой деятельности.

Гордеева Тамара Олеговна — канд. психол. наук, доцент учебного Центра по переподготовке кадров высшей школы при кафедре психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* tamgordeeva@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 12-06-00856).

In the article the contemporary state of the problem of intrinsic and extrinsic motivation of human activity is analyzed. The impact of Russian psychologists in its solving as well as the self-determination theory approach (E. Deci & R. Ryan) to different types of intrinsic and extrinsic motivation is discussed. A new model of intrinsic and different types of extrinsic motivation is proposed; it is based upon notion of basic psychological needs and allows characterizing main types of motivation of human activity, which differ in their content and origin. The intrinsic motivation is described as based on basic human needs in achievement, self-development and cognition (on the material of intrinsic motivation of learning activity) which are characterized by unsaturability. The functioning of extrinsic motivation depends upon satisfaction or frustration of autonomy, respect and acceptance needs. Two main subtypes of extrinsic motivation are distinguished — autonomous and controlled, which differ in terms of its content (orientation), relations with performance, persistence and subjective well-being. Autonomous extrinsic motivation does not impede academic attainments, professional achievements and subjective well-being. The studies conducted by the author and other psychologists show that the dominance of controlled motivation in motivational profile is related to lowered subjective well-being and does not promote academic and professional achievements. The practical implications of the model are provided.

Key words: intrinsic and extrinsic motivation, basic psychological needs, self-determination theory, autonomous motivation, controlled motivation, motivation of learning (school) activity, professional motivation.

Проблема

Настоящая статья посвящена проблеме типологизации мотивов человеческой деятельности. Начиная со второй половины XX в., когда исследования мотивации получили широкое развитие как в нашей стране, так и за рубежом, предпринималось множество попыток классификаций мотивов. Большинство классификаций осуществлялось главным образом на материале учебной деятельности — наиболее распространенной, актуальной для оптимального развития индивида (общественно ценной) и доступной для анализа. Тем не менее общепринятое представление о типах учебных мотивов до сих пор отсутствует, что негативно сказывается на разработке методических инструментов для диагностики мотивов, а также препятствует аккумуляции результатов исследований, выполненных в рамках различных парадигм.

Известно, что мотивы человеческой деятельности различаются не только по силе, но также и по содержанию, происхождению и месту в иерархии целой системы мотивов, побуждающих и регулирующих выполнение деятельности. Но проблема базовых типов мотивации деятельности продолжает оставаться актуальной, и

дискуссии о механизмах функционирования мотивации деятельности продолжают. Еще в 1980-х гг. Х. Хекхаузен писал: «Совершенно очевидно, что поведение описывается как мотивированное либо “изнутри” (интринсивно), либо “извне” (экстринсивно). Это противопоставление почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации», но «до сих пор не существует единства взглядов по вопросу о том, чем различается внутренне и внешне мотивированное поведение» (Хекхаузен, 2003, с. 717, 718). Это связано с разными теоретическими представлениями о феноменологии и источниках соответствующих типов мотивации. Хекхаузен рассматривал шесть концепций, выдвигающих на первый план различные аспекты внутренней и внешней мотивации, которые сейчас представляют интерес скорее с исторической точки зрения. Мы остановимся на наиболее разработанном на сегодняшний день подходе к внутренней/внешней мотивации — теории самодетерминации, а также кратко рассмотрим историю взглядов на эту проблему в отечественной психологии.

Отечественные типологии мотивации учения

Еще в 1951 г. Л.И. Божович предложила классификацию мотивов учебной деятельности (УД), в соответствии с которой выделялись два типа мотивов, различающихся по происхождению и предметному содержанию: внутренние по отношению к УД и широкие социальные, внешние по отношению к УД, идущие от общества, отношений с другими людьми (Божович, 1997). Совместно с Н.Г. Морозовой и Л.С. Славиной Л.И. Божович показала, как развиваются широкие социальные мотивы на разных этапах обучения школьников, как они осознаются и соотносятся друг с другом, образуя разного рода иерархии (Божович и др., 1951). В дальнейшем отечественные авторы (П.М. Якобсон, А.К. Маркова, М.В. Матюхина, А.И. Савенков) предлагали разные варианты наполнения этих категорий, но сохраняли идею о том, что широкие социальные (задаваемые обществом) мотивы более продуктивны, чем узколичностные (индивидуалистические, эгоистические) мотивы, направленные лишь на достижение собственного благополучия.

Развивая идеи Л.И. Божович, А.К. Маркова (1983) предложила дифференцировать внутри познавательных мотивов широкие познавательные, учебно-познавательные и мотивы самообразования, а внутри социальных мотивов — широкие социальные, узкие социальные (или позиционные) и мотивы социального сотрудничества. Показательно, что коллектив под руководством А.К. Марковой в том же 1983 г. предложил еще одну, несколько отличную от первой классификацию, в которой различаются три основные группы мотивов — социальные, познавательные и твор-

ческие. При этом познавательные подразделяются на те же три подгруппы, социальные — на широкие социальные и позиционные, а под творческими (или социально-познавательными) мотивами подразумевается направленность на овладение в ходе учения способами действий (Маркова и др., 1983, с. 19). Важно отметить, что разногласия касаются именно внешней мотивации, тогда как в отношении внутренней мотивации наблюдается относительное единство понимания.

Еще более четко идея о качественной неоднородности и разной степени продуктивности внешних мотивов с точки зрения результатов УД нашла отражение в классификациях П.М. Якобсона (1969) и М.В. Матюхиной (1984). Оба автора различают не два, а три типа внешних мотивов УД, включая в них еще и «отрицательные мотивы», рассматриваемые как наименее продуктивные побудители УД. Они операционализируются как стремление избежать разного рода проблем и неприятностей, которые могут возникнуть, если школьник не будет хорошо учиться. Проблема в выделении так называемых положительных и отрицательных мотивов состоит в множественном содержательном наполнении этих категорий и использовании однозначных оценочных категорий, не получивших эмпирических подтверждений (проверок). Недостатком разделения мотивов на личные и социальные является, напротив, отсутствие однозначной их связи (как больших групп мотивов) с эффективностью для учебного процесса. Например, такой социальный мотив, как стремление соответствовать требованиям родителей, активно побуждающий ребенка быть отличником «во что бы то ни стало», будет значительно отличаться по своей эффективности от такого социального мотива, как стремление учить химию, чтобы в будущем стать врачом и быть полезным больным людям. Остается также неясным, почему так называемые широкие социальные мотивы должны обладать большей эффективностью, чем узкие социальные или узколичностные, является ли это положение конкретно-историческим и неактуальным для современных школьников. Так, нами было показано, что «социальные» мотивы, представленные стремлениями учиться ради принятия родителями, признания учителями и одноклассниками, являются негативными предикторами академических достижений школьников, а такой «личный» мотив, как «учиться для себя», напротив, связан с ними позитивно (Гордеева, 2010а).

Типы мотивации в теории самодетерминации

Именно с этой противоречивостью, неоднородностью и многомерностью внешней мотивации пыталась справиться теория организмических потребностей, возникшая в рамках теории самодетерминации (*Self-Determination Theory — SDT*) Э. Диси и Р. Райана

(Deci, Ryan, 2000; см. также: Гордеева, 2006). В основу классификации внешних мотивов деятельности (применительно к любой деятельности, без ее спецификации) была положена идея фрустрации/поддержки базовой потребности в автономии. Соответственно на одном конце континуума внешних мотивов лежит *экстернальная* регуляция, отражающая стремление выполнять деятельность по причине ее полной внешней заданности, контроля, требований, идущих извне, наград и наказаний; за ней следует *интроецированная* регуляция, отражающая интериоризированные требования, проявляющиеся в ощущении вины и стыда за плохо выполненное дело; затем — *идентифицированная* регуляция, означающая понимание важности выполняемого дела для самого субъекта; и, наконец, — *интегрированная* регуляция, выступающая как результат интеграции противоположных стремлений индивида. Впоследствии, очевидно, с целью усиления идеи о важности ощущения разной степени автономии (или самодетерминации) во внешней мотивации Диси и Райан предложили наряду с внутренней и внешней мотивацией выделять два других типа мотивации — автономную и контролируруемую, при этом автономная мотивация включает в себя внутреннюю, но не сводится к ней (Deci, Ryan, 2008).

SDT продолжает активно развиваться, многие ее положения уточняются, растет число публикаций в этой области, регулярно проводятся международные конгрессы, собирающие большое количество исследователей со всего мира (подробнее см.: Гордеева, 2006, 2010б). На материале изучения мотивации учебной, профессиональной, спортивной и других деятельности был предложен целый ряд опросников для выявления постулируемых теорией типов мотивации. Однако проведенный нами анализ (Гордеева, 2013) показывает, что в работах разных авторов их конкретное наполнение часто варьируется, что явным образом связано с двумя моментами: во-первых, со стремлением эмпирически продемонстрировать континуум, в котором имеет место переход от более негативных форм регуляции (экстернальной мотивации) к ее более продуктивным формам (идентифицированной) с образованием симплекс-паттерна, при которых у субъекта в большей мере поддерживается ощущение автономии и растут психологическое благополучие и продуктивность деятельности; во-вторых, со стремлением описать наиболее характерные мотивы и состояния, побуждающие субъекта к той или иной конкретной деятельности.

Сравнение четырех опросников учебной мотивации, разработанных в разное время авторами *SDT* и их коллегами (*SRQ-A*, *SIMS*, *AMS-C* версии 1992, 2004 и 2007 гг.), показывает существенно разное наполнение трех выделяемых в *SDT* видов внешней мотивации (интегрированная регуляция, как правило, не представлена в опро-

сниках). В частности, экстернальная регуляция операционализируется как: выполнение УД под давлением требований других людей («я учусь, потому что меня заставляют это делать»); собственное ощущение долга и обязанности («потому что я должен это делать»); ожидание проблем в случае невыполнения деятельности (и наград в случае выполнения); ощущение отсутствия другого выбора, альтернативы; средство достижения долговременных внешних жизненных целей (напр., хорошей, престижной, высокооплачиваемой работы). Анализ пунктов разных опросников по мотивации УД, входящих в шкалы интроецированной регуляции, показывает, что в них включаются побуждения, регулируемые чувствами стыда и вины перед другими людьми; стремление к самоутверждению; желание добиться уважения и одобрения других людей (учителей, родителей). Идентифицированная регуляция соответственно понимается как: побуждение ощущением важности УД; убежденность в пользе выполнения текущей УД ради получения позитивного результата в будущем (желаемой работы и пр.); желание почувствовать гордость за свои достижения, повысить самооценку, самоуважение, самоутвердиться. Трудности в конкретной операционализации трех внешних форм регуляции УД, очевидные содержательные расхождения в наполнении различных типов мотивации требуют дальнейшего движения в направлении их более четкой операционализации, соответствующей теории, или видоизменения определенных положений теории.

Исследования, выполненные в рамках парадигмы внешняя/внутренняя мотивация, свидетельствуют о том, что внутренняя учебная мотивация связана с большей настойчивостью, высокими достижениями, проявлениями креативности, более благоприятными представлениями о своих учебных способностях и с низким уровнем тревожности (Гордеева, 2006; Чирков, 1996; Deci, Ryan, 2008).

Важно также, что исследования, проведенные в последние несколько десятилетий в рамках *SDT*, показали, что внешняя мотивация не является однородным образованием и в связи с этим ее противопоставление внутренней мотивации некорректно. Внешняя мотивация имеет множество конкретных проявлений, качественно разных, несущих разный психологический смысл, имеющих разные последствия для успешности деятельности и связанных с разными уровнями психологического благополучия индивида. Однако исследования в рамках *SDT* охватывают лишь ограниченный круг мотивов, не затрагивая мотивы деятельности (учебной, профессиональной), основанные на других потребностях, в частности таких, как уважение и принятие. Выделение двух типов мотивации — автономной и контролируемой (Deci, Ryan, 2008) приводит к потере

ценной специфики внутренней мотивации, которая теперь входит наряду с идентифицированной регуляцией в автономную мотивацию. О продуктивности различия внутренней и идентифицированной мотивации свидетельствуют эмпирические исследования на материале учебной мотивации, подтверждающие существенно разную природу идентифицированной и внутренней мотивации (Guay et al., 2010; Otis et al., 2005).

Типы мотивов, выделенные в теории самодетерминации, не противоречат типологиям отечественных ученых, частично пересекаясь с ними. Так, первоначально Л.И. Божович выделила два типа мотивации — мотивы, связанные с деятельностью, и мотивы, связанные с социальными отношениями, указывая при этом, что оба типа важны для реализации УД. Дальнейшее рассмотрение проблемы характерных типов мотивов, запускающих УД, привело к выделению не только положительных, но и отрицательных учебных мотивов (П.М. Якобсон, М.В. Матюхина), а также не только социальных, но и личных мотивов УД, например престижных, позиционных, соревновательных (П.Я. Гальперин, А.К. Маркова, М.В. Матюхина). Однако использование термина «отрицательные мотивы» не является удачным уже потому, что противостоящие им внешние мотивы не являются однозначно положительными. Тем не менее существенно, что внутри выделяемых отечественными учеными внешних мотивов УД просматриваются как позитивные (например, широкие социальные), так и негативные мотивы (например, мотивы избегания наказания, неодобрения), а также мотивы, смысл которых не является столь однозначным (личные). Специфика типов внешних мотивов, выделяемых Э. Дисси и Р. Райаном, состоит в наличии однозначного основания (мера фрустрации потребности в автономии) для их выделения и одновременно — в их последовательной связи с мерой успешности выполняемой деятельности и психологическим благополучием.

Исследования, проведенные в последние два десятилетия как за рубежом, так и в нашей стране, последовательно демонстрируют, что влияние внешней мотивации на успешность УД менее однозначно, чем влияние внутренней мотивации. В некоторых случаях внешняя мотивация оказывает значимое позитивное влияние на академические достижения (Гордеева, 2006, 2010а; Ratelle et al., 2007). Установлено, что наиболее негативное влияние на успешность УД и психологическое благополучие ребенка оказывает экстернатальная регуляция и интроецорирующая регуляция, поскольку они фрустрируют потребность индивида в автономии (Deci, Ryan, 2000, 2008; Ratelle et al., 2007). Мы полагаем, что дифференцированный анализ разных типов внутренних и внешних мотивов, их связей с целями, реакциями на неудачу, стратегиями

целеполагания, настойчивостью и когнитивными предикторами мотивации деятельности позволит понять условия их возникновения и механизмы функционирования качественно различающихся типов мотивов деятельности.

Потребностная модель мотивации

Остановимся на характерных особенностях трех базовых типов мотивации — (1) внутренней, (2) автономной и (3) контролируемой, — выделяемых в рамках разработанной нами потребностной модели мотивации (Гордеева, 2013).

1. Внутренняя мотивация

Внутренняя мотивация (ВМ) имеет три характерных варианта — мотивация достижения, мотивация компетентности и мотивация познания (последний тип релевантен для учебной деятельности, в случае любой другой это будет удовольствие от процесса ее выполнения). Природа ВМ собственно деятельностная, поскольку стимул к выполнению деятельности исходит от нее самой, ее особенностей. Базовое основание для выделения ВМ — ощущение интереса по отношению к деятельности, которую человек выполняет прежде всего ради нее самой. Результат действия ВМ может быть выражен формулой: «Мне нравится эта работа (дело), мне она интересна сама по себе».

ВМ возникает спонтанно, поскольку соответствует природе человеческого существа, но она может быть поддержана и естественными для нее средствами — работой с интересным материалом, обладающим оптимальной степенью трудности, общением с людьми, являющимися носителями и образцами внутренней мотивации. ВМ отличается ненасыщаемостью, но она может снижаться при фрустрации окружающими базовых потребностей индивида в автономии, уважении и принятии (Гордеева и др., 2013; Deci, Ryan, 2000).

Основные потребности, которые удовлетворяются в ходе выполнения деятельности, побуждаемой доминирующей ВМ, — это потребности в компетентности, достижении и познании. *Потребность в достижении* проявляется в стремлении (желании) добиваться наилучших результатов в области, которую индивид считает важной и значимой, делать дело как можно лучше, доводить начатое до конца, она неразрывно связана с желанием созидать, делать дело, творить. Достижения могут быть разными — от решения трудной задачи, завершения хорошо сделанного дела, осознания собственного роста, до благополучия других людей и улучшения отношений с ними. *Потребность в компетентности* означает стремление к самостоятельному достижению различных внешних

и внутренних результатов, достижения ощущения эффективности, собственного роста, саморазвития и мастерства в выбранной области. *Потребность в познании* присуща всем человеческим существам, ее зачатки имеют место уже у животных. Она проявляется в интересе, энтузиазме, любознательности, стремлении узнавать новое, понимать окружающий мир, причины разнообразных явлений действительности. Составляющие данной мотивационной триады имеют разный фокус, или направленность — на созидание и выполнение наилучшим образом определенного дела и на обретение компетентности, совершенствование своих умений, изменение себя, на процесс познания и понимания мира.

Характерные эмоциональные состояния, сопровождающие выполнение деятельности при доминировании ВМ — позитивные эмоции, радость, удовольствие, ощущение быстро текущего (летающего) времени, энтузиазм, любопытство, любовь к делу, поток. Доминирующие когнитивные состояния — интерес к процессу выполнения деятельности, сосредоточенность на ней, понимание ее смысла, ощущение собственной компетентности. Непосредственные следствия для деятельности — высокая вовлеченность в деятельность, готовность работать долго, настойчиво, самостоятельно, преодолевать трудности, что в долговременной перспективе приводит к достижению высоких результатов. ВМ способствует актуализации творческого и логического мышления, решению сложных задач, она преобладает у людей с высоким личностным потенциалом (Гордеева и др., 2011).

ВМ позитивно сказывается на психологическом благополучии, способствуя ощущению радости, росту витальности, удовлетворенности собой и жизнью (Гордеева и др., 2011, 2013; Осин и др., 2013). Однако иногда данная мотивация доминирует и является сильно выраженной, запуская чрезмерную настойчивость; интенсивность и продолжительность деятельности в свою очередь могут иметь негативные последствия для психологического благополучия и приводить к переутомлению и истощению.

Немаловажным моментом является то, что выполнение деятельности, регулируемое ВМ, не только способствует высоким достижениям, но и дает ощущение радости и счастья, что является еще одним аргументом в пользу поддержки у людей именно внутренней мотивации деятельности. В исследовании, основанном на тысячах интервью с людьми, описывающими то, что делает их счастливыми, было показано, что наибольшее счастье им приносит не работа ради денег или признания (внешняя мотивация), а деятельность, сопровождающаяся увлеченностью, потоком, когда все внимание человека чем-то захвачено и ему кажется, что нет ничего более важного и вообще ничего другого; увлеченность же возникает, когда человек

работает над какой-то трудной задачей, используя при этом все свои умения и способности (Чиксентмихайи, 2011).

В современных массовых школах при так называемом традиционном обучении доминирование ВМ встречается достаточно редко, чаще — в школах/классах для одаренных детей и в школах с проблемным и развивающим обучением (Гордеева, 2011; Цукерман, Венгер, 2010). Как показывают исследования, ВМ способствует успешному освоению школьной и университетской программы, победам на олимпиадах (Гордеева, Осин, 2012; Гордеева, Шепелева, 2011), позитивно связана со временем, которое уделяется выполнению домашних заданий и с тенденцией оканчивать школу (Otis et al., 2005). Учитывая ее роль в эффективности деятельности и психологическом благополучии, однозначно следует поддерживать радость ребенка от процесса познания, преодоления трудностей, ощущения собственной компетентности, умелости, роста. Также и у работников необходимо поддерживать положительные эмоции, радость от созидательной активности, роста мастерства. Пути поддержания ВМ — давать основания для интереса к самой деятельности, ощущения компетентности в ней, соотносить уровень трудности выполняемой задачи с текущими возможностями субъекта с целью достижения успеха, конструктивная обратная связь.

В основу выделения нами базовых типов *внешней мотивации* (ВнМ) положены две потребности — в автономии и уважении. *Потребность в автономии* выделялась еще Р. Де Чармсом (и во многом пересекается с «рефлексом свободы», описанным И.П. Павловым и М.М. Убергрицем в начале XX в.). Она тщательно рассмотрена в SDT как одно из основных условий ВМ и ключевая переменная для дифференциации видов ВнМ, а также как важный источник психологического благополучия личности. Потребность в автономии выражается в стремлении быть источником собственной активности, свободно выбирать, инициировать и самостоятельно планировать ее. Она универсальна, т.е. присуща всем людям (вне зависимости от пола, возраста и культурной принадлежности), и ее фрустрация, как показывают исследования, приводит к снижению интереса к деятельности и психологического благополучия индивида (Deci, Ryan, 2008). *Потребность в уважении* традиционно рассматривается как базовая психологическая потребность (Г. Мюррей, А. Маслоу и др.), ее принципиальная важность для внешней мотивации УД была доказана нами в ряде эмпирических исследований (Гордеева, 2013).

2. Внешняя автономная мотивация

В отличие от внутренней мотивации природа внешней *автономной мотивации* (АМ) — не деятельностная, а личностная. АМ

проистекает от самого индивида и сознательно выбранных им лично значимых жизненных целей, по отношению к достижению которых выполняемая деятельность является средством. Основанием для ее названия и выделения является базовое ощущение автономии субъекта деятельности. Доминирующее когнитивное состояние при АМ — ощущение смысла, значимости и пользы выполняемой деятельности для достижения других, важных для личности целей, например поддержания удовлетворяющих отношений с другими людьми. Результатом актуализации АМ является состояние: «Эта работа важна для меня в силу ряда причин». В отличие от авторов *SDT* мы понимаем под АМ тип мотивации, при котором потребность субъекта в автономии удовлетворена, но при этом отсутствует главный признак внутренней мотивации — интерес к выполняемой деятельности.

При АМ человек чувствует себя источником выполняемой деятельности, сам побуждая себя к ее выполнению. При этом потребность в уважении другими людьми может быть как удовлетворена, так и фрустрирована. Соответственно выделяются два базовых подвида автономной мотивации — с поддержкой потребности в уважении и с ее фрустрацией. В первом случае для человека характерно стремление к самоуважению и признанию, во втором случае развивается (невротическое) стремление к внешнему одобрению, достижению престижа, статуса, власти благодаря достижению результата.

При АМ выполнение деятельности, как правило, сопровождается чувствами уверенности и спокойствия, но возможны и другие эмоциональные состояния, связанные с тем, что деятельность является средством достижения не связанных с ее содержанием жизненных целей, — от негативных переживаний из-за борьбы с самим собой до удовольствия от преодоления себя, гордости за свой успех.

Непосредственным следствием АМ для деятельности являются настойчивость и упорство, проявляемые индивидом. Они могут варьировать от умеренного до очень высокого за счет развитой волевой регуляции, обычно носят нестабильный характер, зависят от текущих мотивов, что определяется внешней по отношению к самой деятельности ее заданностью. В целом АМ может способствовать решению алгоритмизированных задач, требующих упорства, однако энтузиазм и настойчивость могут быстро иссякнуть вместе с «уходящим» смыслом деятельности, носящим ситуативный характер. АМ способствует высокой эффективности в рутинной, достаточно простой деятельности. Так, она способствует достижениям в учебной деятельности учащихся в массовых школах, особенно в начальных классах (обучение ради отметки). Данные исследований показывают

слабо позитивные связи или отсутствие связей АМ с различными показателями психологического благополучия, тревожностью в школе (Ratelle et al., 2007).

АМ — характерное состояние успешных учеников массовых школ. В рабочем контексте данный тип мотивации также весьма характерен, он особенно выражен у менеджеров, управленцев среднего звена (Осин и др., 2013). В силу редкости внутренней мотивации, а также выраженной внешней социальной заданности и учебной, и трудовой деятельности следует поддерживать позитивные формы АМ, базирующиеся на удовлетворении потребностей в автономии, уважении и признании. Для ее поддержания необходимо давать субъекту основания для ощущения личностного и практического смысла выполняемой деятельности, обеспечивать ощущение автономии и компетентности в выбранной деятельности — за счет решения задач оптимального уровня сложности, ощущения свободы выбора конкретных вариантов выполняемых задач, обеспечения позитивной и информативной обратной связи, участия в процессе принятия разного рода решений.

3. Внешняя контролируемая мотивация

Природа *внешней контролируемой мотивации* (КМ) — межличностная (социальная): КМ задается отношениями человека с его ближайшим окружением. Основание для выделения и названия — ощущение контроля, фрустрации потребности человека в автономии. Сходный тип мотивации выделялся в классификациях П.М. Якобсона, М.В. Матюхиной, А.И. Савенкова как внешняя отрицательная мотивация. В данном случае выполняемая деятельность задана извне и является средством достижения оптимальных отношений с социумом, который пытается регулировать деятельность индивида посредством контроля, требований, критики, обещания наград и наказаний. Например, родитель заставляет ребенка учиться, говоря, что если он не исправит тройку по математике, то не получит доступа к компьютеру в течение недели. Начальник сообщает подчиненному, что его лишат премии, если он и далее будет опаздывать на работу. В результате у индивида преобладает состояние: «Я должен это делать, хоть мне этого и не хочется». Мера этого внутреннего нежелания выполнять деятельность определяется как силой давления и контроля со стороны социума, так и наличием/отсутствием уважения с его стороны и соответственно внутреннего ощущения своей компетентности.

КМ возникает в результате неэффективных форм взаимодействия с другими людьми, которые, пытаясь управлять процессом обучения или трудовой деятельностью, фрустрируют потребности субъекта в автономии и уважении. При этом типе мотивации

стимул к деятельности исходит от других людей и неэффективных отношений с ними. При КМ у субъекта фрустрирована потребность в автономии, а потребность в уважении со стороны значимого окружения может быть удовлетворена или фрустрирована. На этом основании выделяются два базовых подвида этого типа мотивации: 1) с фрустрацией потребности в уважении и 2) с относительным удовлетворением потребности в уважении, при котором фрустрированной оказывается только потребность в автономии, и для индивида будут характерны чувства стыда и вины как основные регуляторы его деятельности (эта мотивация близка к экстеральной регуляции, описанной в *SDT*).

Отношения АМ с психологическим благополучием неоднозначные, так как субъект не выбирал деятельность, но тем не менее выполняет ее в силу разных причин. Характерные эмоциональные состояния, сопровождающие выполнение деятельности при КМ, — преобладание негативных эмоциональных состояний, вина, стыд, ощущение тянущегося времени, гнев, протест. Доминирующие когнитивные состояния: от ощущения потери смысла деятельности, отчуждения, негативизма, неприятия требований, исходящих от ближайшего окружения, стремящегося организовать поведение индивида, управлять им и регулировать его, до внешней готовности подчиняться ради предлагаемых поощрений и наград.

Непосредственные следствия для деятельности при КМ определяются тем, что настойчивость индивида зависит от ситуативных мотивов-стимулов (А.Н. Леонтьев); обычно она невысока, носит спорадичный и нестабильный характер, поскольку выполняемая деятельность несамостоятельная и вынужденная по своей природе (Гордеева, Сычѳв, 2012). Как правило, КМ соотносится с низкими результатами в деятельности, меньшим уровнем настойчивости и участия в ней (напр., меньше прогулов), что подтверждается данными эмпирических исследований, проведенных на материале учебной и трудовой деятельности (Гордеева, Осин, 2012; Гордеева, Шепелева, 2011; Осин и др., 2013; Ratelle et al., 2007; Vallerand et al., 1997). Из этих исследований следует, что поведение, побуждаемое контролируемыми типами внешней учебной мотивации, оказывается менее продуктивным, чем основанное на внутренней и некоторых типах внешней мотивации, оно соотносится с негативными эмоциями, проявлениями тревоги и менее успешным освоением школьной программы, связано с предпочтением более простых заданий, меньшей настойчивостью, неблагоприятно сказывается на творческих видах деятельности. КМ способствует лишь решению простых, рутинных задач, которые можно выполнить за счет определенной дозы усилий, напряжения памяти (но не работы мышления). В целом она мешает успешности в продуктивной (в частности, когнитивной)

деятельности, негативно сказывается на качестве и скорости решения эвристических задач. При этом она приводит к обману, лжи и другим псевдоадаптивным поведенческим стратегиям, служащим достижению внешних целей (на материале учебной деятельности — списывание, плагиат и др. — см.: Гижицкий, 2014).

Психологическое благополучие субъекта деятельности при КМ, как правило, находится под угрозой, имеет место низкая витальность, высокая тревожность, депрессивность и/или агрессивность, так как индивид не принял полностью важность выполнения деятельности и ощущает давление и манипуляции извне. КМ — достаточно характерное состояние в современных школах, при так называемом традиционном обучении она доминирует у большинства школьников. При этом многие родители и учителя придерживаются мифов о продуктивности данного типа мотивирования или его неизбежности. Также это состояние характерно для работников низкоквалифицированных профессий (Осин и др., 2013). Учитывая негативные следствия КМ для эффективности деятельности и психологического благополучия индивида, желательно избегать построения деятельности на данном типе мотивации в силу тех последствий, которые она за собой несет. Однозначно желательно не фрустрировать жестко потребности личности в автономии, уважении и принятии — меньше принуждать, не проявлять авторитарность, не выдвигать необоснованных требований, не критиковать личность, принимать ее безусловно. Для профилактики возникновения у человека КМ необходимо предлагать выбор, доверять самостоятельно сделанному выбору, объяснять смысл требований, обеспечивать уважение достижений личности, поддерживать ощущение самоэффективности и компетентности в деятельности.

* * *

Предложенная модель классификации мотивов деятельности, основанных на базовых потребностях субъекта, позволяет во многом снять проблемы, связанные с выделением разных типов мотивации (мотивов), предсказывающих достижения в деятельности и психологическое благополучие. Опросник, основанный на данной модели, прошел эмпирическую проверку (Гордеева и др., 2014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Божович Л.И. Отношение школьников к учению как психологическая проблема (1951) // Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. Изд. 2-е, стереотип. М.: Изд-во «Ин-т практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. С. 55—91.

Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С. Развитие мотивов учения у советских школьников // Известия АПН РСФСР. 1951. Вып. 36. С. 29—104.

Гижицкий В.В. Учебный обман как стратегия псевдоадаптивного поведения у старшеклассников // Уч. зап. Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2(58). С. 293—299.

Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Академия, 2006.

Гордеева Т.О. Мотивы учебной деятельности учащихся средних и старших классов современной массовой школы // Психология обучения. 2010а. № 6. С. 17—32.

Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010б. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru>

Гордеева Т.О. Мотивационные предпосылки одаренности: от модели Дж. Рензулли к интегративной модели мотивации // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 1(15). URL: <http://psystudy.ru>

Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2013.

Гордеева Т.О., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Вклад личностного потенциала в академические достижения // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 642—667.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/708-gordeeva24.html>

Гордеева Т.О., Сычѳв О.А. Внутренние источники настойчивости и ее роль в успешности учебной деятельности // Психология образования. 2012. № 1. С. 33—48.

Гордеева Т.О., Сычѳв О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопр. психологии. 2013. № 1. С. 35—45.

Гордеева Т.О., Сычѳв О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психол. журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 98—109.

Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 3. С. 33—45.

Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983.

Маркова А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М.: Педагогика, 1983.

Матюхина М.В. Мотивация учения младших школьников. М.: Педагогика, 1984.

Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия

у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 1. С. 8—29.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.

Цукерман Г.А., Венгер А.Л. Развитие учебной самостоятельности. М., 2010. 432 с.

Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / Пер. с англ. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.

Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116—132.

Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969.

Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 319—338.

Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. P. 14—23.

Guay F., Chantal J., Ratelle C.F. et al. Intrinsic, identified and controlled types of motivation for school subjects in young elementary school children // Brit. Journal of Educational Psychology. 2010. Vol. 80. P. 711—735.

Otis N., Grouzet F.M.E., Pelletier L.G. Latent motivational change in an academic setting: a 3-year longitudinal study // Journal of Educational Psychology. 2005. Vol. 97. P. 170—183.

Ratelle C.F., Guay F., Vallerand R.J. et al. Autonomous, controlled, and amotivated types of academic motivation: A person-oriented analysis // Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 99. P. 734—746.

Vallerand R.J., Fortier M.S., Guay F. Self-determination and persistence in a real-life setting: Toward a motivational model of high-school drop out // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 1161—1176.

Поступила в редакцию
12.02.14

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

М. Ш. Магомед-Эминов

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

В статье предлагается онтологическая концептуализация феномена экстремальности, рассматриваемая с точки зрения трансформации бытия личности в неповседневном, трансординарном мире. Формулируются методологические положения и научная логика концептуализации, которая конкретизируется в следующих понятиях: опыт бытия и небытия, работа личности, смысловая и поведенческая работа личности, позитивная и негативная экстремальность, смысл жизни и смысл смерти, конструирование характера психических последствий экстремальности — психической травмы, трансформация личности.

Ключевые слова: экстремальность, работа личности, предельный феномен, принцип связывания, смысловые структуры, самоидентичность, мотивация, пассивность, активность.

The paper presents an ontological conceptualization of the phenomenon of extremity, which is considered in the context of personality transformation in the trans-ordinary world. Methodological principles and scientific logic of conceptualization are proposed and specified in the following concepts: the experience of being and non-being, personality work, meaning and behavioral personality work, positive and negative extremity, the meaning of life and the meaning of death, the nature of the construction of psychological effects of extremity — psychic trauma and personal transformation.

Key words: extremity, personality work, ultimacy phenomenon, binding principle, meaning structures, self-identity, motivation, passivity, activity.

Актуальность онтологического рассмотрения феномена экстремальности в психологии возникает в связи с кардинальными трансформациями социокультурного бытия современного человека и парадигмальной трансформацией научной рациональности,

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* m_sh_m@mail.ru

требующей динамического понимания человеческой психики в изменяющихся процессах жизни, бытия личности в мире. По этой причине основополагающим для концептуализации феномена экстремальности для нас будет понятие бытия личности, понимаемое темпорально — в культурно-историческом становлении и трансформации.

Понятие экстремальности было заимствовано психологией из медицинских исследований психогенных реакций человека на чрезвычайные ситуации, из физиологического учения Г. Селье о стрессе, или общем адаптационном синдроме, а также из исследований адаптации человека в особых условиях жизни — технических, экологических, на войне и др. Подобное понимание не доходит до онтологии личности, а продолжает оставаться в кругу физиологических реакций, эмоциональных процессов, когнитивных и поведенческих нарушений.

В исследованиях, посвященных экстраординарным, чрезвычайным событиям, используется очень пестрый набор терминов: стрессор (Selye, 1956, 1974, 1976), факторы, предъявляющие индивиду требования, превышающие личностные ресурсы (Lazarus, Folkman, 1984), экстремальность (Davidson, 1984), травматический стрессор (Van der Kolk et al., 1996), экстремальный стресс (Baider, Sarel, 1984), массивный стресс (Schmolling, 1984), бедствие (McCaughey, 1985), травматическое событие (Krystal, 1968), травматический стресс (Figley, 1986; Wilson, Krauss, 1985). Экстремальные ситуации называют травматическими (Тарабрина, 2001; Figley, 1986), критическими (Василюк, 1984), катастрофическими (Figley, 1986), трудными жизненными (Анцыферова, 1994; Нартова-Бочавер, 1997), жизненными событиями (Дикая, Махнач, 1996), жизненными ситуациями (Бурлачук, Коржова, 1998), напряженными ситуациями (Дьяченко и др., 1985), необычными условиями (Лебедев, 1989), экстремальными условиями или факторами (Александровский и др., 1991; Марищук, Евдокимов, 2001). Наконец, вместо термина «экстремальная ситуация» используются также термины «кризисная ситуация» (после Э. Линдемманна), «чрезвычайная ситуация» (Кекелидзе, 2004).

Прежде всего проясним научную логику нашей работы и отметим несколько важных для дальнейшего анализа моментов. Мы основываемся на положении — назовем его онтологическим статусом бытия личности — о том, что личность, конкретного человека, надо рассмотреть в бытии в совместном мире, в котором он тем или иным образом обращается (работает) с собственным и несобственным бытием. На его основе уточняется известное положение теории деятельности: человек рассматривается в предметной деятельности, но в деятельности, с которой он тем или иным образом обращается, работает. Тогда за «предмет» психики, или психической интенцио-

нальности, принимается не зафиксированный объект, предмет, а процессы жизни, т.е. сама предметная деятельность человека. В таком случае мы можем утверждать, что для понимания феномена экстремальности (и не только) имеет значение не столько сам экстремальный, травматический, стрессовый опыт, сколько опыт, с которым человек обращается. Так, например, имеет значение, что человек делает со своим опытом жизни, бытия, превращает ли его в юдоль несчастий и/или в источник роста и развития.

Для нас всякая экстремальная ситуация — это не просто стимульная конфигурация, вызывающая паттерн реакции, а трансординарная, неповседневная ситуация человеческого бытия мира. Это первый шаг, который в последнее время становится популярным под влиянием фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и работы С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», но он недостаточен. Нам нужно ухватить удвоение онтологии личности: в бытии человек не просто присутствует как вещь или наличность — он тем или иным образом относится к способам своего бытия, своего существования, решая задачи на смысл, осуществляя поступки, проявляя заботу, делая выбор, занимая позицию и т.д.

Понимание экстремальности в онтологическом горизонте бытия личности — человеческого индивидуума — в предельных, трансординарных модусах бытия, на первый взгляд, не создает особых проблем для психологической концептуализации. Достаточно связать экстремальность с каким-нибудь экстраординарным, чрезвычайным жизненным событием — катастрофой, войной, терактом, цунами, наводнением, пожаром, землетрясением, экономическим или социально-политическим кризисом — и уточнить ее содержание через такие деструктивные последствия данного события, как человеческие жертвы, ущерб здоровью, окружающей среде, материальные потери, нарушение условий жизни и др. Однако такое наивно-эмпирическое, натуралистическое понимание экстремальности не может лечь в основу ее психологического определения. В собственно психологическом плане экстремальные требования ситуации (стимулы) надо соотносить с психическими реакциями человека, который в этой ситуации пребывает, и называть экстремальными особые, измененные условия, предъявляющие предельно (или даже запредельно) высокие требования к деятельности человека; стрессоры, ухудшающие работоспособность и подрывающие здоровье человека; травматические ситуации, угрожающие смертью (небытием) и вызывающие посттравматические реакции и расстройств. Подобное определение так или иначе основывается на понятии предельной стимуляции и реакций. Однако понятие предельности не удастся раскрыть содержательно без рассмотрения отношения личности к стимулу, реакции и другим факторам, т.е. их

личностного смысла, что и подводит нас к актуальности онтологического определения экстремальности.

Внимательный анализ перечисленных терминов показывает, что в большинстве из них ситуационные и личностные детерминанты экстремальности не различаются, а в тех случаях, когда такое различие проводится, обнаруживается «терминологический круг». Экстремальной ситуацией называют то, что создает экстремальную реакцию, а экстремальной реакцией — то, что создается экстремальной ситуацией. Кризисной ситуацией называют то, что создает кризисные состояния, а кризисным состоянием — то, что создается кризисной ситуацией. Это распространяется также на более частные термины: травматическим стрессом называется то, что создается травматическими стрессорами, а травматическим стрессором называют то, что вызывает травматический стресс.

Отметим, что теоретический круг в данном случае создается из-за неучета смысла ситуации, события для личности. Событие обретает стрессовый, травматический характер в связи с отношением человека к этому событию с определенной точки зрения или способа существования, т.е. в связи с личностным смыслом данной ситуации.

В рамках того же натуралистического взгляда формируются варианты преодоления негативных последствий экстремальности. Фиксация на стимульных паттернах сдвигает понимание экстремальности в сферу психологического обеспечения спасательных работ в чрезвычайных ситуациях; акцент на паттерне реакций (стрессовом синдроме, посттравматических расстройствах и др.) связывает экстремальность с решением терапевтических задач; когда преодоление негативности трактуется как совладание, в персональной или консультативно-терапевтической работе формируется психотехническое понимание экстремальной ситуации, выражаемое через совокупность общеупотребимых терминов.

Собственно психологический концептуальный аппарат для понимания феномена экстремальности разрабатывается в рамках пяти подходов.

В первом — *стимульном* — подходе экстремальность определяется преимущественно в терминах факторов воздействия на организм или индивида; это чисто ситуационное определение отождествляет экстремальность с экстремальными условиями, факторами. Во втором — *реактивном* — подходе экстремальность определяется в терминах реакций индивида на воздействующие факторы; с этим подходом связаны такие понятия, как «экстремальное состояние», «экстремальная реакция», «дистресс», «экстремальный стресс», «травматический стресс», «посттравматическое стрессовое расстройство» и др. В третьем — *персоналистском* — подходе экс-

тремальность определяется в терминах личностных переменных «субъективного» восприятия, переживания, интерпретации события; этот подход можно объединить со вторым, однако в чистом виде он определяется активностью, идущей от субъекта к объекту, и не является реактивным. В четвертом — *интерактивном* — подходе экстремальность выступает как функция переменных окружения и индивида. В пятом — *транзактном* — как функция взаимодействия переменных окружения и индивида.

Для дальнейшей концептуализации феномена экстремальности необходимо дифференцировать два паттерна — стимульный (или паттерн воздействий) и паттерн реакций (или акций) — и установить механизм их «психической связи». Именно та психическая работа соотнесения, отмеченная в первом положении, и принимается нами в качестве связующего механизма. Каждая экстремальная ситуация начинается с определенного экстраординарного события в жизни человека, которое традиционно операционализируется как стимул, стрессор, воздействие. В связи с этим возникает первый вопрос: как это событие (объективный факт) субъективируется, связывается с психологической организацией человека, т.е. становится психологическим фактом?

Эмпирические данные показывают, что экстремальный стресс, нарушающий адаптацию, прямо и непосредственно не определяется тяжестью физического повреждения. Имеют значение особенности психической организации личности. В 1990-х гг. на одном из российских военных кораблей произошла авария, и пять человек, находившихся на верхнем ярусе носового машинно-котельного отделения, погибли сразу, а трое матросов пострадали от раскаленного пара. Один из них (9% ожогов) в ужасе упал и стал кричать; второй (18% ожогов) завернул товарища в бушлат и поволок его с собой вниз по трапу; третий матрос (36% ожогов) не потерял присутствия духа, сообщил командиру об аварии, а потом, соблюдая требования инструкции, выключил турбину генератора.

Второй вопрос: как реакция на экстраординарный инцидент обретает статус психологического факта? Нередко человек не чувствует угрозу, когда около него стреляют, не переживает опасность сразу после аварии, не ощущает боли в драке или в бою. Переживание страха часто возникает через некоторое время после инцидента как продукт психической обработки экстремального опыта в недрах личности.

Третий вопрос: каким образом личностные и ситуационные факторы связываются в психическое единство?

Ответим на эти вопросы, привлекая уже введенное выше понятие психической работы личности. Стимульные и реактивные паттерны становятся психическими фактами тогда, когда в ходе

душевной работы человек относится к ним тем или иным образом. Тогда оба вида паттернов обретают для него определенный смысл¹. Мы принимаем работу личности в качестве того процесса, который связывает в единство, в «психический синтез» личностные и ситуационные факторы экстремальности. Более того, многообразие связей, отношений, измерений, деятельностей связывается в единство самоидентичности личности именно во внутренней работе личности.

Итак, для онтологического понимания экстремальности мы начали с вопроса о психологическом синтезе ситуационных и личностных факторов, образующих феномен экстремальности. При этом в качестве механизма этого синтеза, связывания в целостность мы приняли феномен работы личности, которая отвечает к тому же за конституирование идентичности личности. Из всего этого следует, что феномен экстремальности — это конструктивный феномен, точно так же, как его психологические последствия — посттравматическое стрессовое расстройство и посттравматический рост. Он конструируется в ходе работы личности — практики себя, работы над собой — как определенный экзистенциальный, жизненный продукт. Личность (конкретный человек) понимается нами в бытии, и притом в многообразных отношениях, связях, деятельностях, измерениях, модусах, формах. Ее (его) самоидентичность образуется не автоматически, а в процессе работы, в которой многообразие связывается, синтезируется, удерживая различие, разделение. В этой особой работе личность открывается в отношении одного бытия к другому бытию (как собственному, так и несобственному), сочетая внутреннюю работу над собой (практику себя, заботу о себе), с работой с Другим и над Другим (заботой о Другом, практикой Другого).

Эта идея позволяет нам определить экстремальное бытие личности не через застывшие сущности, свойства, качества, факторы, а с точки зрения связывания (освоения, присвоения) кардинально нового опыта бытия (в том числе, опыта небытия) с предшествующим опытом, по сути, принципиально отличным от него.

В свою очередь, экстремальное рассмотрение личности позволяет нам перейти от определения личности на гомогенном многообразии (под приматом монопольного субъекта, самости, идентичности, целостности, синтеза) к определению ее на гетерогенном многообразии. Известная идея о значении гетерогенности в развитии психики у А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского и понятие различения в постмодернизме дополняются нами принципом свя-

¹ Мы различаем рефлексивную и дорефлексивную работу личности, а также отличаем рефлексивную, репрезентативную, нарративную самость, идентичность от дорефлексивной, онтологической самоидентичности — протоидентичности.

звания, что позволяет нам преодолеть противоречие модернизма и постмодернизма в вопросе о тождестве и различии. Абсолютизация тождества не позволяет нам рассмотреть личность в онтологии бытия, в то время как акцент на различии приводит к смерти субъекта, идентичности в постмодернизме. Субъект, идентичность, личность, которая умирает в неповседневном бытии (в дискурсе постмодернизма), воскресает в работе личности над собой в ходе усвоения опыта небытия, опыта Другого, чужого опыта, т.е. заботы о Другом, практике Другого.

Предельный феномен и онтология небытия

Онтологическое рассмотрение экстремальности прежде всего требует конкретизации бытия личности с точки зрения феномена предельности (в смысле конца, края, границы, конечности), который, по сути, и обозначается в литературе разными словами — стрессы, кризисы, травмы и др. Онтология небытия принимается нами как сердцевина экстремальности, поскольку латинское слово *extrēmum* означает «край», «конец» и происходит от слова *extrēmus* — «крайний», «конечный», например *in extreme libro* — в заключение книги (Словарь..., 2004).

Экстремальное, неповседневное бытие личности конституируется вторжением смерти в жизнь, т.е. освоением опыта небытия. Обратив внимание на факт появления феномена небытия как основополагающего в феномене экстремальности, не будем подвергать его теоретическому и онтологическому подавлению и попытаемся понятийно и концептуально оформить. При этом предельность, характеризующуюся небытием, мы попытаемся ухватить в позитивном плане.

Экстремальность возникает тогда и только тогда, когда феномен небытия, мыслящийся по ту сторону жизни, открывается в посясторонности существования. Именно превращение небытия из потустороннего в посясторонний феномен выводит существование человека за пределы обыденного, повседневного бытия. Устраняя онтологическое вытеснение небытия в жизни человека, экстремальность устраняет теоретическое вытеснение смерти в психологии.

Таким образом, к модной в психологии онтологии бытия личности, на наш взгляд, надо добавить онтологию небытия — существования личности в небытии, усвоения опыта небытия. Под усвоением опыта понимается переход не столько значений или деятельности, сколько единиц жизни, форм культурно-исторического бытия.

Если мы разделяем человеческое существование на две качественно разные, хотя взаимопроникающие реальности — повседневную и неповседневную, — то нам надо уточнить смысловые структуры жизненного мира. В традиционной философии и пси-

хологии повседневная реальность конституируется как жизненный мир с той или иной смысловой структурой (Гуссерль, 2004). Однако неповседневная реальность — это трансценденция жизненного мира и соответственно жизненных смыслов — L-смысловых структур. Эти структуры очерчивают горизонт, границы повседневного жизненного мира как верховной реальности для всех аспектов повседневности, вне зависимости от характера ценностных образований.

Мы различаем L-смысловые образования, конституированные «задачей на жизнь», утверждением жизни, и D-смысловые образования, конституированные «задачей на смерть, на небытие», тематизированные утратой, деструкцией, исчезновением и т.д. Диалектическая смысловая структура, построенная на взаимосвязи L и D смыслов, характерна не только для неповседневности, но и для повседневности. Повседневность разворачивается в горизонте L-смыслов в условиях редукции, отклонения, отрицания, деавуирования D-смыслов. Тем не менее в своих предельных формах D-смыслы прорываются и в повседневность, но латентно они выражаются во всех смысловых образованиях.

Дифференциация смыслового образования с точки зрения смысла бытия и смысла небытия требует уточнения личностного смысла в «бытии-между» — в переходе смысла для меня (это традиционное понимание) и смысла для Другого. Столкновение своего и чужого смыслов приводит порой к противоречию, конфликту, кризису и борьбе. В этом плане понятие овладения опытом надо уточнить с точки зрения усвоения чужого опыта и смысловых структур Другого. В экстремальной ситуации личность сталкивается с необходимостью усвоения того, что чуждо для нее и непривычно в повседневном опыте. Личностный смысл в рассматриваемом значении не монологичен, а диалогичен. Он определяется, конституируется на перекрестии смысла-для-меня и смысла-для-Другого.

Гетерогенные смысловые структуры

Признание существования сингулярного человека в жизненном мире с гетерогенной, неиерархизируемой, неассимилируемой смысловой структурой является одним из важных положений, которые мы здесь отстаиваем. От «желудочной психологии» ассимиляции смыслов, значений, опыта мы переходим в психологии к смысловой соотносительности существования — со-существования гетерогенных, несистемных смыслов. Возникновение таких смысловых структур характерно не только для катастрофической экстремальности, но и для жизни современного человека, существующего в гетерогенных жизненных мирах, в культурном многообразии. Сосущество-

вание во взаимно не ассимилируемых культурах осуществляется посредством работы личности, которая связывает многообразие социокультурных форм бытия, удерживая различия.

Самоидентичность не является вариацией социокультурной матрицы, паттерна обобщений, дискурсов, нарративов, диспозитивов. Она трансформирует и связывает многообразие собственных существований, миров, культур. Признание многообразия трансформирующихся культур требует признания связующе-различающей работы личности и раскрытия самости в бытийно-темпоральном горизонте «бытия-между», между Я и Другим, в единстве индивидуации и приобщения.

Экстремальность связана с переходом из повседневной реальности в неповседневную и обратно. Эти переходы сопровождаются сменой смысловых структур жизненного мира. В соответствии с этой сменой у человека трансформируются мотивация, смысловые образования, картина мира и др. Эти трансформации сопровождаются напряженной внутренней работой и сильным переживанием не только ужаса, отчаяния, утраты, но и обретения, благополучия и т.д.

Приобретая в своей сути транзитный характер, экстремальность получает свое определение как существование в переходе повседневности и неповседневности и наоборот. Поэтому мы считаем ошибочным относить экстремальность только к инцидентальной ситуации. В действительности, экстремальность возникает в сочетании двух указанных движений и темпорально-пространственно выходит за пределы инцидентальной ситуации. Наиболее полное свое становление экстремальность получает отсроченно — в ситуации возвращения в мир, который он перед этим покинул. Люди возвращаются с чужбины, с войны, из дальних странствий, больниц, тюрем, после недугов, бедствий и т.д. Обычно ситуация возвращения — это повседневная реальность, но именно в недрах повседневности, т.е. в постинцидентальном модусе, в психической работе отсроченно созревает феномен экстремальности. Таким образом, за планом неотложности, моментальности в экстремальности содержится план отсроченности. В определенном смысле экстремальность — это феномен замедленного действия, процесс становления, развития определенного способа бытия личности, идентичности в ходе усвоения опыта.

Позитивность и негативность экстремальности

Мы выделяем в экстремальности две ипостаси — позитивную и негативную. В ней взаимодействуют феномен страдания, потери и феномен обретения, благополучия. Позитивно-негативный характер экстремальности отражается прежде всего в специфике

мотивации человека. В экстремальной ситуации актуализируются две мотивационные формы: сохранение бытия в ситуации угрозы небытия и становление бытия вопреки угрозе небытия. Два фундаментальных типа мотивации — мотивация выживания (рекурсивная) и мотивация роста (трангрессивная) — взаимно пересекаются и переплетаются. В экстремальной ситуации равно актуализируются и возможность деструкции, и стремление к человечности. Экстремальная ситуация характеризуется близким контактом человеческого и нечеловеческого, не только насилия, мученичества, но и стойкости, мужества, святости, а также солидарности, помощи. Феномен экстремальности радикально обнажает существо ситуации личности в мире и во времени, которая требует не только описания и объяснения и соответственно переживания и понимания, но и помощи, и заботы. Психическая работа (в частности, работа личности) определяется не только в традиционном гносеологическом плане отражения, ориентировки, но и в онтологическом плане как экзистенциальная работа личности с формами своей жизнедеятельности и с собственной субъектностью. Именно в этой работе конструируются постэкстремальные феномены — посттравматическое стрессовое расстройство, посттравматический рост личности и др.

Понятие «работа личности» конкретизируется в понятиях мотивационной работы, смысловой работы и других — работы сознания, работы горя, рефлексии, автобиографической работы и т.д. При этом и мотивационная работа, и смысловая работа, и эмоциональная работа, и работа связывания рассматриваются в «бытии-между», в со-бытии Я и Другого, т.е. как диалогические, коммуникативные феномены. Всякий мотив есть отношение, и его надо определять как процесс коммуникации, диалога между одним Я и другим Я. Но и этого недостаточно: мотивация — это не только регуляция и управление поведением и деятельностью, но и форма заботы личности о совместном бытии.

Работа личности конкретизируется в личностных актах. В отличие от действий в структуре деятельности личностные акты направлены на себя (Другого), а также на обеспечение выполнения действий. Для того чтобы говорить об актах, процессах, действиях личности, нам надо устранить теоретический круг и дифференцировать работу личности и деятельность субъекта. Человек дифференцируется (Homo-duplex). Проводимая им работа есть процесс обращения с деятельностью, осуществления определенных форм жизни, что требует усвоения, овладения опытом. Интериоризация дискурсов, нарративов, диспозитивов, интерпретаций, культурных кодов, семиотических, сигнификативных структур, форм жизни опосредствована работой личности.

Одна из задач мотивационной работы личности — создание условий для осуществления жизнедеятельности, деятельности, действий, поведения. Базисным условием деятельности является конституирование определенной самоидентичности, релевантной фактической, конкретной жизненной ситуации. Так в экстремальной ситуации, конституированной экстремальным событием, и деятельность личности, и переход из одного жизненного мира в другой требуют перехода и идентичности. Следовательно, в мотивационной работе актуализируется определенный мотивационный субъект, направленный в мотивационной работе на интенциональный предмет. Только интенциональный предмет мотивации — это не фиксированная предметность, обобщенная в значении, а мотивационное событие, мотивационные отношения, которые надо осуществить превращением будущего в актуальное настоящее в темпоральной перспективе.

Не только делание чего-то (например, участие в боевых операциях), но и неделание (например, работа над собой, чтобы «сохранить человечность», «не превратиться в зверя», «не уродовать душу») — важные задачи, стоящие перед человеком в неповседневном, да и в повседневном мире. Психическую деятельность человека, надо рассматривать в единстве пассивности и активности, делания и неделания, действия и страдания (Магомед-Эминов, 2005, 2007).

Пассивная работа может иметь разные формы: 1) напряженной внутренней работы в подготовительной стадии того или иного деяния; 2) состояния релаксации, сна; 3) рефлексивной работы; 4) готовности, ожидания акта, действия в совместно-разделенной деятельности; 5) недеяния — непричинения зла, проявления стойкости; 6) страдания — в экстремальной ситуации человек и действует, и страдает, как и во всей жизни; 7) синтетической работы личности, в ходе которой конституируется ее идентичность, самость, субъектность как основание для осуществления определенной функции; 8) пассивного синтеза временной перспективы личности.

В завершение анализа сделаем следующие основные **выводы**.

1. Онтологический подход, предлагаемый в данной работе, переносит акцент в понимании феномена экстремальности с медицинских, биологических, стимульно-реактивных или эмоционально-когнитивных трактовок на рассмотрение конкретного человека в предельных способах бытия, в которых он не только реагирует на трудности, но и решает «задачу на смысл» — задачу на жизнь (термин А.Н. Леонтьева), на бытие.

2. Экстремальность — это ценностно-смысловой феномен, который конституируется в инстанции отношения, обращения, т.е. работы личности со способами, формами своего существования, бытия, жизни в совместном мире.

3. Феномен смысла личности уточняется в двух планах — в плане смысла жизни (L-смысл) и смысла смерти (D-смысл), в диалектическом взаимодействии которых конституируются смысловые образования экстремального жизненного мира личности.

4. Экстремальный опыт — это опыт, выходящий за пределы обычного, повседневного существования человека, т.е. опыт, который конституируется на пересечении повседневного и неповседневного жизненного опыта личности, а значит, в «столкновении» L- и D-смыслов.

5. Экстремальность в своей полноте не может быть сведена к негативности, а представляет собой феномен, образующийся во взаимодействии позитивного и негативного, страдания и благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Шукин Б.П. Психогении в экстремальных ситуациях. М.: Медицина, 1991.

Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3—18.

Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Росс. педагог. агентство, 1998.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы их формирования // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 19—34.

Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психол. аспект. Минск: Изд-во «Университетское», 1985.

Кекелидзе З.И. Введение в психиатрию чрезвычайных ситуаций // Медицинская и судебная психология: Учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. С. 307—338.

Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.

Магомед-Эминов М.Ш. Психология уцелевшего // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 3—19.

Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: В 2 т. М.: ПАРФ, 2007.

Марищук В.Л., Евдокимов В.И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб: ИД «Сентябрь», 2001.

Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // Психол. журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20—30.

Словарь латинско-русский и русско-латинский. М.: Флинта, Наука, 2004.

Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

Baider L., Sarell M. Coping with cancer among Holocaust survivors in Israel: An exploratory study // *Journal of Human Stress*. 1984. Vol. 10. N 3. P. 121—127.

Davidson S. Human reciprocity among the Jewish prisoners // *The Nazi concentration camps: Proc. of the 4th Yad Vashem Intern. conf.* (Jerusalem, January 1980). Jerusalem, 1984. P. 555—572.

Figley C.R. Post-traumatic stress: The role of the family and social support systems // *Trauma and its wake* / Ed. by C.R. Figley. Vol. 2: Post-Traumatic Stress Disorder: Theory, research, and treatment. N.Y.: Brunner/Mazel, 1986. P. 398—416.

Krystal H. Massive psychic trauma. N.Y.: Intern. Univ. Press, 1968.

Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Publishing Company Inc., 1984.

McCaughey B.G. U.S. Coast Guard collision at sea // *Journal of Human Stress*. 1985. Vol. 11. P. 42—46.

Selye H.A. The stress of life. N.Y.: McGraw Hill, 1956.

Selye H.A. Stress without distress. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1974.

Selye H.A. Stress in health and disease. Boston, London: Butterworth-Heinemann Ltd., 1976.

Schmolling P. Human reactions to the Nazi concentration camps: A summing up // *Journal of Human Stress*. 1984. Vol. 10. P. 108—120.

Van der Kolk B.A., Van der Hart O., Marmar C. Dissociation and information processing in posttraumatic stress disorder // *Traumatic stress: The effects of overwhelming experience on mind, body, and society* / Ed. by B. Van der Kolk, A.C. McFarlane, L. Weisaeth. N.Y.: Guilford, 1996. P. 303—322.

Wilson J.P., Krauss G. Predicting PTSD among Vietnam veterans // *Post-traumatic stress disorder and the war veteran patient* / Ed. by W.E. Kelly. N.Y.: Brunner/Mazel, 1985. P. 102—147.

Поступила в редакцию

17.02.14

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**С. О. Кузнецова, А. А. Абрамова,
С. Н. Ениколопов, А. В. Разумова**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВРАЖДЕБНОСТИ У БОЛЬНЫХ С ШИЗОФРЕНИЕЙ, ШИЗОАФФЕКТИВНЫМИ И АФФЕКТИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению роли враждебности в этиопатогенезе таких психических заболеваний, как шизофрения, шизоаффективное и аффективное расстройства. Описан характер взаимосвязи общего уровня враждебности и качественных аспектов враждебности с объективными характеристиками психического заболевания (длительностью и нозологической принадлежностью). Выборку составил 161 человек, из них в клиническую группу вошел 81 больной, находящийся на стационарном лечении в 4-м отделении клиники аффективной патологии НЦПЗ РАМН. Сравнение проводилось с контрольной группой здоровых испытуемых, в которую вошли 80 мужчин, не страдающих психическими и неврологическими расстройствами. В исследовании использовались следующие методики: семантический дифференциал (модификация А.В. Охматовской), шкала базисных убеждений, опросник конструктивного мышления, опросник Кука—Медли, опросник Басса—Перри, лицевая методика (Wechsler memory scale), тест Вагнера «Рука» (модификация А.В. Герасимова). Было установлено, что у психически больных отмечаются достоверно повышенные количественные показатели враждебности по сравнению с нормой. При психической патологии отмечается качественная специфика враждебности, выражающаяся в подозрительности, настороженности, амбивалентности, экстрапунитивности и генерализации враждебного от-

Кузнецова Светлана Олеговна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* Kash-kuznezova@yandex.ru

Абрамова Аида Алексеевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* aida-abramova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич — канд. психол. наук, зав. отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* enikolopov@rambler.ru

Разумова Анна Васильевна — канд. психол. наук, директор психол. центра «Линии жизни». *E-mail:* ann-razumova@yandex.ru

ношения. Результаты исследования показали, что враждебность является нозонеспецифической характеристикой психических расстройств и не зависит от возраста больного и длительности заболевания.

Ключевые слова: враждебность, психические заболевания, шизофрения, аффективное расстройство, шизоаффективное расстройство, биопсихосоциальная модель этиопатогенеза.

This article presents the results of an empirical study on the role of hostility in the etiopathogenesis of mental illness such as schizophrenia, schizoaffective and affective disorders. The relationship of the general level of hostility and enmity with the qualitative aspects of the objective characteristics of mental illness (duration and nosology) is described in the following article. The sample consists of 161 people, of which the clinical group consisted of 81 patients who are hospitalized in the 4th department of the clinic affective pathology. Comparison was made with a control group of healthy persons, which included 80 men who do not suffer from mental and neurological disorders. The study used the following methods: semantic differential (modification by Ohmatovskaya A.V.), World assumptions scale, Constructive Thinking Index (CTI), Cook-Medley Hostility scale, Buss-Perry Aggression Questionnaire, Wechsler memory scale, Wagner's "Hand-test" (modification by A.V. Gerasimov). It was found that mentally ill patients were showing significantly higher quantitative measures of hostility, compared with the norm. Psychopathological marked qualitative specificity of hostility expressed in suspicion, ambivalence, extrapunitive and generalized hostility. According to the results, hostility has not direct connection with the nosology specific of the mental disorders, and does not depend on the patient's age and duration of disease.

Key words: hostility, mental illness, schizophrenia, affective disorder, schizoaffective disorder, bio-psychosocial model of etiopathogenesis.

На сегодняшний день одной из актуальных задач, стоящих перед психологической и общемедицинской практикой, является нахождение и предупреждение факторов риска различных заболеваний. Интенсивное развитие психологии и медицины обуславливает возникновение новых объяснительных принципов в изучении роли психологических факторов в этиологии и патогенезе психических расстройств. За последние 20 лет одним из психологических факторов этиопатогенеза соматических и психических заболеваний в научной литературе все чаще называется враждебность (Ениколопов, Садовская, 2000; Smith, 1992; Williams et al., 1985).

В современных исследованиях враждебность рассматривается как негативное отношение к объектам окружающей действительности (Ваксман, 2005; Охматовская, 2001; Varefoot, 1992). Враждебность как психологическое отношение может не наблюдаться напрямую в поведении индивида, а проявляться в разнообразных

психических процессах и явлениях, тогда изучение сферы отношений личности и, в частности, враждебности будет представлять актуальную методологическую проблему. Несмотря на то что представители различных научных школ и направлений признают патогенность воздействия враждебности на физическое и психическое здоровье людей, проблематика враждебности до сих пор не имеет единой теоретической и исследовательской парадигмы, что приводит к трудностям дифференциации и описания этого феномена и делает исследования в этой области особенно актуальными для науки и практики. Кроме того, разноречивыми остаются мнения относительно видов враждебности при тех или иных заболеваниях.

Актуальность данного исследования определяется также тем, что в настоящее время, по данным Всемирной организации здравоохранения, такие психические заболевания, как шизофрения, аффективные и шизоаффективные расстройства, остаются самыми распространенными заболеваниями современности, и число людей, страдающих этими недугами, неуклонно растет. Кроме того, наряду с увеличением распространенности психических заболеваний в современном мире отмечается рост враждебного отношения и агрессивного поведения.

Проблема взаимосвязи враждебности с психическими расстройствами разрабатывается в психологических и клинических исследованиях уже около 30 лет, но до сих пор остается актуальной. Результаты исследований неоднозначны. Так, было показано, что при депрессии показатели интропунитивной враждебности значительно превышают норму и доминируют над показателями экстрапунитивности (Biaggio, Godwin, 1987; Blackburn, 1974; Mayo, 1967). В то же время депрессивные больные помимо прочего раздражительны, обидчивы, нередко вербально агрессивны, на основании чего некоторые исследователи делают вывод о наличии у них враждебных установок в адрес окружающих людей, т.е. экстрапунитивной враждебности (Weissman, Klerman, 1971; Williams et al., 1985). Противоречивы также результаты исследований гендерных различий в рамках проблемы взаимосвязи депрессии и враждебности. Так, в одной работе (Fava et al., 1993) получены данные о том, что показатели враждебности у депрессивных мужчин значительно выше, чем у депрессивных женщин, а в другой работе (Moreno et al., 1995) зафиксирован противоположный результат. Следует отметить, что авторы большинства исследований враждебности при психических расстройствах лишь констатируют наличие отдельных показателей враждебности (негативизма, подозрительности, агрессии), не рассматривая механизмы ее влияния на этиологию и патогенез психического заболевания.

В настоящем исследовании показано, что враждебность является не просто сопутствующей характеристикой психических болезней, а выступает в качестве их предиктора. При этом есть основания рассматривать враждебность в числе общих психологических факторов риска психических заболеваний, не специфичных для какой-либо отдельной нозологии.

Цель, задачи, выборка исследования

Цель исследования: изучение психологических особенностей враждебности у лиц, страдающих психическими заболеваниями, а также характера взаимосвязи враждебности с объективными характеристиками заболевания. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**: 1. Разработка методического комплекса для изучения различных сторон враждебности. 2. Сравнение общего уровня враждебности у психически больных и у здоровых испытуемых. 3. Изучение качественных особенностей враждебности в группе психически больных по сравнению с контрольной группой. 4. Анализ психологических особенностей враждебности в группе психически больных с учетом возраста больных, нозологической принадлежности и длительности течения заболевания.

Выборка. Исследование проведено на двух группах испытуемых (клиническая и контрольная). Всего был обследован 161 человек (все мужчины) с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием, среднего социального статуса. В данной работе рассматривается только мужская выборка, так как в ряде психологических исследований (Абрамова, 2005; Охматовская, 2001) было показано, что враждебность более выражена у мужчин, чем у женщин. Клиническую группу составил 81 больной в возрасте от 18 до 42 лет (средний возраст — 22.96 года), находящийся на стационарном лечении в 4-м отделении клиники аффективной патологии НЦПЗ РАМН. Критерии включения больных в исследование: наличие в качестве основного клинического диагноза «аффективное расстройство» (F-31.1, F-31.2, F-31.3, F-31.6, F-33.1, F-34.0 по МКБ-10), «шизофрения» (F-20.0, F-20.6, F-21.6) или «шизоаффективное расстройство» (F-25.0, F-25.01, F-25.1, F-25.11, F-25.8) и отсутствие на момент исследования в клинической картине заболевания бредовых и галлюцинаторных расстройств, выраженных когнитивных нарушений, а также заболеваний ЦНС. Больные обследовались в состоянии ремиссии, перед выпиской из стационара. Сравнение проводилось с контрольной группой здоровых испытуемых, в которую вошли 80 мужчин в возрасте от 18 до 44 лет (средний возраст — 22.41 года), не страдающих психическими и неврологиче-

скими расстройствами и отрицающих у себя наличие каких-либо других хронических заболеваний.

Вся когорта больных была разделена на две группы на основании длительности заболевания, зафиксированной в истории болезни: 1-я группа — с длительностью заболевания до года включительно (29 человек) и 2-я группа — более года (52 человека).

Методический аппарат

Выбор методик определялся целями и задачами исследования. В исследовании применялись методы тестирования, опроса, субъективного шкалирования, наблюдения.

1. *Семантический дифференциал* (СД) (модификация А.В. Охматовской, 2001). По данным этой методики в первую очередь фиксируется сдвиг шкальных оценок в сторону положительного полюса, или «индекс положительности». Методика позволяет проанализировать факторную структуру семантических пространств, качественную специфику и субъективную значимость определенных негативных характеристик, приписываемых окружающим объектам, аффективный компонент враждебности.

2. *Шкала базисных убеждений* (Janoff-Bulman, 1992). Методика используется нами с целью исследования и анализа структуры базисных убеждений психически больных, отражающей когнитивный компонент враждебности. В данный опросник входят 7 субшкал: 1) доброжелательность окружающего мира; 2) справедливость; 3) контролируемость; 4) закономерность; 5) самоценность; 6) способность контролировать ситуацию; 7) удача.

3. *Опросник конструктивного мышления* (*Constructive Thinking Index — CTI*, Epstein, 1991) был включен в батарею методик с целью исследования поведенческого и когнитивного компонентов враждебности, оценки критичности психически больных и уровня конструктивного мышления. Опросник состоит из 97 утверждений, каждое из которых необходимо оценить по 5-балльной шкале, и включает 7 основных шкал: «Эмоциональное совладание», «Поведенческое совладание», «Категорическое мышление», «Эзотерическое мышление», «Наивный оптимизм», «Личностно-суеверное мышление», «Общая шкала конструктивного мышления» и 3 шкалы валидности: «Шкала Социальной желательности», «Шкала Лжи» и «Шкала Валидности».

4. *Опросник Кука—Медли* (Han et al., 1995). В опросник, использовавшийся в настоящем исследовании, включены 50 пунктов из опросника ММРІ. С помощью этой методики производилось измерение общего уровня враждебности, изучались особенности ее проявлений: цинизм, настроенность, агрессивные реакции и аутизация, а также исследовались когнитивный и поведенческий компоненты враждебности.

5. *Опросник Басса—Перри* использовался нами с целью выявления количественных показателей враждебности, агрессии и гнева. Опросник состоит из 29 утверждений, которые оцениваются по 5-балльной шкале. Анализ факторов производится по трем шкалам: физическая агрессия, гнев и враждебность.

6. *Лицевая методика (Wechsler Memory Scale)* позволяет исследовать количественные показатели мнестических процессов, выявлять качественную специфику и субъективную значимость определенных негативных характеристик, приписываемых окружающим объектам (прежде всего лицам людей).

7. *Тест Вагнера «Рука»* (модификация А.В. Герасимова, 1999) — методика исследования личности, предназначенная для диагностики агрессивности, прогноза агрессивного поведения. Ответы испытуемых оценивались по следующим шкалам: агрессивность, директивность, зависимость, коммуникативность, страх, эмоциональность, демонстративность, ущербность, безличная активность, безличная пассивность, напряжение, описание и отсутствие ответа.

Статистическая *обработка* результатов производилась с помощью статистического пакета Statistica for Windows версия 6.0. Для оценки значимости межгрупповых различий использовались критерии Манна—Уитни и Колмогорова—Смирнова. Для определения меры связи между отдельными показателями подсчитывался коэффициент корреляции Спирмена, а также процент совпадения значений.

Результаты

1. Количественная специфика враждебности

Исходя из результатов, полученных в нашем исследовании, общий уровень враждебности в группе психически *больных* (Б-группа) значимо выше, чем в контрольной (К) группе. Данный вывод можно подтвердить следующими результатами.

Во-первых, в Б-группе отмечается повышение средних значений враждебности по шкале Кука—Медли по сравнению с К-группой. Следует отметить также увеличение в Б-группе значений по шкалам цинизма и настороженности, которые наиболее непосредственно указывают на враждебность. Так, по данным корреляционного анализа, враждебность значимо положительно коррелирует с цинизмом ($R=0.87$, $p<0.001$) и настороженностью ($R=0.79$, $p<0.001$). Повышение средних значений по шкале аутизма в Б-группе также свидетельствует о враждебности, но только косвенно.

Во-вторых, в Б-группе получен более высокий, чем в К-группе, уровень враждебности по опроснику Басса—Перри. Повышенные значения по шкале гнева в Б-группе также непосредственно указывают на враждебность. Согласно результатам корреляционного анализа, между враждебностью и гневом существует статистически

значимая положительная корреляция ($R=0.39$, $p=0.0007$). Полученные нами данные подтверждают ранее полученные результаты (Барденштейн, Можгинский, 2002; Barefoot, 1992).

В-третьих, в Б-группе отмечается снижение средних значений по таким факторам шкалы базисных убеждений, как доброжелательность окружающего мира, удача, закономерность и способность контролировать ситуацию. Данные показатели свидетельствуют о враждебности косвенно и подтверждают полученные М.А. Падун (2003) результаты об отрицательной корреляции враждебности с доброжелательностью окружающего мира ($R=-0.15$) и удачей ($R=-0.06$).

В-четвертых, повышение средних значений категорического мышления в «Опроснике конструктивного мышления» и одновременное снижение значений конструктивного мышления и эмоционального совладания в Б-группе по сравнению с К-группой также свидетельствуют о враждебности. При этом наличие деструктивного мышления и трудностей эмоционального совладания со стрессовыми ситуациями приводит к увеличению стрессогенных ситуаций для психически больных, в результате они становятся более чувствительными к негативным оценкам окружающих.

В-пятых, увеличение в Б-группе количества агрессивных и директивных ответов, направленных на другого субъекта и на другой предмет, в тесте «Рука» непосредственно свидетельствует о враждебности, что подтверждает результаты, полученные в исследовании А.А. Абрамовой (2005) на депрессивных больных.

В-шестых, высокие значения коэффициента агрессивности в Б-группе по сравнению с К-группой, полученные в тесте «Рука», указывают на враждебность психически больных. Полученные нами результаты о повышенной агрессивности людей, страдающих психическими заболеваниями, согласуются с данными ряда клинических наблюдений (Абрамова, 2005; Ваксман, 2005; Haines et al., 1995; Wei Wang et al., 2002).

В-седьмых, в Б-группе отмечается снижение суммарного индекса положительности, а также сближение оценок положительных и отрицательных стимулов и снижение индекса положительности для «неопределенных» стимулов, полученные в методике СД.

Опираясь на биопсихосоциальную модель и концепции стресса, дадим объяснение полученным фактам. В рамках данных концепций одной из задач исследования является описание тех психологических характеристик, которые опосредуют патогенное воздействие стресса на человеческий организм. В данном контексте нужно отметить работы Р. Лазаруса, который указывал на сложность выделения универсальных стрессогенных ситуаций, подчеркивая роль индивидуально-психологических особенностей личности (Исаев,

1996). Как правило, среди опосредующих переменных перечисляют особенности психологических защитных механизмов, преимущественные стратегии совладания, а также особенности восприятия стрессогенных ситуаций (там же). К последним, по всей видимости, имеет прямое отношение враждебность, поскольку враждебные люди, как показало наше исследование, склонны приписывать нейтральным объектам и ситуациям негативные качества. Многие ситуации социального взаимодействия представляются им конфликтными, фактически не являясь таковыми. Враждебные люди ниже оценивают вероятность благоприятных событий и выше — вероятность неблагоприятных. Все это создает для них множество дополнительных источников стресса по сравнению с невраждебными субъектами. Таким образом, можно предположить, что повышенная враждебность индивидов выступает в качестве психологического маркера их индивидуальной уязвимости в стрессогенных ситуациях, что вызывает трудности компенсации и адаптации к социальным условиям и затем манифестацию заболевания (соматического или психического). Данное предположение подтверждается исследованиями враждебности на материале соматических больных (Охматовская, 2001), у которых также отмечалась повышенная враждебность по сравнению с группой здоровых испытуемых.

2. Качественная специфика враждебности

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что *степень дифференцированности* характеристик, по которым оцениваются различные объекты, в Б-группе значительно выше, чем в К-группе. Психически больные большее число объектов оценили отрицательно, а следовательно, и более дифференцированно. Полученные нами данные согласуются с результатами работы (Williams et al., 1985), в которой было показано, что такие важные составляющие враждебности, как поиск и регистрация источников опасности, предполагают дифференцированную систему оценки этих источников. Проблема дифференцированности негативных оценок тесно связана с проблемой *осознанности враждебных отношений*. У испытуемых Б-группы осознанное негативное отношение к окружающим было представлено в форме обвинений, утверждений о возмездии («получат по заслугам») и т.д. Такое отношение они считали оправданным и не стремились скрыть его при общении с психологом и врачом. Таким образом, можно предположить, что больные осознают не собственную враждебность, а враждебность окружающего их мира, при этом мотивы и причины ее остаются неосознанными. Данное объяснение согласуется с идеями В.Н. Мясищева (2001), который разводил понятия «враждебное отношение» и «враждебная установка».

Еще одной особенностью враждебного отношения к окружающим объектам у психически больных является *амбивалентность*, противоречивость, которая выражается в том, что при описании объектов в методике СД больные сочетают положительные и отрицательные качества. Например, одну и ту же картинку описывают противоположными характеристиками: «хорошее, красивое ... злое, страшное» или «хорошее, доброе ... трусливое, непредсказуемое».

В Б-группе отмечены также более высокие показатели *настороженности и цинизма*, чем в К-группе. Настороженность в Б-группе тесно связана с подозрительностью. На повышенную подозрительность указывают также особенности отношения больных испытуемых к психологическому обследованию: они отказывались выполнять некоторые задания и отвечать на вопросы, давали уклончивые ответы (например, «не знаю», «50 на 50»), подчеркивая, что в результатах исследования больше заинтересован психолог, чем они сами. Согласно концепции Дж. Салса (Suls, Sanders, 1989), враждебные люди не просто более интенсивно реагируют на конфликтные ситуации, а, скорее, провоцируют и создают такие ситуации посредством специфической системы убеждений и соответствующего ей поведения. В процессе формирования враждебного отношения к окружающим объектам существенную роль играют такие характеристики, как цинизм, недоверие, подозрительность, негативизм.

Можно сказать, что в Б-группе (в отличие от К-группы) враждебность была *генерализованной*. Это подтверждается и данными наблюдений (враждебное отношение часто распространялось на ситуацию обследования и на психолога), и результатами тестовых заданий, в которых в качестве объектов враждебного отношения выступали лица на фотографиях, неопределенные изображения и абстрактные понятия (будущее, мир в целом и т.д.). Полученные нами данные согласуются с результатами исследования А.В. Охматовской (2001).

3. Связь враждебности с объективными характеристиками заболевания

При сравнении групп психически больных различной нозологии нами не были выявлены статистически значимые различия по непосредственным показателям общего уровня враждебности. Согласно результатам корреляционного анализа, между враждебностью и нозологической принадлежностью существует статистически незначимая положительная корреляция ($R=0.11$, $p>0.3$).

Отсутствие взаимосвязи враждебности с нозологической принадлежностью свидетельствует об универсальности, нозонеспецифичности враждебности как психологического маркера психиче-

ского заболевания. Таким образом, есть основания рассматривать враждебность как один из общих психологических факторов риска психических заболеваний. При этом ее можно отнести к предикторам, но не к основным этиологическим факторам развития психической патологии. Это предположение согласуется с результатами ряда исследователей (Вильдавская, 1995; Коцюбинский, 2004).

Статистически значимые различия между группами, различающимися по длительности заболевания, выявлены по факторам *доброжелательность окружающего мира, эмоциональность и удача*. Средние значения по данным шкалам выше в группе больных до года по сравнению с группой больных более года. При этом коэффициент агрессивности повышается с увеличением длительности заболевания. Нами обнаружена слабая положительная связь длительности заболевания с фактором настороженности ($p=0.07$). Полученные данные согласуются с рядом исследований (Соловьёва, 1997; Тиганов, 1997), в которых отмечается, что по мере увеличения длительности психического заболевания акцентируются поведенческие проявления (раздражительность, агрессивность) и усугубляются эмоциональные расстройства. Это связано с нарастанием негативной симптоматики и увеличением тяжести течения заболевания, а также с истощением адаптивно-компенсаторных механизмов у данных больных. Отметим, что в нашем исследовании ни один из непосредственных показателей общего уровня враждебности не имел значимых корреляций с длительностью заболевания ($R=0.08$, $p>0.05$) и возрастом ($R=0.03$, $p>0.05$) больных. Таким образом, полученные результаты позволяют рассматривать враждебность как устойчивую психологическую характеристику, не зависящую от длительности течения заболевания, и предположить, что она скорее является психологическим маркером индивидуальной уязвимости, нежели реакцией на болезнь.

Полученные в результате проведенного исследования данные о характере враждебности у психически больных могут быть использованы как для оптимального выбора лечебных, психокоррекционных и реабилитационных методов, так и для более точного прогнозирования ожидаемой эффективности психотерапевтических воздействий и перспектив социальной реабилитации пациентов в зависимости от их индивидуально-личностных особенностей.

Выводы

1. Враждебность — это совокупность негативных отношений к актуально воспринимаемым объектам (объекту), характеризующаяся степенью выраженности (общий уровень враждебности), степенью осознанности и генерализации, степенью устойчивости и степенью субъективной значимости.

2. У психически больных отмечаются достоверно повышенные количественные показатели враждебности по сравнению с нормой, что подтверждается более высокими значениями общего уровня враждебности, полученными в тестовых заданиях.

3. При психической патологии отмечается качественная специфика враждебности, выражающаяся в подозрительности, настороженности, амбивалентности, экстрапунитивности и генерализации враждебного отношения; эти характеристики проявляются не только в тестовых значениях, но также в поведении больных внутри и вне ситуации обследования.

4. Враждебность является устойчивой во времени характеристикой и не зависит от длительности течения заболевания и возраста больных, что позволяет рассматривать ее как психологический показатель индивидуальной уязвимости к психическим расстройствам.

5. Враждебность является универсальным, неспецифическим фактором психической патологии, так как показатели враждебности не обнаруживают связи с нозологической принадлежностью заболевания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова А.А. Агрессивность при депрессивных расстройствах: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Бардеништейн Л.М., Можгинский Ю.Б. Патологическое гетероагрессивное поведение у подростков. М.: ООО «Зеркало М», 2002.

Ваксман А.В. Враждебность и агрессивность в структуре депрессии (закономерности формирования, прогностическая значимость, терапия и социально-психическая адаптация): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Вильдавская Л.М. Особенности семейного окружения больных эндогенными психическими расстройствами юношеского возраста // *Обозр. психиатр. и мед. психол. им. В.М. Бехтерева.* 1995. № 4. С. 272—274.

Герасимов А.В. Тест «Рука» // *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексологическая экспертиза. М.: Изд-во РИОГНЦСиСП им. В.П. Сербского, 1999. Т. 1. С. 87—98.

Ениколопов С.Н., Садовская А.В. Враждебность и проблема здоровья человека // *Журн. неврол. и психиатр. им. Корсакова.* 2000. № 7. С. 59—64.

Исаев Д.Н. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб.: Специальная литература, 1996.

Коцюбинский А.П. Шизофрения: уязвимость — диатез — стресс — заболевание. СПб.: Гиппократ+, 2004.

Мясищев В.Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека // *Психология сознания / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова.* СПб.: Питер, 2001, С. 57.

Охматовская А.В. Психологические особенности враждебности у больных с психосоматическим заболеванием (бронхиальная астма): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Падун М.А. Особенности базисных убеждений у лиц, переживших травматический стресс: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Соловьёва С.Л. Агрессивность как свойство личности в норме и в патологии. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1997.

Тиганов А.С. Эндогенные депрессии: вопросы классификации и систематики // Депрессии и коморбидные расстройства / Под ред. А.Б. Смулевича. М.: Медицина, 1997. С. 12—26.

Barefoot J.C. Developments in the measurement of hostility // *Hostility, coping and health* / Ed. by H.S. Friedman. Washington, DC: APA, 1992. P. 13—31.

Biaggio M.K., Godwin W.H. Relation of depression to anger and hostility constructs // *Psychological Reports*. 1987. Vol. 61. P. 87—90.

Blackburn I.M. The pattern of hostility in affective illness // *Brit. Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 125. P. 141—145.

Epstein S. The self-concept, the traumatic neurosis, and the structure of personality // *Perspectives in Personality*. 1991. Vol. 3. P. 63—98.

Fava G.A., Grandi S., Rafanelli C. et al. Hostility and irritable mood in panic disorder with agoraphobia // *Journal of Affective Disorders*. 1993. Vol. 29(4). P. 213—217.

Haines J., Williams C.L., Brain K.L. The psychopathology of incarcerated self-mutilators // *Canadian Journal of Psychiatry*. 1995. Vol. 40(9). P. 514—522.

Han K., Weed N.C., Calhoun R.F., Butcher J.N. Psychometric characteristics of the MMPI – 2 Cook-Medley Hostility Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1995. Vol. 65(3). P. 567—585.

Janoff-Bulman R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. N.Y.: The free press, 1992.

Mayo P.R. Some psychological changes associated with improvement in depression // *Brit. Journal of Social and Clinical Psychology*. 1967. Vol. 6. P. 63—68.

Moreno J.K., Selby M.J., Fuhrman A., Laver G.D. Hostility in depression // *Psychological Reports*. 1995. Vol. 75. P. 1391—1401.

Smith T.W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis // *Health Psychology*. 1992. Vol. 11. P. 139—150.

Suls J., Sanders G.S. Why do some behavioral styles place people at coronary risk? // *In search of coronary-prone behavior: Beyond Type A* / Ed. by W. Siegman, T.M. Dembroski. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. P. 1—20.

Weissman M.M., Klerman G.L. Clinical evaluation of hostility in depression // *Amer. Journal of Psychiatry*. 1971. Vol. 128. P. 261—266.

Wei Wang, Warwick J., Nettelbeck T. Zuckerman-Kuhlman's personality questionnaire in patients with major depression // *Social Behavior and Personality: An Intern. Journal*. 2002. Vol. 30. P. 757—764.

Williams R.B. Jr., Barefoot J.C., Shekelle R.B. The health consequences of hostility // *Anger and hostility in cardiovascular and behavioral disorders* / Ed. by M.A. Chesney, R.H. Rosenman. Washington, DC: Hemisphere, 1985. P. 173—185.

Поступила в редакцию

10.03.14

ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

О. Г. Носкова

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА

В статье обсуждается соотношение общепсихологической теории деятельности и психологии труда. Представлены достижения психологии труда как научно-технической дисциплины, объединяющей конкретно-научные концепции и теории, ориентированные на задачи социальной практики. К таким концепциям отнесены: подходы и методы психологического изучения профессиональной деятельности, научные проекты психологической классификации профессий; исследования проблемы внутрииндивидуальной изменчивости работоспособности человека под влиянием трудовой нагрузки, теории функциональных состояний субъекта труда, включающие коррекцию их неблагоприятных разновидностей; теории дифференциальной психологии и психологии развития, используемые в профотборе и карьерном консультировании; варианты учения о психологии ошибочных действий, применяемые в управлении качеством и безопасностью труда; концепции совместной трудовой деятельности, дополняющие исследования индивидуальных форм труда; теории трудовой мотивации; психосемантический подход в изучении профессионального сознания и самосознания и др. Обсуждается опыт психологии труда в психологическом изучении внешней предметной деятельности как основы анализа ментальных процессов и свойств субъекта труда. В итоге анализа сделан вывод о том, что общепсихологическая теория деятельности выполняет по отношению к психологии труда роль философско-методологической основы и общенаучной теории в понимании психики человека — субъекта труда; она имеет статус конкретно-научной теории применительно к задачам профессионального развития и обучения. Практические задачи психологии труда, выходящие за рамки обучения и развития, требуют разработки специальных научных концепций и теорий, дополняющих общепсихологическую теорию деятельности.

Ключевые слова: теория деятельности, труд, психология труда, задачи социальной практики, научные концепции разного уровня, оценка применимости и достаточности научной теории.

Носкова Ольга Геннадьевна — докт. психол. наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* nog4813@mail.ru

The article discusses the relationship of the general psychological theory of activity and work-psychology. The achievements of labor psychology as a scientific and technical discipline that combines concrete scientific concepts and theories focused on the problem of social practice. These concepts include: approaches and methods of psychological study of professional activities, research projects psychological classification of occupations; theory of work motivation; research problems of intra-individual variability of human performance under the influence of workload, theory of functional states of the subject of work, including the correction of adverse varieties; the theory of differential and developmental psychology used in professional selection and career counseling; options for teaching about the psychology of erroneous actions used in quality management and safety; complementing studies of individual forms of labor; psychosemantic professional approach to the study of consciousness and self- work experience in the psychological study of foreign object activity as the basis of analysis of the mental processes and properties of the subject of work. As a result, the analysis concluded that the general psychological theory of activity performs in relation to the role of labor psychology philosophical and methodological framework and general scientific theory in understanding the psyche of the human subject of labor. It has the status of concrete scientific theory as applied to problems of professional development and training. Psychology of work, beyond training and development, require the development of specific scientific concepts and theories that complement general psychological theory of activity.

Key words: activity theory, work, work psychology, social practice problems, scientific concepts of different levels, assessment of the applicability and adequacy of scientific theory.

Представления о соотношении фундаментальной и прикладной психологии, особенностях их взаимодействия и взаимовлияния являются предметом дискуссий; достижения отечественных и зарубежных ученых рассматриваются как опыт, требующий бережного отношения и одновременно рефлексии и критики (Грачёв, 2013; Гусельцева, 2013; Ушаков, 2011, 2013; и др.).

В данной статье предполагается рассмотреть вопрос о том, как использовалась *общепсихологическая теория деятельности* (ОПТД) в контексте проблем психологии труда в течение последних 30—35 лет. Что из ее арсенала оказалось востребованным и остается актуальным до сих пор? Какие выявились ограничения и недостатки, какие обозначились «точки роста»?¹

Развернутый анализ понимания трудовой деятельности человека в контексте ОПТД был дан в статье В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева и Д.Ю. Панова, открывающей сборник «Инженерная

¹ Следует отметить, что в статье представлена частная позиция автора, ряд выдвигаемых положений носит дискуссионный характер. Автор будет признателен читателям за конструктивные критические замечания.

психология» (1964). Перечислим сформулированные авторами ключевые положения о психологии труда. Трудовая деятельность рассматривается как основная человеческая деятельность в силу ее продуктивного характера; отмечается орудийность трудовой деятельности, культурно-историческая природа орудий. Вслед за К. Марксом и Г.В. Плехановым авторы статьи подчеркивают мысль о том, что вся история человеческой цивилизации в своей основе становится историей усовершенствования орудий как искусственных органов. Человек в этом контексте оказывается прежде всего субъектом трудовой деятельности; осуществляя трудовые замыслы, он преодолевает с помощью орудий косность природных материалов и одновременно — свою собственную биологически заданную косность, развивая новые культурно-исторически детерминированные способности, дополняя способности биологически обусловленные. Онтогенез человека, живущего в цивилизованном мире, подчиняется закономерностям овладения орудиями. Эта общая закономерность справедлива как для овладения предметно-вещными орудиями, так и орудиями-символами. Орудия трудовой деятельности в их культурно-исторической регламентации способствуют перестройке поведения человека и прижизненному формированию новых, социально обусловленных способностей; данная закономерность справедлива для всех форм человеческой активности. Признается орудийная природа и назначение всей совокупности машин, знаний, технологий, наук, их статус как искусственных органов деятельности цивилизованного человека (там же, с. 9). Устранение человека — субъекта труда из современного мира труда, по мнению авторов статьи, неизбежно превратило бы этот мир в груды железа, множество ненужных предметов. Утверждается положение о «принципиальной неустрашимости» человека из производственных процессов.

На наш взгляд, все эти положения не утратили своей актуальности и сегодня, хотя все мы являемся свидетелями замены живого труда его автоматическими аналогами применительно не только к психомоторным эргатическим функциям, но также к функциям перцептивным, мнемическим, логическим. Подобное понимание роли труда в истории цивилизации и онтогенезе человека использовалось авторами статьи как основа пересмотра проблематики психологической науки с точки зрения перспектив ее развития. Психология труда, писали они, «перестает быть только специальной ветвью психологии... ее теоретические проблемы становятся также и важнейшими проблемами общей психологии человека» (там же).

Теперь рассмотрим трудности и ограничения использования ОПТД в разработке проблем психологии труда и инженерной психологии и способы их преодоления.

1. Проблема исследования внешней предметной деятельности.

Методический и понятийный аппарат ОПТД оказался мало приспособлен для описания содержания внешней предметной (в частности, трудовой) деятельности, и более того — такая задача длительное время специально не ставилась; считалось, что психологи не должны такими задачами заниматься, ибо их предмет — преимущественно внутренние психические процессы, внутренняя психическая деятельность. С.Л. Рубинштейн писал в этой связи в книге «Основы общей психологии»: «... Труд в целом не психологическая, а социальная категория. В своих основных общественных закономерностях он предмет не психологии, а общественных наук. Предметом психологического изучения является поэтому никак не труд в целом, а только психологические компоненты трудовой деятельности» (Рубинштейн, 1999, с. 473; курсив мой. — О.Н.).

А.Н. Леонтьев склонялся к тому, чтобы распространить психологическое исследование за рамки сугубо ментальных процессов, он писал: «... для того чтобы понять природу данного образа, я должен изучать порождающий его процесс, а он в рассматриваемом случае является процессом внешним и практическим» (Леонтьев, 1972, с. 100—101). Ученый подчеркивал необходимый, вынужденный характер этого исследования внешней предметной деятельности как акта, нарушающего научные традиции. Так, в той же статье А.Н. Леонтьев пишет далее: «Хочу я этого или не хочу, соответствует или не соответствует это моим теоретическим взглядам, я все же вынужден включить в предмет моего психологического исследования само внешнее практическое действие субъекта» (там же, с. 101; курсив мой. — О.Н.). Алексей Николаевич отмечал парадоксальную ситуацию, состоящую в том, что единая деятельность, имеющая внешнюю и внутреннюю стороны, распадается при ее изучении на части. При этом внутренняя сторона оказывается предметом психологии, а внешняя предметная деятельность выпадает из рассмотрения, и никакая отрасль науки не берется ее исследовать. Более того, психический образ отрывался от процесса, в котором он порождался, и от той действительности, которую он отображал. Рефлексия причин этого парадокса привела А.Н. Леонтьева к пониманию психических образов, процессов их порождения и функционирования как некоей «инфраструктуры, не существующей вне суперструктуры» (цит. по: Леонтьев А.А. и др., 2005, с. 129).

Итак, классики отечественной общей психологии утверждали положение о единстве сознания и деятельности, проводили тезис о единой структуре внешней и внутренней деятельности, но эмпирически эти идеи сложно было верифицировать, так как внешняя предметная деятельность оказывалась либо за рамками психологии, либо предлагалось ее исследовать, но лишь в перспективе, как ре-

шение задачи, необходимой для развития психологической теории деятельности.

Выход применительно к изучению профессиональной деятельности предложил Б.Ф. Ломов, который писал в статье «К проблеме деятельности в психологии»: «Что же все-таки исследуется психологией в индивидуальной деятельности? Не предмет, не средства, не условия, не продукт. Тогда что же? Говоря очень кратко, объектом ее анализа является индивид как *субъект деятельности*» (Ломов, 1981, с. 19). Но субъект деятельности изучается не только психологами. В этой связи Ломов наметил для психологов исследование «различных форм, видов и уровней субъективного отражения объективной действительности действующим человеком» (там же). Возможно, Б.Ф. Ломов имел в виду, что предметы труда (как исходные состояния объекта), продукты труда, условия труда сами по себе являются составляющими материальной и духовной культуры общества и подчиняются законам инженерии, технологической мысли, социологии. Так, например, конечные продукты производства, готовые к реализации, исследуют специалисты-товароведы, условия труда оценивают и преобразуют инженеры по охране труда, врачи-гигиенисты и т.д. Руководствуясь системной методологией, Б.Ф. Ломов подчеркивал мысль о том, что объектные компоненты внешней деятельности могут оказаться в поле исследования психологов лишь как объекты сознательного отображения *субъектом труда* важных для его деятельности сторон действительности.

В.В. Давыдов (1996) усматривал предпосылки указанных А.Н. Леонтьевым трудностей в ориентации психологов на сложившуюся еще в Новое время познавательную парадигму, согласно которой в науках абсолютизировалось исследование, получение нового знания — вне рассмотрения практик его использования. В конце XX в., по мнению Давыдова, подобная познавательная установка оказалась принципиально ограниченной, ибо при этом обесценивались виды познания реальности, требующие ориентации ученого не только на то, что уже существует, но и на процессы и результаты проектирования, конструирования, программирования, планирования, нуждающиеся в специализированной методологии, учитывающей полидисциплинарный статус теории деятельности. Давыдов подчеркивал необходимость познания переходов от прошлого состояния изучаемой реальности к будущему, потребному состоянию. В этой связи психологам необходима методология, позволяющая осуществлять «конкретный теоретико-деятельностный анализ», который приобретает, согласно В.В. Давыдову, «важнейшее значение» (там же, с. 53). Тем самым была подчеркнута роль частных форм социальной практики в разработке и использовании определенных разновидностей теории деятельности, адекватных решению

конкретных прикладных задач. Близкие идеи высказывал в 1926 г. Л.С. Выготский, когда писал о методологическом значении практики (психотехнической, военной, педагогической, медицинской и пр.) для развития методологии общепсихологической теории (Выготский, 1982, с. 387—388).

В работах ведущих отечественных ученых 1920-х гг., представителей рефлексологии труда, индустриальной психотехники и педологии — М.Я. Басова (1930), С.Г. Геллерштейна (1926/1983), И.Н. Шпильрейна (1928) и др. — сложилась методология, согласно которой профессиональное своеобразие психических процессов работника рассматривалось как закономерный продукт и функциональная основа его трудовой деятельности. В этой связи предметом психологического изучения неизбежно оказывались объектные компоненты трудовой задачи — предмет и продукт труда, используемые орудия-средства и условия работы (схему психологического изучения профессий, впервые опубликованную в 1926 г., см.: Геллерштейн, 1983, с. 127). Опыт психологического изучения многообразных форм профессиональной деятельности людей привел психологов труда к осознанию того, что невозможно исследовать, понять специфику психических, сознательных проявлений профессионала, не изучая его деятельность во всей ее полноте, включая ее предметное содержание, орудийное оснащение, условия и прочие *объектные*, а по сути — *непсихологические стороны труда*. Опыт индустриальной психотехники был взят на вооружение и получил развитие в работах Е.А. Климова, который предложил программу психологического изучения внешней предметной профессиональной деятельности субъекта труда в составе компонентов трудового поста; климовская программа охватывала типологию эргатических функций, разновидности продуктов труда, средств труда, условий труда, трудовых действий (Климов, 1997, 1998).

Профессиографирование (психологическое описание конкретных социально заданных видов труда в организации) – классическое направление в американской индустриально-организационной психологии (Джуэлл, 2001). Психологический анализ труда был включен как обязательный компонент в программу эргономического анализа конкретной трудовой деятельности в методе эргономического анализа работы (АЕТ — *Das Arbeitswissenschaftliche Erhebungsverfahren zur Tätigkeitsanalyse*), разработанном немецким исследователем К. Ландау в 1978 г. (цит. по: Друри и др., 1991).

И действительно, если принять положение о том, что предметное содержание сознания субъекта должно соответствовать предметному содержанию его практической деятельности, то следует согласиться с требованием включения в область психологических исследований не только механизмов образной психической регуля-

ции деятельности, но и характеристик самих *объектных компонентов деятельности*, отображаемых в психических образах (Иванова, 2011; Карпов, 2003; Суходольский, 1988).

Следует отметить, что решение вопроса о том, что конкретно должны исследовать психологи в профессиональной деятельности человека, — определяется не только *общенаучной (общепсихологической) методологией*, но и методологией *специальной*, под которой понимается свод правил, рекомендаций, помогающих психологу эффективно справиться с выбранными прикладными задачами. В этой связи Г.В. Суходольский (1988) ввел *постулат взаимодействия*, подчеркивающий положение о диалектическом единстве профессионального содержания сознания трудящегося и выполняемой им внешней, материальной, непсихической деятельности.

2. ОПТД неприменима на начальных этапах профессиографирования, в изучении новых профессий. И это действительно так, ибо, приступая к изучению конкретного вида профессионального труда, психологи не могут использовать понятийный аппарат ОПТД. Психологам приходится употреблять средства анализа задач, заданий, изучать должностные инструкции и другие социально-нормативные источники, с помощью которых зафиксированы, социально заданы требуемые цели, средства, процессы и условия достижения этих целей (целей, внешне объективно регламентированных, а не сформулированных субъектом труда, целей, соответствующих должности, позиции, социально-профессиональной роли). Лишь на последующих этапах по мере установления смысловых отношений конкретного работника (субъекта труда) к выполняемым задачам, а также при выяснении формы участия сознательного контроля субъекта в регуляции каждого трудового акта можно переходить к использованию терминов ОПТД и называть изученный и описанный процесс «деятельностью», «действием» или «операцией» согласно ОПТД. До той поры пока психолог не получил фактов о субъективной значимости выполняемых трудовых актов для их субъекта и степени возможной автоматизации (или деавтоматизации) их осуществления, — эти термины («деятельность», «действие», «операция») использовать некорректно. Поэтому начальные этапы психологического изучения профессиональной активности работника по необходимости выполняются с применением терминологии функциональной психологии (а не бихевиоризма!), описываются и анализируются «целенаправленные трудовые акты» (действия) во всем их содержательном и функциональном многообразии. При этом используются методы и понятийный аппарат исследования операций, анализа задач, теории информации, компонентно-целевого анализа, операционно-структурного анализа, логико-

вероятностного алгоритмического описания профессиональной активности субъекта. Указанные методы применялись и применяются как отечественными, так и зарубежными исследователями (Алгера, 1995; Друри и др., 1991; Зараковский, 1966; Пушкин, 1965; Шадриков, 1979, 1994).

Следует отметить также несовпадение содержания понятия «операция» в работах А.Н. Леонтьева и в текстах инженеров-технологов и организаторов производства (специалистов в области производственного менеджмента), описывающих производственный процесс и его стадии. Как известно, А.Н. Леонтьев понимал под операциями способы, приемы выполнения действий, и таким образом, одно действие могло охватывать один или несколько специфических приемов (операций). В практике организационного проектирования труда и производственного процесса в целом используется понятие «производственная операция»; при этом под «операцией» имеется в виду часть производственного процесса, выполняемая одним работником (или их группой) на определенном рабочем месте с использованием определенной совокупности технических средств. Такая «операция» предполагает выполнение работником ряда трудовых действий. Другими словами, в организации труда и производства соотношение терминов «операция» и «действие» противоположно их использованию в ОПТД. Указанное различие в значении этих терминов важно учитывать при психологическом изучении технической документации, а также в общении с производственниками, в корректном употреблении этих терминов при оформлении психологических рекомендаций для заказчика.

3. Проблема психологической классификации видов деятельности (в частности, профессиональной) в ОПТД не обсуждалась, тогда как для психологии труда ее актуальность несомненна. Если психологи считают феномены психической реальности явлениями закономерными и действительно существующими, эти феномены полезно описать и систематизировать, выделив в них общие и специфичные моменты. Мир психических явлений процессуален, изменчив, трудноуловим, недоступен непосредственному наблюдению, но может быть исследован по косвенным признакам. Поэтому, опираясь на признание закономерных связей психики субъекта и объектных характеристик его деятельности, можно составить относительно полное представление о многообразии явлений психической реальности профессионалов, используя картину разнообразия соответствующих им объективных свойств внешней предметной профессиональной деятельности.

Под руководством Е.А. Климова в 1970-е гг. были разработаны общие программы психологического изучения компонентов со-

циально заданной предметной деятельности, которые подлежали психологическому изучению как реальность, которую должен осваивать и удерживать в сознании субъект труда (Галкина и др., 1972; Климов, 1998). Были использованы в качестве прототипа идеи Н.К. Гусева, предложившего в 1930-е гг. близкий к климовскому вариант классификации профессий. Каждая профессия рассматривалась Е.А. Климовым как многопризнаковый объект, природа сочетания этих признаков понималась как детерминированная социально-экономическим развитием общества. «Признаки» характеризовали четыре их группы: 1) внешне социально-заданное предметное содержание выполняемых профессиональных задач (типы труда — социономический, артономический, сигнономический, биономический, технономический); 2) преобладающие цели трудовых действий (преобразовательные, гностические или изыскательские цели); 3) используемые субъектом разновидности средств труда (ручные, механизированные, автоматизированные, функциональные средства); 4) группы условий труда (труд на открытом воздухе, труд в бытовых условиях, работа при наличии неблагоприятных факторов, работа в условиях повышенных требований к морально-нравственным качествам субъекта труда). Указанные 16 признаков, упорядоченные в четыре яруса, составили основу классификации профессий в целях профориентации школьников (Галкина и др., 1972; Климов, 1971, 1996 а, б). Пусть составленные Е.А. Климовым схемы еще далеки от завершения, начало исследований положено, понятны возможные результаты. Собраны по единой программе значительные массивы эмпирических данных, иллюстрирующих соотношение объектных характеристик труда и свойств субъектов труда. Не только теоретически признана значимость изучения и систематизации внешней предметной профессиональной деятельности как важной основы деятельности внутренней, психической, но именно на этой базе проводится изучение каждой новой конкретной профессиональной деятельности, а также создается классификация профессий. Последователями Е.А. Климова разработаны классификации социономических, артономических, гностических профессий, представлена программа анализа профессий по 53 признакам (Пчелинова, 2011). Собранные профессиографические материалы и типологии профессий позволяют психологам ориентироваться в мире профессий, находить сходства и отличия, границы исследуемых проявлений психической реальности.

4. Изучение психических процессов (перцептивных, мнемических, мыслительных, имажинитивных, attentionных, коммуникативных, психомоторных) в русле ОПТД предполагает их понимание не как биологически фиксированных функций, но как способностей,

прижизненно формирующихся и произвольно регулируемых на основе овладения орудиями (речью), как целенаправленных внутри-субъектных действий. Е.А. Климов предложил процедуру выявления такого рода внутренних целенаправленных действий как составляющих профессиональной деятельности, технологию, доступную даже студентам непсихологических специальностей (Климов, 1997, с. 151—195). Данный подход в полной мере пока не используется в ОПТД, хотя психологи работают над перестройкой учебных психологических дисциплин в обозначенном направлении.

5. В психологии труда приняты положения о необходимом сочетании функционально-структурного (Шадриков, 1994) и темпорального подходов в психологическом исследовании профессиональной деятельности человека (Стрелков, 2001, 2008, 2010а, б). Деятельность процессуальна по своей природе, но для классических образцов ее эмпирического изучения типичны скорее описания смены структур, схем, отмечаются сдвиги, изменения переживаний субъекта, но без тщательного описания этих изменений во времени, без учета микродинамики. Определенный прорыв был сделан в этой области при изучении когнитивных и сенсомоторных процессов оператора методом микроструктурного анализа (Мунипов, Зинченко, 2001). Психологическое изучение транспортных профессий (Стрелков, 2001, 2008, 2010а, б) потребовало развития темпорального подхода в психологическом исследовании профессиональной деятельности. Речь идет о разработке понятийных средств и методов временного анализа трудовой деятельности, а также о технологиях тайм-менеджмента. Для психологии труда перспективны идеи роли хронотопических образований памяти в развитии личностной саморегуляции, выдвинутые В.Я. Ляудис (1991), а также теория и методы эмпирического изучения автобиографической памяти, разрабатываемые В.В. Нурковой (2011). В частности, исследования автобиографическим методом могут высветить особенности профессионального развития, функционирования личности в труде, эмоциональные переживания, сопровождавшие трудовую деятельность, и многое другое.

6. Для решения задач практики, связанных с необходимостью прогнозирования профессиональной успешности деятельности кандидатов на вакансии, в условиях, когда количество претендентов значительно превышает число вакантных мест, — получили развитие научные концепции, подходы и методы, опирающиеся на дифференциальную психологию, тестологию, исследования межличностной изменчивости. Проблемы изучения, диагностики и прогноза стойких индивидуально-психологических различий как

факторов успешности профессиональной деятельности взрослых людей (в связи с задачами профотбора и карьерного консультирования) не рассматриваются в русле ОПТД, но относятся к дифференциальной психологии, тестологии и профессиональной психодиагностике как разделу психологии труда (Бодров, 2001; Гуревич, 1970; Кулагин, 1984; Шмелёв, 2013).

7. В психологии труда, инженерной психологии и эргономике исследуются феномены и факторы внутрииндивидуальной изменчивости субъектных ресурсов профессиональной работоспособности человека, динамика функционального состояния работника в зависимости от характера и длительности трудовой нагрузки, разрабатываются концепции профессионального стресса, сенсорной изоляции, монотонии, психического пресыщения, которые традиционно мало исследовались в русле ОПТД. В работах Л.Г. Дикой (2003), А.Б. Леоновой (1989, 2000), А.Б. Леоновой и А.С. Кузнецовой (2009) помимо теоретического освоения обозначенных выше проблем разработана действенная технология как диагностики, так и коррекции (психической саморегуляции) функциональных состояний.

8. ОПТД рассматривает феномены развития психики человека, не интегрируя в достаточной мере явления и концепции, описывающие индивидуальные стили деятельности, способы их изучения и направленного формирования, социально нежелательные варианты онтогенеза и отклонения профессионального развития, кризисы профессионального развития, критерии идеала, нормального труда и развития его субъекта, оставляя эту проблематику психологии труда и акмеологии (Зеер, Сыманюк, 2005; Климов, 2003).

9. Классические тексты ОПТД ограничены обращением к индивидуальным формам деятельности, тогда как в современном труде человек участвует, как правило, в совместной деятельности. Необходимо совершенствование инструмента анализа профессиональных взаимодействий, форм трудовой кооперации и конкуренции, разновидностей профессионального общения, которое позволяло бы выявлять не только формальные признаки социально-психологических явлений, но и предметное содержание взаимодействий в совместной профессиональной деятельности (Андреева, 1980; , 2005). Возможно, социальным психологам, как и психологам труда, полезно было бы вновь обратиться к аппарату социальной аналитики, изучению процессов взаимодействия в «Системе социологии» П.А. Сорокина (2008), а также к трудам его ученика, социолога Т. Парсонса (2000) в целях использования достижений этих ученых в исследовании взаимодействий групп-

пового субъекта труда. Перспективны объединения достижений социальных психологов, представителей психологии управления, организационной психологии, психологии труда для разработки методов исследования, описания, анализа профессиональных взаимодействий в целях использования результатов исследования в практике проектирования и реинжиниринга форм организации труда, повышения его эффективности (Социальная..., 2010).

10. Классические общепсихологические описания мотивационно-смысловой сферы субъекта деятельности сложно применить в исследовании конкретных работающих людей. Сложности связаны с тем, что ОПТД фиксирует базовые соотношения и переходы мотивов и смыслов, мотивов и целей действий. Это помогает понять психологическую суть этих процессов, но в исследовании реальных профессионалов приходится апеллировать к полимотивированности труда, выявлять иерархию мотивов (Кокурина, 1990), учитывать их изменчивость, а не только относительно устойчивые мотивы. Значительным достижением в данной области является концепция психологии смысла Д.А. Леонтьева (1999). Арсенал предложенных им и другими учеными методов изучения смысловых образований широко используется в исследованиях мотивационно-смысловой сферы профессионалов.

11. ОПТД оставляла в стороне вопросы оптимизации труда, повышения его продуктивности, комфортности условий и средств труда, но подобные задачи неизменно ставились и решались психологами (психотехниками и психофизиологами труда) уже в 20-е годы XX века в рамках нотовского движения. В настоящее время данная проблематика возрождается в концепциях «бережливого производства», реинжиниринга рабочих мест, в рамках эргономического проектирования и рационализации труда и его условий (Мунипов, Зинченко, 2001).

12. Проблема правильного выполнения трудовых действий и опасных по своим последствиям вариаций действий, приводящих к ошибкам, браку, авариям, — также, по большому счету, остается вне поля анализа ОПТД. Эти социально важные задачи и адекватные им научные проблемы традиционно являются центральными для психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Общепсихологические положения не утрачивают здесь своего значения, а именно положения о ведущей роли смысловой регуляции деятельности, понимания сути профессионализма и способов его формирования. Но в соответствии с системной природой исследуемых явлений общепсихологические положения должны быть

дополнены специальными научно-психологическими концепциями (в области социальной психологии, психологии труда, дифференциальной психологии, психологии разных форм организации труда, психологии воздействия, медико-биологических знаний, инженерно-технического и эргономического обеспечения безопасности труда), развернутыми применительно к изучению конкретных видов профессиональной деятельности (Козлов, 2008; Котик, 1980; Котик, Емельянов, 1993; Стрелков, 2001).

13. Намеченные в работах наших классиков пути изучения структуры и функций сознания личности, осуществляющей профессиональную деятельность, получили развитие в работах, выполненных в рамках психосемантики, в том числе психосемантики профессий (Абдуллаева, 2011; Артемьева, 1999; Петренко, 1997; Серкин, 2008). Е.А. Климову удалось эмпирически подтвердить существование неслучайных особенностей образа мира у представителей разнотипных профессий (Климов, 1995). Введены новые научные понятия и методы эмпирического изучения описываемой ими психической реальности: профессиональная идентичность, профессиональный опыт, профессиональное сознание, профессиональные страхи и эмоциональные переживания (Стрелков, 2001; Шнейдер, 2004).

Заключение

В итоге проведенного анализа можно говорить о применении в отечественной психологии труда и инженерной психологии ОПТД, главным образом в форме ее ключевых обобщений. К последним относятся представления о том, что психика не только проявляется, но и формируется, развивается, изменяется в деятельности субъекта; по процессу и результатам деятельности субъекта судят о направленности его личности, его ценностных ориентациях, идеалах, характере; в зависимости от того, в какие виды деятельности вовлечен человек, у него формируются социально-ценные или социально-нежелательные качества (Климов, 1997, с. 196). Для современной психологии труда важны общепсихологические положения о том, что содержание индивидуального сознания, выполняющее ориентировочную и регулятивную функцию в жизнедеятельности человека, порождается и обновляется в процессе деятельности, и, наоборот, сознание субъекта регулирует, направляет, изменяет и оценивает его деятельность. Признано, что психические явления не сводятся исключительно к отображительной, ориентирующей и регуляторной функциям. Не менее важны в труде функции проектирования нового замысла, принятия решения, координации активности и коммуникации субъекта деятельности с другими людьми. Реали-

зация этих конструктивно-воздейственных и коммуникативно-организационных функций предполагает не просто отображение наличной, данной субъекту среды и адаптацию к ней (действия, адекватные сложившейся ситуации), но и творческое преобразование среды, ее объектов в соответствии с целями, замыслом субъекта (Давыдов, 1996).

Получило признание требование психологического изучения как внутренних психических процессов, действий и операций, так и внешних, предметных действий, предметно-пространственного окружения; проводится исследование не только внутренних, но и внешних, культурно обусловленных орудий трудовой деятельности; развиваются методы и технологии психологической интерпретации профессиональных задач, внешних объектных компонентов трудовой деятельности как основы для косвенного (опосредованного) суждения о внутренних психических процессах, осуществляемых субъектом труда².

Лучшая память ученому и его идеям, на наш взгляд, состоит не только в их использовании, внедрении во все новых областях, но и в попытках совершенствования, развития, трансформации научных положений. Для адептов научной теории формы ее развития могут быть разнообразными, включая расширение областей внедрения, уточнение границ применения, уточнение и даже трансформацию понятий, получение новых эмпирических фактов и зависимостей, требующих более сложных, или комплексных, системных форм анализа, применение новых методов исследования и т.д.

Статус научного знания — общепсихологический, фундаментальный или специализированный, частный — обосновывается как используемым уровнем обобщения, так и шириной областей приложения, типом практических задач, для которых научная концепция выступает в качестве объяснительной модели. Дело методологов (пока еще не выполненное в нужной мере) — собрать и проанализировать типовые задачи практики, которыми фактически занимаются психологи как представители разных актуальных направлений прикладной психологии (а не какого-то одного, избранного методологом направления). Пока эта задача (как форма реализации ОПТД применительно к труду самих ученых-психологов) не выполнена, сложно дать однозначную оценку степени универсальности, достаточности, завершенности какой-либо научно-психологической теории. Мало утешать себя формулой о самодостаточности «хорошей теории», которая годится для практики уже потому, что большинство ученых согласились с тем, что

² Имеется в виду понимание особенностей психических процессов субъекта труда посредством психологической интерпретации выполняемых им профессиональных задач.

она «хорошая», и практикам якобы остается только применять эту хорошую теорию во всех случаях жизни.

Мы благодарны нашим учителям, которые в идеологически сложных для науки условиях сохранили замечательные идеи, теории, тексты школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурия и их ближайших единомышленников. Но сфера приложений психологической науки стремительно расширяется и требует разработки теорий специализированных, адаптированных или обновленных применительно к новым задачам социальной практики.

Как известно, принято выделять разные уровни теоретико-методологического знания: философский, общенаучный, конкретно-научный, техники и методики (Юдин, 1978). ОПТД, безусловно, выступает по отношению к психологии труда в роли философско-методологической базы и общенаучной теории в понимании природы и сущности проявлений психики человека-субъекта труда. ОПТД с успехом используется в качестве конкретно-научной теории применительно к задачам профессионального развития и обучения (в форме теории поэтапно-планомерного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, психологической теории учения Н.Ф. Талызиной, концепции профессионального обучения З.А. Решетовой и др.). По отношению к научным проблемам, связанным с иными задачами социальной практики, предполагающими анализ процессов *функционирования* человека как субъекта труда, т.е. выходящими за рамки проблем *обучения и развития*, — ОПТД оказывается недостаточной (Щедровицкий, 1995). Здесь требуется разработка *дополнительных* (но не заменяющих ОПТД) конкретно-научных теорий, использующих специализированный понятийный и методический аппарат и адекватных многообразию практических задач прикладной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаева М.М. Психосемантические модели профессиональной деятельности // Психология субъективной семантики: Истоки и развитие / Под ред. И.Б. Ханиной, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 399—414.

Алгера Дж.А. Анализ трудовых задач и новые технологии // Психология труда и организационная психология: современное состояние и перспективы развития. Хрестоматия / Сост.-ред. А.Б. Леонова, О.Н. Чернышева. М.: Радикс, 1995. С. 21—38.

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Артемова Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999.

Басов М.Я. Общие основы педологии. М.; Л.: Госиздательство, 1930.

Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Уч. пособие. М.: Пер Сэ, 2001.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291—436.

Галкина О.И., Каверина Р.Д., Климов Е.А. и др. Информационно-поисковая система «Профессиография»: Методические рекомендации / Под ред. Е.А. Климова. Л.: ВНИИ Профтехобразования, 1972.

Геллерштейн С.Г. Психотехника (1926) // История советской психологии труда. Тексты (20—30-е годы XX века) / Под ред. В.П. Зинченко и др. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1983. С. 127—132.

Грачёв А.А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 1. С. 15—24.

Гуревич К.М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М.: Наука, 1970.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013.

Давыдов В.В. Теория деятельности и социальная практика // Вопр. философии. 1996. № 5. С. 52—62.

Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. Учебник. СПб.: Питер, 2001.

Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2003.

Друри Г., Парамор Б., Ван Котт Е. и др. Анализ заданий // Человеческий фактор: В 6 т. М.: Мир, 1991. Т. 4. С. 114—163.

Журавлёв А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Журавлёв А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 3. С. 5—16.

Журавлёв А.Л., Ушаков Д.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества: постановка проблем и теоретико-методологические задачи // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 1. С. 3—14.

Зараковский Г.М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. Логико-вероятностный подход при изучении труда управляющего типа. М.: Наука, 1966.

Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.

Зинченко В.П., Леонтьев А.Н., Панов Д.Ю. Проблемы инженерной психологии // Инженерная психология / Под ред. А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Д.Ю. Панова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 5—23.

Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. М.: Пер Сэ, 2011.

Карпов А.В. Психология профессиональной деятельности // Психология труда. Учебник для вузов / Под ред. А.В. Карпова. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. С. 51—67.

Климов Е.А. Школа... а дальше? (Старшекласснику о выборе профессии). Л.: Лениздат, 1971.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996а.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д: Феникс, 1996б.

Климов Е.А. Основы психологии: Учебник для вузов. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. С. 196—201.

Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 21—32.

Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд). Уч. пособие. М.: МПСИ, Флинта, 2003.

Козлов В.В. Веерная модель системного анализа причин ошибки пилота и разработки профилактических мероприятий // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлёва. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 523—535.

Кокурина И.Г. Методика изучения трудовой мотивации. Уч. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Котик М.А. Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1980.

Котик М.А., Емельянов А.М. Природа ошибок человека-оператора (на примерах управления транспортными средствами). М.: Транспорт, 1993.

Кулагин Б.В. Основы профессиональной психодиагностики. Л.: Медицина, 1984.

Леонова А.Б. Психологические средства оценки и регуляции функциональных состояний человека: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1989.

Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 3. С. 4—21.

Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2009.

Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопр. философии. 1972. № 9. С. 95—108.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

Ломов Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 5. С. 3—22.

Ляудис В.Я. Память как хронологическая основа личностной самоорганизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 25—33.

Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. Учебник. М.: Логос, 2001.

Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 79—90.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Уч. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Пчелинова В.В. Дескрипторный словарь в формировании представлений психолога о мире труда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 76—87.

Пушкин В.Н. Оперативное мышление в больших системах. М.: Энергия, 1965.

Рубинштейн С.Л. Психологическая характеристика труда // Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. С. 473—475.

Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: Пчела, 2008.

Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008.

Социальная психология труда: Теория и практика / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. Т. 1, 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Стрелков Ю.К. Временной анализ труда: как успеть вовремя в трудовой ситуации? // Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия, 2001. С. 316—354.

Стрелков Ю.К. Феномен времени в исследованиях транспортного труда // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлёва. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 200—221.

Стрелков Ю.К. Временная форма профессионального опыта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010а. № 2. С. 23—31.

Стрелков Ю.К. Темпоральность трудовой деятельности // Нац. психол. журн. 2010б. № 2 (4). С. 87—91; 2011. № 1. С. 62—65.

Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

Шадриков В.Д. Психологический анализ деятельности. Системогенетический подход: Учеб. пособие. Ярославль: ЯГПИ, 1979.

Шадриков В.Д. Содержание и структура профессиональной деятельности // Шадриков В.Д. Деятельность и способности. М.: Логос, 1994. С. 9—14.

Шмелёв А.Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: Уч. пособие. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004.

Шпильрейн И.Н. Основные вопросы профессиографии. Доклад на IV Междунар. Психотехнической конференции в Париже в 1927 г. // Психофизиология труда и психотехника. 1928. Вып. 1. С. 31—40.

Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. С. 233—280.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ АНДРЕЕВОЙ

31 мая с.г. после тяжелой болезни скончалась **Галина Михайловна Андреева**, выдающийся ученый и педагог, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии образования, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и основатель этой кафедры.

Галина Михайловна родилась 13 июня 1924 г. в Казани в семье врачей. Ее отец был профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского медицинского института, а мать — врачом-невропатологом городской больницы. После окончания с отличием школы в июне 1941 г. Галина Андреева добровольцем ушла на фронт. До июня 1945 г. она находилась в действующей армии в составе Брянского, II Прибалтийского и Ленинградского фронтов, пройдя путь от радиста до начальника радиостанции и дежурной фронтового узла связи. Награждена боевыми наградами — орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

После демобилизации летом 1945 г. Г.М. Андреева поступила на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, и с этого времени вся ее жизнь связана с Московским университетом. После окончания аспирантуры в 1953 г. и защиты кандидатской диссертации преподавала на философском факультете МГУ. Галина Михайловна принадлежит к первому поколению российских социологов, которые сформировали облик отечественной социологической науки. В 1965 г. Г.М. Андреева защитила докторскую диссертацию, содержание которой отражено в ее первой книге «Современная буржуазная эмпирическая социология» (1965), а в 1969 г. организовала на философском факультете кафедру методики конкретных социальных исследований — первую университетскую социологическую кафедру в стране. Учебное пособие «Лекции по методике конкретных социальных исследований», вышедшее под редакцией Г.М. Андреевой в 1972 г., стало настольной книгой студентов, проводивших эмпирические исследования в социологии, а позже и в социальной психологии.

В 1972 г. по приглашению основателя и первого декана факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьева Галина Михайловна создала на факультете психологии кафедру социальной психологии, которой заведовала до 1989 г. Первые труды кафедры, вышедшие под редакцией Галины Михайловны, — это «Теоретические и методологические проблемы социальной психологии» (1977), «Межличностное восприятие в группе» (1981), «Методы исследования межличностного восприятия» (1984). Из-под ее пера вышли и первые учебники по социальной психологии для студентов: «Современная социальная психология на Западе (теоретические направления)» (в соавторстве с Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской, 1978) и «Социальная психология» (первое издание — 1980).

Учебник Г.М. Андреевой «Социальная психология» стал первым университетским учебником по социальной психологии. Он награжден Ломоносовской премией, выдержал 6 изданий в нашей стране (1980, 1988, 1994, 1998, 2004, 2014), выпущен в форме аудиоучебника (2008), а также переведен на многие языки мира (английский, арабский, болгарский, венгерский, испанский, киргизский, китайский, литовский, французский и чешский). Цикл из 15 лекций Г.М. Андреевой по социальной психологии выпущен на дисках DVD (2008). В 2012 г. учебно-методический комплекс «Социальная психология», подготовленный Г.М. Андреевой с коллегами, занял I место на Конкурсе психологических изданий в рамках V Съезда Российского психологического общества в номинации «Лучший учебно-методический комплекс». Третий написанный Г.М. Андреевой учебник — «Психология социального познания» (вышел тремя изданиями — 1997, 2000, 2005) — содержит осмысление нового для отечественной социально-психологической традиции предметного поля.

Всего Г.М. Андреевой опубликовано более 250 научных работ. Обобщающий том ее научных работ «Социальное познание: проблемы и перспективы» вышел в серии «Психологи Отечества. Избранные психологические труды» (1999). К 30-летию кафедры социальной психологии Галина Михайловна с коллегами подготовила учебное пособие «Социальная психология в современном мире» (2002). Принципиальные статьи, написанные Г.М. Андреевой в 2000-е гг., собраны в ее книге «Социальная психология сегодня: поиски и размышления» (2009).

Все годы своего существования кафедра социальной психологии благодаря прежде всего усилиям и позиции Галины Михайловны была интегрирована в мировое научное сообщество. Продуктами международного научного сотрудничества стали книги под редакцией Г.М. Андреевой и Я. Яноушека «Общение и деятельность» (на чешском языке, Прага, 1981) и «Общение и оптимизация со-

вместной деятельности» (М., 1987), подготовленные коллективами кафедр социальной психологии МГУ и Карлова университета в Праге. Совместные исследовательские проекты и публикации с канадскими (1970-е гг.), немецкими (1970-е — 1990-е гг.) и финскими психологами (с 1990-х гг. по настоящее время) осуществлялись под руководством и при лидирующем личном участии Галины Михайловны. Профессор Андреева читала лекции в университетах Англии, Швеции, Германии, Чехии, Венгрии, Финляндии, США и Италии.

Г.М. Андреева — действительный член Российской академии образования (1993). Член Ученого совета МГУ (2001 – 2014). Удостоена званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1984), «Почетный доктор университета Хельсинки» (2000). Лауреат премии имени М.В. Ломоносова за научную работу (1984) и за педагогическую работу (2001). Награждена Серебряной медалью имени Питирима Сорокина РАН «За вклад в науку» (2008) и медалью «За вклад в развитие военной психологии» Обществом психологов силовых структур (2008). Член Российского общества социологов и Российского психологического общества. Член Европейской ассоциации социальной психологии. Награждена орденом Дружбы (1999) и орденом Почета (2004).

До настоящего времени Г.М. Андреева была членом Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ имени М.В. Ломоносова; председателем редакционного совета журнала «Социальная психология и общество», созданного в 2010 г. при ее деятельном участии; членом редакционного совета журнала «Вопросы психологии»; членом редколлегий журналов «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» и «Психологические исследования: электронный научный журнал».

Научные заслуги Г.М. Андреевой отмечены званием лауреата XIV Национального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2012 г. в номинации «Патриарх российской психологии».

За 60 лет плодотворной работы в МГУ имени М.В. Ломоносова Г.М. Андреева создала научную школу в социальной психологии. Исследования этой школы отличаются междисциплинарностью, глубиной методологического анализа и анализа социальных проблем.

Галина Михайловна была любимым преподавателем многих поколений студентов факультета психологии. На протяжении многих лет и до настоящего времени она читала на факультете авторские курсы — общий курс лекций «Социальная психология» и спецкурс «Психология социального познания». В последние годы разработала и читала спецкурс «Психология социального конфликта» для специализации «Психология переговоров и разрешения конфликтов».

Под ее руководством были подготовлены и защищены более 100 дипломных работ, 51 кандидатская диссертация, 13 ее учеников стали докторами наук.

Яркие и содержательные лекции и научные доклады Галины Михайловны неизменно вызывали у студентов и аспирантов факультета психологии глубокий и устойчивый интерес к социальной психологии — науке, становлению которой в нашей стране Г.М. Андреева посвятила многие годы, вкладывая в этот трудный процесс свой блестящий интеллект, силы и душу.

Ученики и коллеги скорбят о горькой утрате. Галина Михайловна покинула этот мир, но оставила нам образцы высокого профессионализма, ответственного отношения к делу, безупречного чувства чести и человеческой порядочности, четкой и последовательной гражданской и профессиональной позиции, человеческого мужества, женской красоты и обаяния.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КЛИМОВА

Психологи России понесли невосполнимую утрату. 31 мая 2014 г. после продолжительной болезни скончался **Евгений Александрович Климов** — ведущий российский психолог труда, заведующий лабораторией психологии профессий и конфликта факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, академик РАО, доктор психологических наук, заслуженный профессор Московского университета.

Родился Евгений Александрович 11 июня 1930 г. в селе Вятские Поляны Кировской области, окончил отделение русского языка, логики и психологии историко-филологического факультета Казанского университета (1953). В 1953—1968 гг. работал доцентом кафедры педагогики и психологии Казанского университета; одновременно преподавал логику и психологию в средней школе № 1 Казанской железной дороги; в 1959—1964 гг. был научным руководителем Казанского филиала лаборатории профессиональной педагогики Центрального учебно-методического кабинета профтехучилищ. В 1968—1976 гг. заведовал отделом психологии труда ВНИИ Профтехобразования Госпрофобра СССР в Ленинграде. В 1976—1980 гг. — профессор кафедры психологии Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет).

В 1980 г. Е.А. Климов был приглашен работать на факультет психологии Московского университета; заведовал кафедрой психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ (1983—2003); декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1986—2000). Более 20 лет Евгений Александрович читал студентам факультета психологии Московского университета общий курс «Психология труда», а также спецкурс «Психология профессионального самоопределения». Весом его вклад в подготовку высококвалифицированных кадров в области психологии и педагогики, под руководством Евгения Александровича защищено 38 кандидатских и докторских диссертаций.

Научные интересы Е.А. Климова связаны с разными проблемами психологии, среди них: дифференциальная психология, проблема индивидуального стиля деятельности, педагогическая психология и профессиональная педагогика, психологическое профессиоведение, психология профориентации и профессионального

самоопределения, психология становления профессионала, проблемы теории, истории и методологии психологии труда, психология профессионального сознания и самосознания человека как субъекта труда.

Е.А. Климовым опубликовано свыше 320 работ, в том числе более 30 учебных пособий и учебников по психолого-педагогическим вопросам; наиболее важные среди них: «Как выбирать профессию?» (1984); «Введение в психологию труда» (1988, 1998, 2004); «История психологии труда в России» (в соавт., 1992); «Основы психологии» (1997); «Психология. Учебник для средней школы» (1997); «Общая психология» (1999); «Образ мира в разнотипных профессиях» (1995); «Психология профессионального самоопределения» (1996); «Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект)» (2001); «О становлении профессионала: приближение к идеалам культуры и сотворение их (психологический взгляд). Уч. пособие» (2006); «Психология труда, инженерная психология и эргономика». Учебник для академического бакалавриата (соавтор и редактор, 2014) и др.

Психологи России помнят ведущую роль Е.А. Климова в деле организации Российского психологического общества. После распада СССР Е.А. Климов был в числе организаторов—учредителей Всероссийской профессионально-психологической организации (1994 г.), избирался президентом РПО (в 1994 и 1998 гг.), готовил Устав и Программу деятельности РПО, участвовал в организации и проведении многих всероссийских психологических конференций.

Евгений Александрович внес важный вклад в дело университетской подготовки специалистов-психологов и педагогов: в качестве руководителя советов по психологии и педагогике УМО университетов РФ Е.А. Климов принимал участие в разработке государственных образовательных стандартов первого и второго поколений.

Е.А. Климов был членом редколлегии психологических журналов: «Вопросы психологии», «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Национальный психологический журнал», «Иностранная психология», «Мир психологии», «Акмеология» и др.

Е.А. Климов — действительный член Российской академии образования (избран как действительный член Академии педагогических наук СССР в 1985 г., как член-корреспондент — в 1974 г.), академик Международной академии психологических наук (1993), академик Международной академии акмеологических наук (1993), академик Международной академии информатизации (1994).

В течение многих лет Е.А. Климов работал в Экспертном совете по психологии ВАК РФ, в том числе возглавлял этот совет (с 1998

по 2001 г.), являлся председателем Экспертного совета по комплексному изучению человека, педагогике и психологии Российского гуманитарного научного фонда.

До последних дней жизни Е.А. Климов возглавлял Диссертационный совет Д 501.001.11 при МГУ имени М.В. Ломоносова, в котором осуществлялись защиты диссертаций по специальностям: 19.00.03 — психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.07 — педагогическая психология; 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования.

Деятельность Е.А. Климова отмечена правительственными наградами, среди них: медаль «За освоение целинных земель» (1957); нагрудный знак «Отличник профтехобразования СССР» (1979); медаль «Ветеран труда» (1987); почетный знак «За заслуги в развитии системы профтехобразования» (1988); медаль «В память 850-летия Москвы» (1997); почетное звание «Заслуженный деятель науки Татарстана» (2000); орден Почета (2001).

Труды Е.А. Климова высоко оценены в профессиональном психологическом сообществе России. В 1998 г. он был награжден орденом Международной академии психологических наук «За заслуги в психологии»; в 1999 г. цикл учебников и учебных пособий по психологии, подготовленных в 1990-е гг., был отмечен Ломоносовской премией Ученого совета МГУ «За педагогическую деятельность».

Президиум Российской академии наук наградил ученого премией имени С.Л. Рубинштейна за серию работ по тематике «Системно-генетические исследования профессиональной деятельности» (2002). Е.А. Климов — победитель Национального профессионального конкурса «Золотая Психея» по итогам 2004 г. в номинации «Патриарх Российской психологии». Он награжден почетной грамотой за научно-педагогическую деятельность Академией государственной службы при Президенте РФ (2005). Учебное пособие Е.А. Климова «Педагогический труд: психологические составляющие» (М., 2004) получило награду в конкурсе «Лучшая книга по педагогике-2006» в номинации «Лучшие учебники и учебные пособия по педагогике». В 2007 г. он награжден золотой медалью Российской академии образования «За достижения в науке».

Администрация факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Российское психологическое общество, коллеги и ученики всегда будут помнить Евгения Александровича Климова как выдающегося ученого, организатора психологической науки, блестящего лектора и заботливого учителя, человека чистого душой и сердцем, преданного науке.